

# ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ  
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

1 9 3 1

№ 4-5



ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-  
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г О Д  
ИЗДАНИЯ  
ТРЕТИЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

О  
Р  
Г  
А  
Н  
  
И  
Н  
С  
Т  
И  
Т  
У  
Т  
А  
  
Э  
К  
О  
Н  
О  
М  
И  
К  
И  
  
К  
О  
М  
М  
У  
Н  
И  
С  
Т  
И  
Ч  
Е  
С  
К  
О  
Й  
  
А  
К  
А  
Д  
Е  
М  
И  
И

О Р Г А Н  
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ  
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ  
АКАДЕМИИ

№ 4-5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ  
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

## СТАТЬИ

И. Хавин — Кредитная реформа и хозрасчет . . . . .	3
М. Кривицкий — Капиталистическая и социалистическая кооперация труда . .	13
С. Гиммельфарб — Ликвидация безработицы в СССР и проблема кадров . . .	23
Ф. Михалевский — Теоретическое оружие финансового вредительства . . . . .	57
Л. Зиман — Размещение капиталистического производства и теория „штандорта“.	71
П. Олешинский — Каутскианская „защита“ закона обнищания . . . . .	87
А. Брейтман — „Синтетическая теория кризисов“ Герценштейна . . . . .	109

## БИБЛИОГРАФИЯ

Илиас Алкин — Кондратьевщина в экономической географии . . . . .	127
Реуэль — Д. Б. Наумов — Николай Иванович Зибер . . . . .	138

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Борилин (доклад) — Вступление в период социализма и завершение построения фундамента социалистической экономики . . . . .	142
Бурдянский — Пути социалистической стандартизации . . . . .	161

Технич. ред. Я. Днепроvский

7-я типография Мосполиграфa „ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“ Москва, Филипповский, 13

Уполн. главлита В—4708 С.-Э. (п) № 288. З. Т. 1524 Тираж 10 000.

Стат Б5—176 × 250. 10<sup>1</sup>/<sub>2</sub> п. л. 1<sup>1</sup>/<sub>16</sub> л.

И. ХАВИН

## КРЕДИТНАЯ РЕФОРМА И ХОЗРАСЧЕТ

Быстрый темп развития социалистического строительства, рост общественного советского хозяйства и достигнутый уровень его планирования определили необходимость проведения кредитной реформы, основной смысл которой заключался в замене коммерческого (вексельного) кредитования прямым банковским кредитованием. Однако в практике проведения необходимой на современной стадии развития народного хозяйства СССР кредитной реформы наметился ряд грубейших извращений, приведших к нарушению принципов хозрасчета.

Сюда в первую очередь относится тот автоматизм, который был присущ практике проведения кредитной реформы. Сущность этого автоматизма сводилась к тому, что банк фактически расплачивался за покупателя независимо от того, имеются ли на его счете деньги или нет, покупатель терял контроль за качеством, ассортиментом покупаемых товаров, и владелец контокоррента фактически отстранялся от распоряжения своим контокоррентом.

Далее наряду с автоматизмом была установлена практика кредитования, при которой хозорганам открывался кредит под план вне зависимости от его фактического выполнения. Последствием такой системы кредитования явилось бесконтрольное расходование кредитов, превышение лимитов банковского кредита предприятиями, не выполняющими качественных и количественных заданий плана, и полное ослабление финансовой дисциплины.

Но эта же система кредитования обезличивала оборотные средства и приводила к автоматическому перечислению накоплений в бюджет на капитальные работы и другие цели, независимо от их фактического получения в производстве, и по существу поставила хозяйственников в такое положение, что ослабила их заинтересованность в снижении себестоимости, накоплении прибылей и мобилизации внутренних ресурсов.

Извращения практики кредитной реформы привели к ослаблению непосредственных связей между хозяйственными организациями и непроведению в жизнь договорных отношений между ними — одного из необходимейших факторов хозяйственного расчета. Наконец немалую роль в извращениях в практике кредитной реформы сыграли недостаточная подготовка к столь важному мероприятию и вредительская работа Шеров и Берлацких.

Существовавшая практика кредитных отношений нашла свое идеологическое оправдание и обоснование в ряде левацких выступлений, имевших место по этому вопросу. В этих выступлениях обосновывалось отмирание на современном этапе нэпа финансовой системы, превращение денег в расчетные знаки, необходимость полного отказа от развития товарооборота, возможность перехода к непосредственному продуктообмену, наконец подчеркивалась несовместимость плановости и хозрасчета.

Безусловно эти левацкие взгляды способствуют укреплению позиции правых оппортунистов, которые болтают о сохранении в наших условиях в полной силе действия законов товарно-денежного обращения и рассматривают укрепление хозрасчета как условие для разрывания рыночных отношений. Лишь в борьбе с правооппортунистическими извращениями, которые на современной стадии смыкаются с вредительскими установками Кондратьевых — Громанов и левооппортунистическими взглядами, обеспечивается правильное проведение генеральной линии партии в деле социалистического строительства.

Уже декабрьский пленум ЦК подчеркнул необходимость решительной борьбы с недооценкой роли и значения финансовой системы на данном этапе социалистического строительства, необходимость срочного выполнения финансовых планов и обеспечения зависимости производства расходов от накоплений, от их действительного поступления.

Таким образом декабрьский пленум ЦК со всей решительностью ударил по всем тем, кто считал, что для нас уже отпало значение укрепления червонца, значение контроля рублем, значение всех тех финансовых рычагов, которые нам необходимы для воздействия в деле выполнения наших производственных планов.

Наряду с этим декабрьский пленум ЦК подчеркнул исключительное значение выполнения финансовых планов, укрепления финансовой дисциплины.

Осуществление всех этих задач, поставленных декабрьским пленумом ЦК, потребовало прежде всего укрепления хозяйственного расчета.

Тов. Молотов в своем выступлении на Всесоюзной конференции социалистической промышленности, которая прошла под знаком необходимости проведения жесткого хозрасчета во всех звеньях промышленности на базе договорных отношений, следующим образом сформулировал значение хозяйственного расчета:

«Рост плановости в нашем хозяйстве, — говорит он, — не снимает принципа хозрасчета с порядка дня. Напротив, несмотря на рост плановых начал в нашей промышленности и во всем народном хозяйстве, мы должны признать одним из основных недостатков хозяйственного управления — недостаточность проведения принципов хозрасчета на практике. На практике это толкает к бюрократизации хозяйственного аппарата. Действительная борьба с бюрократизмом в хозяйственных аппаратах не может сейчас вестись без осуществления на деле принципа хозрасчета в управлении промышленности, сопровождаясь вместе с тем все большим развитием элементов социалистического планирования как в промышленности, так и в народном хозяйстве в целом».

Далее «в условиях изживания нэпа, в период последнего этапа нэпа, роль планового начала неизмеримо выросла, и это накладывает свою печать на всю нашу хозяйственную работу. Однако поскольку еще существует нэп, нельзя по-бюрократически «отменять» хозрасчет. Напротив хозрасчет является необходимым рычагом управления в госпромышленности. Забвение этого приводит к тяжелым для строительства социализма последствиям».

Итак хозрасчет является основным методом хозяйственного управления. Оппортунистическая недооценка хозрасчета толкает к бюрократизации хозяйственного аппарата. Внедрение хозрасчета — необходимое условие для укрепления плановости и успешного выполнения плана третьего решающего года пятилетки.

Проведение в жизнь хозрасчета в работе предприятий обеспечивает повседневное выявление успехов и недочетов в их работе, способствует правильному отражению производственной и финансовой деятельности предприятий, является решающим звеном в борьбе за снижение себестоимости и улучшение качества продукции. Проведение хозрасчета является одним из действенных способов мобилизации широких масс к делу выполнения промфинплана.

Исключительное значение для укрепления хозрасчета имеют мероприятия, намеченные постановлениями СНК от 14/1 и 20/III с/г. по улучшению практики кредитной реформы. По существу мы здесь имеем дело с системой мероприятий, обеспечивающих хозрасчет на современном этапе нашего социалистического строительства.

Идея хозрасчета на базе договорных отношений, контроль рублем, кредитование не под план, а под его выполнение — таковы основные моменты, которые легли в основу этих постановлений.

Прежде всего мероприятия, установленные постановлениями СНК от 14 января и 20 марта, устраняют автоматизм кредитования. Устанавливается контроль потребителя за покупаемым товаром. Оплата товаров производится только лишь по прямым поручениям заказчиков товара и после того, как последние удостоверятся в том, что они оплачивают именно те товары, которые они заказали и надлежащего качества.

Все взаимоотношения между хозорганами должны регулироваться на базе договорных отношений. Представление кредита оказывается не под план, а под выполнение плана, ставя в зависимость предоставление кредита от заключения и выполнения договоров между хозорганами. Договорная дисциплина, материальная ответственность за невыполнение договоров — мощный рычаг в укреплении хозрасчета. Договор, которым обуславливаются определенные обязательства, которые на себя берет хозяйственник, — это безусловно фактор и немалый фактор в деле проведения хозрасчета. Проникновение договорной связи во все звенья хозяйственного аппарата — очередная задача, стоящая перед нами.

Договорная связь предприятий-потребителей с предприятиями-производителями на основе непосредственных договоров, либо на основе генеральных соглашений между объединениями, в которые входят данные предприятия, должна охватить всю систему снабжения и сбыта. Таким образом выполнение плана по существу связывается материальной ответственностью и договорной дисциплиной.

Установлены три формы расчета: акцепт, аккредитив и особый счет, причем все эти формы расчетов базируются на одном контроле покупателя над продавцем, именно поэтому и признано преимущество акцептной формы расчетов.

Формы расчетов устанавливаются договором, лишь на основании заключаемых договоров Госбанк принимает поручения о форме расчета, и самое открытие кредита производится в размерах, вытекающих из заключенных предприятиями и хозорганами договоров. Договор становится основой для контроля рублем.

Далее постановлениями СНК от 14 января и 20 марта намечается ряд мероприятий, обеспечивающих зависимость производства расходов от накоплений, от их фактического поступления. Устраняется автоматизм, который приводил к тому, что объединению совершенно не приходилось заботиться о накоплениях, так как разница между расчетной ценой и фактической, независимо от того, было ли снижение

себестоимости или нет, механически поступала на счет объединения, следовательно, эти средства расходовались независимо от того, имелись ли эти накопления или нет, что по существу подрывало хозрасчет.

Установление страхового счета, куда поступают 50% дополнительной прибыли, получающейся в результате выполнения задания по снижению себестоимости, и возможность расходования этих средств только после отчетной проверки выполнения задания по снижению себестоимости — мероприятие, гарантирующее зависимость производства расходов от накопления, от их действительного поступления.

И наконец увеличиваются гибкость и маневренная способность отдельных хозорганизаций предоставлением им права перераспределения предоставленных им лимитов банковского кредита, а также образования резерва в пределах предоставленного им кредита.

Немалую роль в установлении хозяйственного расчета должно сыграть постановление ЦИК и СНК от 3 мая с. г. об отчислениях из прибылей государственных предприятий в бюджет.

При существующей практике почти вся прибыль заверстывалась в бюджет и поречислялась, независимо от того, имелись ли эти накопления фактически или нет. В этот порядок отчисления прибылей вносятся ряд изменений.

Устанавливается зависимость производства расходов от накоплений, от выполнения количественных и качественных плановых заданий. Это достигается уменьшением взносов от прибылей в доход государства и соответственным увеличением собственных вложений в капитальное строительство и в оборотные средства. Вместо ранее установленного 85% отчислений от прибылей в доход государства от промышленных сельскохозяйственных, транспортных и коммунальных предприятий, устанавливается дифференцированный подход к разным предприятиям. Для перечисленных выше предприятий, которые финансируются по государственному или местному бюджету, устанавливается размер отчислений в 10%. Для предприятий, у которых накопления, предусмотренные планом, превышают размер затрат по капитальным работам и по оборотным средствам, устанавливается повышенный размер отчислений. И наконец для предприятий, которые не финансировались по общегосударственному или местному бюджету, сохраняется прежний размер отчислений.

Новый порядок отчислений прибылей в доход государства, сохраняя в силе необходимое перераспределение накоплений из предприятий более рентабельных в менее рентабельные, из отраслей легкой индустрии в тяжелую, упраздняет тот бессмысленный порядок, при котором предприятия, отчисляя почти всю свою прибыль в доход государства, в свою очередь получали финансирование из бюджета, и тем самым ослаблялась непосредственная связь между процессом получения накоплений от выполнения количественных и качественных плановых заданий и вложением этих накоплений в капитальные работы и в оборотные средства. Ставя в непосредственную зависимость производство затрат от накоплений, от их фактического поступления в производство, мы получаем мощный рычаг в стимулировании выполнения количественных и качественных плановых заданий.

Для каждого трудящегося на предприятии будет совершенно ясна непосредственная связь между результатами работы его коллектива по выполнению промфинплана и улучшениями в производстве, связанными с капитальными затратами, намечаемыми на данном предприятии.

В последнее время эта связь почти совершенно была стерта, что безусловно не могло не отразиться на ослаблении хозяйственного расчета.

Не менее важным мероприятием, упорядочивающим взаимоотношения предприятий и бюджета, является мероприятие, намечаемое постановлением ЦИК и СНК от 3 мая, по которому вместо плановых отчислений прибылей в доход государства независимо от их фактического поступления устанавливается порядок отчислений от прибылей на основе отчетных данных о фактической прибыли предприятий за каждый истекший квартал.

Итак, упорядочивая взаимоотношения между предприятиями и бюджетом, постановление ЦИК и СНК о новом порядке распределения прибылей накладывает большую ответственность на предприятия за выполнение количественных и качественных заданий налога, одновременно обеспечивает дополнительные стимулы к полному выполнению и перевыполнению плана.

Наряду с приведенными выше мероприятиями, намеченными постановлениями правительства для дальнейшего углубления и упрочения развертывания хозрасчета во внутризаводской жизни, стоят вопросы организации системы снабжения, вопросы упорядочения рентабельности промышленности, вопрос о собственных оборотных средствах и вопросы отчетности.

Правильное проведение хозрасчета на предприятиях требует развертывания хозрасчета во внутризаводской жизни. На сегодняшний день на наших предприятиях лишь приступают к разрешению этой задачи. При этом мы еще только нащупываем те организационные формы во взаимоотношениях между цехом и заводоуправлением и между цехами, обеспечивающие перевод последних на хозяйственный расчет.

Задачи овладения техникой хозрасчетных отношений во внутризаводской жизни должны быть в кратчайший срок разрешены. Лишь базируясь на последовательном проведении хозрасчета на предприятии, можно говорить о хозрасчете во всей хозяйственной системе.

Необходимо широкое развертывание взаимного обмена опытом перевода на хозяйственный расчет отдельных цехов и отделов и доведение хозрасчетных отношений до бригады наших заводов и фабрик.

Необходимы со стороны руководящих хозяйственных организаций учет этого опыта, его обобщение и четкие директивы по устранению выявленных недостатков и извращений в практике проведения хозрасчета внутри предприятия, которые встречаются довольно часто. Необходимо широкое вовлечение всей заводской общественности в разрешение вопросов постановки хозрасчета на предприятиях.

В борьбе за хозрасчет одним из решающих звеньев является система снабжения. Необходимость коренной реорганизации в этой области со всей решительностью была подчеркнута в резолюции Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности.

«Существующая в настоящее время система снабжения, — говорится в этой резолюции, — привела к совершенному устранению руководителей предприятий от дела снабжения, к исчезновению хозрасчетных и договорных отношений, вследствие чего получилась бюрократизация всей снабженческой работы, заговаривание в ряде материалов при резкой нехватке в других — отсюда некомплектность снабжения. Все указанные основные недостатки системы снабжения в значительной мере снимают ответственность с руководителей предприятий и нарушают работу как по линии снабжения, так и по линии производства»



Проходящая в настоящее время реорганизация системы снабжения в целях укрепления хозяйственного расчета:

- 1) устраняет бюрократическую централизацию в деле снабжения;
- 2) ставит своей задачей на основе планов материального снабжения установить децентрализацию оперативного выполнения их;
- 3) устанавливает ответственность директора предприятия за снабжение предприятия. В его ведение переходит все складское хозяйство предприятия;
- 4) устанавливает непосредственную связь между предприятием-потребителем и предприятием-производителем;
- 5) устанавливает договорные взаимоотношения по снабжению и сбыту между предприятиями и объединениями.

Успешное проведение намеченной реорганизации в системе снабжения является одним из условий положительных достижений по внедрению и укреплению хозяйственного расчета.

На ослаблении хозяйственного расчета не могли не сказаться имевшие место факты, извращающие картину рентабельности промышленности.

Сюда относятся извращения рентабельности по ряду крупнейших отраслей промышленности, где систематически отпускные цены устанавливались ниже плановой себестоимости (уголь, торф, кокс и др.).

Это извращение рентабельности безусловно сказалось на ослаблении рычагов хозяйственного расчета в этих отраслях промышленности. Кроме того благодаря такому планированию цен мы получаем по ряду отраслей производства несоответствующие действительности издержки производства.

Проведенная год тому назад унификация многочисленных налогов не имела целью увеличение тяжести налогового обложения промышленности. Однако при фактическом ее проведении промышленность оказалась переобложенной в сумме около 550 млн. руб. Таким образом благодаря этому прибыль промышленности в целом и по отдельным отраслям в 1931 г. по существу не отражает действительной рентабельности. Мы считаем, что устранение переобложения промышленности и восстановление действительной картины рентабельности каждой отдельной отрасли промышленности настоятельно диктуются укреплением хозяйственного расчета.

Приведем несколько примеров.

Всесоюзное объединение лесной промышленности, Союзлеспром, благодаря получившемуся переобложению в связи с унификацией налогов является объединением убыточным. На 1931 г. по плану намечен по этому объединению убыток в 72 млн. руб. При компенсации же переобложения, определяемого в 133 млн. руб., лесная промышленность в действительности совершенно не является убыточной, а наоборот является вполне рентабельной.

По Всесоюзному текстильному объединению рентабельность в 1931 г. снижена благодаря переобложению в 117 млн. руб. на одну треть.

Из отраслей тяжелой промышленности значительно переобложены Сталь—150 млн. руб., Востокосталь—6 млн. руб., Союзнефть—23 млн. руб.

Все эти факты говорят о том, что в целях выявления действительной рентабельности промышленности, необходимо снять с промышленности ее переобложение по налогу с оборота, увеличив на соответствующую сумму прибыль промышленности.

Кроме того, рентабельность ряда отраслей промышленности извра-

щается недостаточной гибкостью существующей системы налогового обложения, когда в единой ставке налога с оборота не улавливаются подчас довольно значительные сдвиги в ассортименте выпускаемой продукции, главным образом между группой товаров, идущих на предметы личного потребления, и предметами производственного потребления, напр. сдвиги в ассортименте Резинообъединения по выпуску шин, где до унификации налогов была низкая ставка обложения, и галош — с высокой ставкой обложения; по Цветметзолоту между изделиями производственного потребления: кабель, провода и т. п., и изделиями хозяйственного потребления: примусы, посуда и т. п.

Закрепление навсегда для промышленности в единой для каждого объединения ставке налога с оборота того ассортимента товаров, который был в 1929/30 г., по существу при систематическом относительном снижении удельного веса предметов широкого потребления в промышленном обороте, несущих в своей цене более высокое обложение, приводит к систематическому уменьшению прибыли промышленности.

Налоговая реформа кроме унификации налогов промышленности сопровождалась перенесением на промышленность налогов, падавших прежде на товаропроводящую сеть, причем промышленности было предложено сохранить отпускные цены на прежнем уровне, изменив их только на размер налогов товаропроводящей сети по предметам широкого потребления. Общая сумма перенесенных налогов с товаропроводящей сети была закреплена в единых ставках налога с оборота промышленных объединений. Однако со времени установления ставок налога с оборота произошли значительные сдвиги в отпуске товаров потребительской кооперации и изменился удельный вес отпуска товаров товаропроводящей сети, учтенный в политике проведения налоговой реформы. Ввиду этого средства, собираемые промышленностью в уплату налога с оборота с товаропроводящей сети, не соответствуют тому налоговому доходу, который фактически за товаропроводящую сеть выплачивает в 1931 г. промышленность в бюджет.

Систематически растет например тяжесть переобложения по нефтяной промышленности благодаря относительному уменьшению удельного веса в отпуске керосина кооперации и увеличению производственного потребления керосина машинно-тракторными станциями и совхозами.

Несет потери на переплате налога кожевенная промышленность благодаря увеличенному сбыту яловой обуви, идущей в прозодежду, и относительному уменьшению удельного веса идущей через кооперацию гражданской обуви.

Аналогичную картину мы имеем в стеклянно-фарфоровой промышленности, где относительно падает в сбыте удельный вес товаров широкого потребления и т. д.

Необходимость устранения потерь промышленности на взносах налога с оборота от изменения ассортимента и от падения удельного веса отпуска товаров в товаропроводящую сеть и тем самым устранения связанного с этим снижения рентабельности промышленности безусловно требует большей гибкости в системе налогового обложения. Все это выдвигает необходимость дифференциации ставок по тем товарам, в калькуляции которых налоговый элемент колеблется достаточно резко. Например по Резинообъединению надлежало бы установить две налоговых ставки на галоши и на техническую продукцию. Необходимо также дифференцировать ставки налога для товаров, имеющих

преимущественно направление в товаропроводящую сеть и неимеющих этого направления. Например по Цветметзолоту следовало бы выделить в отдельную группу предметы широкого потребления (самовары, примусы, посуда и т. д.).

Наконец рентабельность промышленности извращается не только благодаря увеличению тяжести обложения, связанной с недостатками в проведении унификации налогов и недостаточной гибкостью этой системы, но наряду с этим имеются факты неувязок между унификацией налогов и сборов целевого назначения и фактически предусмотренными в бюджете специальными ассигнованиями на покрытие этих расходов. Например страховые платежи промышленности ВСНХ в сумме до 80 млн. руб. были учтены в ставках налога с оборота и тем самым были закреплены. Между тем в бюджете не предусмотрен фонд для покрытия убытков промышленности от пожаров и других стихийных бедствий. В связи с этим ежегодно из-за отсутствия компенсации по пожарам и стихийным бедствиям промышленность фактически терпит убытки, идущие за счет ее прибылей, заверстанных в плане.

Элементарные требования хозрасчета безусловно выдвигают необходимость восстановления в расходной части госбюджета страхового фонда промышленности и оплачивания за его счет потерь от стихийных бедствий, которые до унификации налогов оплачивались Госстрахом.

Почти аналогичную картину мы имеем с унификацией сборов, связанных с дорожным строительством; несмотря на то, что унификация сборов, являющихся источником покрытия дорожного строительства, произведена и промышленность выплачивает падающую на нее долю в дорожном строительстве, мы имеем фактически систематическое участие промышленности в дорожном строительстве сверх этого специальными ассигнованиями благодаря недостаточному предусмотрению в местных бюджетах средств на эти нужды.

Переходя к вопросу о собственных оборотных средствах, необходимо указать, что среди крупнейших недостатков в проведении кредитной реформы, приведших к нарушению и ослаблению хозяйственного расчета, отмечаемых постановлением СНК от 20 марта с/г., указывается на происшедшее обезличивание оборотных средств.

Это обезличивание оборотных средств нашло свое отражение в полном отсутствии различий в направлении средств бюджетного финансирования и банковского кредитования. Средства банка при существующей системе покрывали не только потребности товарооборота, сезонных заготовок, но и потребности предприятий в средствах производства и другие нужды. Благодаря этому подавляющая часть банковских средств осела в предприятиях безвозвратно, тем самым создалось положение, при котором отсутствует нормальная циркуляция денежных средств, а для Госбанка как эмиссионной организации затруднено регулирование денежного обращения.

Благодаря обезличиванию оборотных средств и действовавшей системе планирования кредита отпала для хозорганов всякая возможность маневрирования своими средствами для выполнения возложенных на них плановых заданий, отпала заинтересованность хозорганов в ускорении оборачиваемости средств и мобилизации внутренних ресурсов.

Наконец создавшееся положение, при котором ряд хозорганизаций работает на одни заемные средства или при значительном их преобладании, приводит к извращению рентабельности этих хозорганов, так

как почти вся прибыль или ее значительная часть поглощается процентами, уплачиваемыми Государственному банку.

Для иллюстрации тех извращений в структуре оборотных средств, которые получились благодаря обезличиванию оборотных средств, могут служить следующие данные по союзной промышленности, планируемой ВСНХ.

На 1/1 1931 г. по ориентировочным данным все мобильные оборотные средства союзной промышленности выражаются в сумме 4 475 млн. руб., из них падает на сырье, топливо, вспомогательные материалы и прочие материальные ценности производства — 2 325 млн. руб., расходы будущих лет, сюда входят эксплуатационные расходы длительного характера, не окупающиеся в течение одного года, — 228 млн. руб., товары и готовые изделия — около 870 млн. руб. Эти суммы 4 475 млн. руб. — мобильные средства на 1/1 1931 г. — покрываются собственными оборотными средствами в размере 1 100 млн. руб., включая в таковые все долгосрочные ссуды, полученные из бюджета, банка долгосрочного кредита и прочих источников; если к собственным оборотным средствам условно прибавить кредитов по оплате по степени готовности, носящих специфический характер, в размере 275—300 млн. руб., то собственные оборотные средства составят 1 400 млн. руб. Таким образом остальные мобильные активы покрываются в размере 3 075 млн. руб. привлеченными средствами, из которых 2 120 млн. руб. падает на задолженность Государственному банку.

Сопоставляя собственные средства промышленности с суммой средств, увязанных в материальных ценностях, в сфере производства (кроме технического минимума готовых изделий) и расходах будущих лет, мы видим, что даже эта часть оборотных средств, которая безусловно требует покрытия собственными средствами, покрыта таковыми на 1/1 1931 г. только на 43%.

В 1931 г. этот разрыв еще более увеличивается — рост материальных ценностей в сфере производства, определенный планом 1931 г. в 551 млн. руб., покрывается опять банковским кредитом на 332 млн. руб.

По отдельным отраслям промышленности строение оборотных средств чрезвычайно разнообразно и в некоторых случаях дает совершенно недопустимую картину состояния собственных оборотных средств.

Например по лесной промышленности при общей сумме мобильных оборотных средств на 1/1 1930 г. в 973 млн. руб., представляющие на 650 млн. руб. затраты, которые при оборачиваемости средств в 1,4—1,6 года должны обязательно покрываться собственными оборотными средствами, имеется фактически собственных оборотных средств 69 млн. руб., т. е. почти 10% потребности, причем задолженность банку составляет 772 млн. руб.

Работая почти целиком на заемные средства, лесная промышленность совершенно теряет картину своей рентабельности. Достаточно указать, что в 1931 г. лесная промышленность должна уплачивать процентов Госбанку 80 млн. руб., при нормальной структуре своих оборотных средств эти проценты едва ли достигли бы 30 млн. руб.

Еще более разительный пример мы имеем по металлургии — по объединению Сталь: при наличии мобильных оборотных средств на 1/1 1931 г. 206,9 млн. руб. не имеется собственных оборотных средств ни одной копейки, и эти средства целиком покрываются заемными средствами.

Приведенные данные говорят о том, что необходимо в кратчайший срок создающуюся благодаря обезличенности оборотных средств структуру последних оздоровить.

Четко разграничив сферу вложений собственных и заемных средств, неуклонно следя за целевым использованием заемных средств, обеспечив хозяйственный стимул для экономии в собственных оборотных средствах, мы достигнем подлинного контроля рублем и мобилизации внутренних ресурсов промышленности.

В настоящее время этот вопрос правительством поставлен, и мы надеемся, что он в ближайшее время найдет свое настоящее решение.

Наконец вопрос о постановке отчетности. Для каждого, кто хоть мало-мальски знакомился в этом вопросом, ясно, что на этом участке у нас на сегодняшний день неблагоприятно. Отчетность систематически отстает и не поспевает за теми темпами, с которыми мы движемся вперед. Отчетность не дает нам ответа на те вопросы, на те требования, которые мы к ней предъявляем.

В свете тех задач, которые перед нами стоят по проведению и укреплению принципов хозяйственного расчета как основного метода хозяйственного управления, вопросы рациональной постановки учета производственной деятельности предприятий и ознакомления масс с этой деятельностью (из постановления ЦК от 5/XII 1929 г. о реорганизации управления промышленностью) приобретают чрезвычайно важное значение. Добиться крутого перелома на этом участке необходимо немедленно.

Подводя общие итоги, мы можем с уверенностью сказать, что наша партия, придавая столь серьезное значение вопросу о постановке хозяйственного расчета, наметив конкретные мероприятия по его укреплению и привлекая широчайшие массы к разрешению этой задачи, сумеет с ней справиться и надлежащим образом использует и этот рычаг для выполнения и перевыполнения плана третьего решающего года пятилетки.

М. КРИВИЦКИЙ

## КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ТРУДА

Изучение социалистических форм организации труда начинает все больше и больше привлекать внимание экономистов. И конечно в этом нет ничего удивительного. Важность проблемы очевидна, и пожалуй, можно удивляться, почему только теперь и почему все-таки так еще возмутительно мало уделяется внимания этой проблеме.

Высказывания, которые были до сих пор, поражают не только своей количественной незначительностью, качественным малокровием, но и чрезвычайной пестротой мнений, взглядов, определений и т. д. Тут не только каждый молодец на свой образец, но бывают молодцы на несколько образцов.

Многие из экономистов связывают проблему социалистических форм труда с проблемами социалистической кооперации труда (и делают совершенно правильно). Но, сталкиваясь с чрезвычайным разнообразием процессов, совершающихся в этой области, они дают различную картину связи и различную характеристику, их. Некоторые, говоря о кооперации труда в переходный период, стирают качественную границу между кооперацией труда при капитализме и в условиях СССР. Например это делает Рудаков в своей книжке «Социалистическая рационализация» в целом ряде высказываний.

Механистическая трактовка проблемы, стирающая границы между кооперацией труда в различных исторических условиях, совершенно очевидно не только не приводит к разрешению проблемы, но извращает ее социальную сущность. В конечном счете такая трактовка неизбежно приводит и не может не привести к реформистской теории вращающегося «капиталистического свинства в социализм» (Энгельс). Мы не будем останавливаться на изложении и критике этих и других взглядов. Мы остановимся лишь на положительной трактовке некоторых вопросов проблемы кооперации труда в переходный период. Ряд товарищей, говоря о новых формах труда, относит к новым формам организации труда соцсоревнование, ударные бригады, производственные коммуны и т. д., рассматривая все это как формы социалистической кооперации труда. Тов. Калистратов возражает против такого толкования соцсоревнования.

«Вряд ли правильно называть социалистическое соревнование новой, т. е. социалистической формой организации труда, как это сплошь да рядом делается на практике. Здесь происходит двойное смешение понятий причины и следствия. Для нас должно быть совершенно ясно, что «соревнование — это коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионов масс трудящихся» (Сталин)... «Социалистическое соревнование — результат интенсивного и экстенсивного роста социальных стимулов к труду: следствие же — появление и развитие новых форм организации

труда. Понятие формы организации труда мы не отделяем от кооперации труда»<sup>1</sup>.

Мы не будем подробно останавливаться на значительной путанице, имеющейся в этом высказывании у т. Калистратова: развитие социальных стимулов к труду лежит в основе развития новых форм организации труда, а не наоборот. Для нас совершенно ясно, что развитие новых производственных отношений приводит к развитию новых форм организации труда, на основе которых растут и развиваются новые социальные стимулы к труду. Конечно нельзя отрицать и обратного влияния, но действительно необходимо не смешивать причину и следствие. Мы остановимся несколько ниже на проблеме связи социалистической кооперации труда с социалистическим соревнованием. Перейдем к проблеме кооперации труда. Маркс дает следующее определение кооперации труда: «Та форма труда, при которой много лиц планомерно и совместно участвуют в одном и том же процессе труда или вразных, но связанных между собой процессах труда, называется кооперацией»<sup>2</sup>.

Это общее определение кооперации труда, даваемое Марксом, и вводит в заблуждение Рудакова и др., которые погашают историческую определенность кооперации труда в этом общем определении, стирают различие между кооперацией труда в различных исторических условиях. Маркс давал общее определение для того, чтобы подчеркнуть различие. Говоря например о производстве вообще, Маркс подчеркивает:

«Определения, которые приложимы к производству вообще, должны быть проанализированы, чтобы существенные различия не были забыты ввиду единства, которое обусловлено уже тем, что как субъект-человечество, так и объект-природа существуют на всех ступенях»<sup>3</sup>. Буржуазные экономисты, подчеркивая единство, упуская различия, доказывали «вечность и гармонию существующих социальных отношений» (Маркс). По стопам буржуазных экономистов идут, в сущности может быть сами того не ведая, Рудаков и др., подчеркивая единство и упуская различия. Маркс очень четко подчеркивает историческую обусловленность кооперации труда, ее различную социальную сущность в условиях различных производственных отношений.

Отличительные черты кооперации труда в земледельческих общинах Индии «покоятся, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной, и спаян столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем» (Маркс). В античном мире кооперация труда покоится «на отношениях непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве» (Маркс) (она носит спорадический, единичный характер).

Одним из основных признаков, определяющих характер кооперации труда, является отношение к средствам производства. В земледельческих общинах Индии кооперация труда не является внешней по отношению к производителям, лежит в них самих, в общем владении средствами производства и в их связи (почти животной, «как отдельная пчела с пчелиным ульем») с племенем или с общиной.

<sup>1</sup> „На новом этапе“. т. I, с. 172—173.

<sup>2</sup> Маркс, т. I, с. 313.

<sup>3</sup> Его же, „Введение к критике политической экономии“.

Кооперация труда при рабстве является внешней по отношению к производителям, навязанной им волей господина. Они вступают в отношения не друг к другу, а в определенные отношения к своему владельцу, который и устанавливает отношения их друг к другу.

Эта кооперация основана на том, что производители не только не владеют средствами производства, но и сами являются такой же собственностью их владельца, как и средства производства.

Маркс дает очень яркое и развернутое определение кооперации труда в условиях капитализма.

В капиталистическом обществе средства производства принадлежат не производителям, а классу капиталистов, а производители лишены средств производства и лишь являются владельцами своей рабочей силы. Поэтому в капиталистическом производстве «условия труда противостоят рабочему как нечто самостоятельное» (Маркс), чуждое ему. Рабочий может продавать только свою индивидуальную рабочую силу. Капиталист покупает только индивидуальную рабочую силу. «Как независимые личности, рабочие являются индивидуумами, вступившими в определенные отношения к одному и тому же капиталисту, но не друг к другу (разрядка наша — М. К.) Их кооперация начинается лишь в процессе труда, но в процессе труда они уже перестают принадлежать самим себе»<sup>4</sup>.

Таким образом кооперация труда при капитализме имеет по общему с кооперацией труда при рабстве, что она является внешней по отношению к производителям, навязанной им. В кооперации труда при капитализме производители вступают в отношения не друг к другу, а к одному и тому же капиталу.

Этот внешний характер по отношению к производителям коопераций труда при капитализме как одна из отличительных черт ее Марксом формулирована следующим образом:

«Кооперация наемных рабочих есть только результат деятельности капитала, эксплуатирующего этих рабочих одновременно. Связь их функций, единство как производительного коллективного тела лежит вне их самих<sup>5</sup>, в капитале, который их связывает и сдерживает вместе».

В капиталистической кооперации труда, как и во всякой другой кооперации труда, в той или иной мере, в том или ином качестве мы сталкиваемся с известной организованностью, с известной плановостью. Но и план, который присущ капиталистической кооперации труда, носит свои специфические черты, резко отличающие его от плановости кооперации труда в других социальных условиях. Он является также внешним, враждебным по отношению к производителям. «Поэтому связь их работ, — говорит Маркс, — противостоит им (рабочим — М. К.) идеально как план, практически как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям».

Мы видим, что Маркс подчеркивает кроме этой черты внешнего характера плана по отношению к наемным рабочим еще одну черту, что в сущности в капиталистической кооперации труда эта связь работ рабочих не является выражением реально намеченного плана, а противостоит им лишь «идеально как план».

В капиталистической кооперации труда мы сталкиваемся также и с соревнованием. Необходимо подчеркнуть историческую обусловлен-

<sup>4</sup> Маркс, Капитал, т. I, с. 322.

<sup>5</sup> Там же, с. 320 (разрядка наша — М. К.).



ность соревнования в капиталистической кооперации труда, его социальную сущность, определяемую характером самой кооперации, базирующейся на производственных отношениях капиталистического общества.

«Но и помимо той силы, которая возникает из слияния многих сил в общую, при большинстве производительных работ, уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии, увеличивающие индивидуальную дееспособность отдельных лиц»<sup>6</sup>.

Если кооперация труда в капиталистическом обществе была внешней, навязанной по отношению к рабочим, то и соревнование является также внешним по отношению к ним. Общественный контакт, вызывающий соревнование, устанавливается по отношению к капиталу, а не друг к другу, вызывается деятельностью капитала, эксплуатирующего этих рабочих и следовательно эксплуатирующего также и повышение жизненной энергии, вызываемое этим общественным контактом.

Не только социальная сущность кооперации труда, ее своеобразная плановость и т. д. в различных социальных условиях различны, но и границы ее обусловлены этими социальными условиями, ее специфической исторической характеристикой. Границы кооперации труда в индийской общине определялись границами общины. В капиталистическом обществе границы кооперации труда зависят от величины капитала. «Число кооперирующих рабочих или масштаб кооперации зависят прежде всего от величины того капитала, который отдельный капиталист может затратить на покупку рабочей силы, т. е. от того, в каких размерах каждый отдельный капиталист располагает средствами существования многих рабочих»<sup>7</sup>. Конечно само собой разумеется, капиталист должен располагать и средствами на покупку средств производства. В этом положении Маркса границы кооперации труда в капитализме достаточно четко определены, они определяются величиной, границами сферы действия отдельного капитала, т. е. определяются границами того или другого предприятия, являющегося частной собственностью предпринимателя.

Соревнование, с которым нам приходится сталкиваться в этих границах, как мы уже подчеркивали, является внешним, враждебным по отношению к рабочим, вытекающим из факта общественного контакта рабочих, который является результатом не их воли, а результатом деятельности капитала, использующего «увеличение жизненной энергии» в целях эксплуатации рабочих. В капиталистическом обществе, характеризуемом развитым разделением труда, соревнование за границами отдельных коопераций труда, ведущих упорную борьбу между собой, превращается в конкуренцию. «Конкуренция... является особенной формой соревнования, свойственного капиталистическому обществу»<sup>8</sup>.

«В капиталистическом обществе соревнование имело характер конкуренции и приводило к эксплуатации человека человеком» (обращение XVI конференции ВКП(б). Эта особая форма соревнования, происходящего между различными капиталистами, с еще большей очевидностью является чуждой, внешней по отношению к производителем

<sup>6</sup> Маркс, Капитал, т. I, с. 314.

<sup>7</sup> Там же, с. 318.

<sup>8</sup> Ленин, К вопросу о социалистическом соревновании, с. 28.

лям и сводится к эксплуатации непосредственных производителей, наемных рабочих...

Переходный период является периодом революционного переустройства капиталистического общества в коммунистическое. В этот период строится социалистическое общество. Процессы, которые совершаются в этот период в кооперации труда, характеризуются следующим: появляется социалистическая кооперация труда и происходит, революционная перестройка форм труда в различных секторах экономики на основе революционной перестройки самих секторов. Процесс революционной перестройки происходит в условиях ожесточенной классовой борьбы и в различных секторах носит различный характер: например в капиталистическом секторе — на основе его вытеснения и ликвидации, в мелкотоварном секторе — на основе коллективизации. Революционная перестройка происходит под руководством социалистического сектора и приводит к росту и поглощению постепенно всего хозяйства социалистическим сектором. Характерным для переходного периода и является рост социалистической формы кооперации труда за счет других форм кооперации труда и таких форм труда, где кооперация труда находится в неразвитом состоянии, например в мелкотоварном хозяйстве.

Учитывая эти особенности нашей экономики как экономики переходного периода, остановимся на кооперации труда, характерной для этого периода. Мы не будем останавливаться на рассмотрении различных форм кооперации труда различных секторов нашей экономики. Мы остановимся лишь на кооперации труда в социалистическом секторе как на кооперации труда, все более растущей и вытесняющей все остальные социальные формы кооперации труда, как на кооперации труда не только настоящего, но и будущего.

Кооперация труда в социалистическом секторе покоится на том, что средства производства находятся в руках коллектива непосредственных производителей. Кроме того она покоится и на том, что отдельные индивиды, являющиеся членами этой кооперации труда, являются членами все растущего коллектива, строящего социалистическое хозяйство. Руководящая роль в этом коллективе принадлежит рабочему классу и прежде всего его авангарду — коммунистической партии.

В этом определении социалистической кооперации при экономике переходного периода имеется целый ряд признаков, отличающих ее от кооперации при социализме: революционное строительство социалистического хозяйства, существование классов, классовая борьба и т. д.

Из этого определения кооперации труда при экономике переходного периода, покоящейся на новых социалистических производственных отношениях, следует целый ряд чрезвычайно важных выводов, характеризующих ее.

Если в капиталистической кооперации труда связь функций рабочих лежит в не их самих, лежит в капитале, связывающем отдельных индивидуумов в одно коллективное тело, в нашей кооперации труда связь является не внешней, по отношению к коллективу, а внутренней связью коллектива. Коллектив не представляет собой индивидуумов, связанных друг с другом внешней связью, их отношением к капиталу, как в капиталистическом обществе. Их внутренняя связь вытекает из того, что средства производства не противостоят им как чуждая им сила, а являются собственностью, собственностью огромного и все растущего коллектива, и следовательно их

труд является не подневольным трудом на других, а трудом на себя. «Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность работы на себя и притом работы, опирающейся на все завоевания новейшей техники и культуры»<sup>9</sup>.

В переходный период уничтожается этот внешний чуждый производителью характер кооперации труда, и создающаяся кооперация труда, базирующаяся на совершенно новых социалистических производственных отношениях, основывается на внутренней, осознанной связи коллектива производителей.

Эта характеристика кооперации труда в переходный период, резко отличная от характеристики труда в капиталистическом обществе, объясняет целый ряд процессов, происходящих в области труда в СССР.

Если в капиталистическом обществе «связь их работ (работчих — М. К.) противостоит им идеально как план (разрядка наша — М. К.), практически как авторитет капиталиста, как власть чужой воли, подчиняющей их деятельность своим целям» (Маркс), то в СССР уничтожается не только внешний характер кооперации труда, но уничтожается и внешний чуждый характер плана, противостоящего рабочим в капиталистическом производстве, плана, в котором идеально получает выражение связь их работ.

Связь работ рабочих не противостоит им как внешний план, а является выражением их собственного плана и, что очень важно, не идеально, а практически как выражение их воли.

Эта, если можно так сказать, внутренность плана, то, что связь их работ является практически выражением их плана, получила свою яркую характеристику в борьбе за промфинплан. Борьба рабочих масс за промфинплан — показатель того, что промфинплан является не внешним планом, не выражением чужой воли, а их собственным планом, планом, выражающим волю коллектива производителей, к которым они принадлежат. Особенно ярко проявилось это в развитии борьбы за промфинплан, в этапах этой борьбы.

Доведение плана до станка еще более отражало этот характер плана в социалистической кооперации труда, его не внешний характер, то, что он является не чуждым для рабочих, а выражением их воли. Это доведение плана до станка неизбежно в этих условиях должно было породить создание встречного плана, эту наиболее высокую ступень осознания рабочими массами промфинплана как их собственного плана.

История зарождения встречного плана является ярким доказательством этого положения. Встречный план принял массовый характер после возникновения его на заводе им. Карла Маркса. Там он возник в результате доведения плана до станка и неизбежно должен был возникнуть. В условиях, когда средства производства принадлежат коллективу производителей, в условиях его «работы на себя» доведение плана до станка неизбежно должно было породить встречный план.

Конечно этот процесс осознания того, что труд является трудом на себя, что план должен быть их планом, выражением их воли, а не продиктован чужой волей, этот процесс неизбежно явился

<sup>9</sup> Ленин, К вопросу о социалистическом соревновании, с. 9.

и является длительным процессом. И на этом участке шла ожесточенная борьба, обусловливаемая многими причинами и особенно наличием различных социальных прослоек в среде самого пролетариата, «борьба со старой привычкой — смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок у буржуазии; эта борьба необходима, эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к народной фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения существенного помышления: «урвать кусок побольше и удрать».

Это написано Лениным в начале 1918 г. Время — то же историческая категория. В переходный период, в период социалистической революции десятки лет укладываются в границы каждого года. Прошло много таких «десятков лет» с того времени. Этап, переживаемый нами, характеризуется тем, что миллионы производителей — рабочих и крестьян — уже осознали то, что их работа — работа на себя. Борьба на этом участке еще конечно не прекратилась. Нужен еще сравнительно длительный период на завершение ее.

При рассмотрении кооперации труда в различных исторических эпохах мы подчеркивали специфичность границ, масштабов кооперации. То же самое нужно сказать и о границах кооперации труда в условиях переходного периода. В капиталистическом производстве границы кооперации труда определяются границами отдельного капитала.

Границы кооперации труда в СССР определяются границами обобществленного хозяйства. По мере роста обобществленного хозяйства развиваются и границы кооперации труда: например процессом коллективизации сельского хозяйства в социалистическую кооперацию труда втягиваются новые миллионы производителей. Происходит «великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском общегосударственном (в известной мере и интернациональном, в мировом) масштабе» (Ленин). В социалистическом обществе границы кооперации труда будут совпадать с границами социалистического общества, как в индийской общине напр. границы кооперации труда совпадали с границами общины. Вместе со всем указанным резко меняются характер, сущность и границы соревнования.

Мы уже подчеркивали, что в капиталистическом обществе соревнование, как и план, как и сама кооперация труда, носит внешний характер по отношению к рабочим, враждебный к ним. Соревнование является результатом самого общественного контакта, вызываемого деятельностью капитала, их отношением к капиталу, а не друг к другу. Границы такого соревнования определяются границами кооперации труда, которые в свою очередь определяются размерами капитала. Социалистическое соревнование, с которым мы имеем дело в социалистической кооперации труда, уже не является внешним по отношению к рабочему, оно является выражением их внутренней связи, их отношения друг к другу как членам одного и того же коллектива. Границы этой связи, теперь сознательной связи, расширяются. Если в капиталистическом обществе эти границы определялись границами предприятия как

сферы приложения отдельного капитала, то в СССР границы кооперации труда растут и в конце концов охватывают все народное хозяйство.

Социалистическое соревнование — это сознательный общественный контакт между членами одного и того же мощного коллектива, состоящего из тысячи различных коллективов, это соревнование не только внутри одного и того же коллектива, но и между отдельными коллективами различных участков социалистического строительства. Тульские металлисты вызывают горняков Донбасса, недодававших уголь. И в ответ на вызов туляков горняки Донбасса начинают подтягиваться. Сущность общественного контакта, вызываемого кооперацией труда, его характер, его границы в СССР, как мы видим, резко отличны от сущности характера и границ его при капитализме. Уже сам характер общественного контакта и колоссальное расширение границ его во много раз больше по сравнению с капитализмом увеличивают дееспособность как отдельных индивидуумов, так и коллективов, работающих на себя, а не на эксплуататоров. Социалистическая кооперация труда является новой производительной силой.

Социалистическое соревнование, происходящее в этой гигантской кооперации труда, в свою очередь влияет и не может не влиять на оформление и завершение этой социалистической кооперации.

Колоссальную роль в процессе развертывания оформления и завершения социалистической кооперации труда играет печать в деле развертывания соцсоревнования. До сих пор мы упорно обходили роль печати, выключали ее как один из необходимейших моментов в деле развертывания социалистических форм труда.

В 1901 г. в статье «С чего начать», посвященной вопросу организации революционного движения, Ленин так определял роль газеты в этом деле организации:

«Газета не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом».

Ленин говорил о роли газеты в организации революционного движения. То же самое можно сказать и он говорил и о роли печати в деле социалистического строительства. И в этом случае газета является коллективным организатором, и в этом случае печать играет роль колоссальных лесов вокруг гигантского возводимого здания — социалистического общества. В это строительство втянуты миллионы людей. Они все вместе составляют огромную социалистическую кооперацию труда, покоящуюся на общем владении условиями труда и на общности задач социалистического строительства.

Печать помогает строго наметить контуры постройки, облегчает сношения между отдельными строителями и отдельными коллективами строителей, помогает им обозревать общие результаты и т. д. и т. д., т. е. она является тем, о чем говорил Ленин в статье «С чего начать».

Печать является одним из необходимейших элементов в деле завершения и развертывания социалистической кооперации труда и в деле организации социалистического соревнования. Ленин еще в 1918 г. очень ярко подчеркивал эту роль печати: «Мы должны превратить, — и мы превратим, — прессу из органа сенсаций, из простого аппарата

для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому».

Ленин придавал огромное значение печати в деле организации соревнования. На новом этапе социалистического строительства в социалистическую кооперацию труда втягиваются миллионные бедняцко-средняцкие массы крестьянства, социалистическое соревнование, принявшее массовый характер, становится одной из основных форм социалистического труда. И не случайно, что изменились и формы работы печати на этом этапе. Достаточно для этого просмотреть печать, начиная с «Правды» и кончая заводской и даже цеховой газетой. Каждая газета превратилась в своеобразный штаб социалистического соревнования. «Правда» — всесоюзный штаб, республиканские газеты — республиканские штабы, областные — областные штабы, «Амовец», и тысячи других заводских газет — заводские штабы, «Вагранка», «Мартеповка» и т. д. и т. д. — цеховые штабы. Если «Правда» помогает наметить контуры грандиозного возводимого здания социализма, открывает эти контуры, показывает строительство со всеми его достижениями и отдельными его недостатками мировому пролетариату, помогает сноситься между собой отдельным коллективам строителей и отдельным строителям и помогает обозреть им результаты строительства на каждом участке строительства, помогает установить связь между собой отдельным участкам строительства: Уралу, Донбассу, Кавказу и т. д., то то же самое делает республиканская газета на своем участке, заводская — на своем заводе, цеховая — в своем цехе.

Ленин подчеркивает эту роль печати, говоря о соцсоревновании: «Нам остается теперь только организовать соревнование, т. е. обеспечить гласность, которая давала бы возможность всем общинам государства знакомиться относительно того, как именно пошло экономическое развитие в различных местностях, обеспечить, во-вторых, сравнимость результатов движения к социализму в одной и в другой коммуне государства, обеспечить, в-третьих, возможность практического повторения опыта, проделанного в одной общине, другими общинами, обеспечить возможность обмена теми материальными силами — и человеческими силами, — которые проявили себя с наилучшей стороны в соответственной области народного хозяйства или государственного управления».

В капиталистическом обществе, где соревнование внутри предприятия является внешним, навязанным по отношению к рабочему, где соревнование между отдельными предприятиями носит характер ожесточенной конкуренции, принципом которой является «добить отстающих», — гласность является не только непрошеным гостем, но даже врагом, которого нельзя пускать на порог «приличного капиталистического предприятия». В обществе, строящем социализм, гласность является необходимым и незаменимым работником его.

«Введение гласности в этой области само по себе будет уже громадной реформой и послужит к привлечению широких народных масс к самостоятельному участию в решении этих вопросов, всего более затрагивающих массы. До сих пор так мало удалось сделать в этом отношении именно потому, что то, что держалось в отдельных предприятиях, в отдельных общинах, скрытым от общественности, остается по-старому тайной, что было понятно при капитализме и что совершенно нелепо, бессмысленно в обществе, желающем осуществить социализм».

Это Ленин писал в 1918 г., когда зарождалось только соцсоревнование и роль гласности была еще незначительна. На новом этапе строительства, в период вступления в социализм, когда завершается построение фундамента социалистической экономики, социалистическое соревнование, как мы уже говорили, носит массовый характер, миллионы людей охвачены им. Печать на этом этапе начинает играть огромную роль в деле завершения и развертывания социалистической кооперации труда и в деле развертывания социалистического соревнования. Создается много новых форм работы печати: ударные бригады, тройки, выпускаются бюллетени, втягиваются десятки тысяч рабочих в работу печати... Ее огромную роль в деле социалистического строительства, в деле борьбы за промфинплан можно видеть на тысячах ярчайших примеров: Урал, Донбасс, Ленинград, Москва, и др. города могут дать огромное количество таких примеров.

Мы еще, говоря скромно, не совсем учитываем эту огромную роль печати в деле развертывания социалистического труда, теоретически она совсем еще не освещена.

«Трудовики» и экономисты других областей упорно не включали в круг своих исследований роль печати («н а д с т р о й к а, а н е б а з и с»).

Но экономистам, в том числе и трудовикам, неизбежно придется также включить печать в программу изучения движения нашей экономики.

(Продолжение следует)

## **ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В СССР И ПРОБЛЕМА КАДРОВ**

### **Безработица в капиталистических странах**

Исключительный успех социалистической индустриализации страны и быстрый темп колхозного и совхозного строительства привели к полной ликвидации безработицы в Советском союзе. Этот невиданный для капитализма факт, возможный и неизбежный только в стране пролетарской диктатуры, имеет огромное значение не только для трудящихся масс СССР, но и для всего международного пролетариата. В то время как мы имеем у себя интенсивный рост рабочего класса, систематическое повышение его материального и культурного уровня, рост новых социалистических форм труда, в капиталистических странах имеет место потрясающая картина обнищания и пауперизации трудящихся масс. Не так давно Профинтерном были опубликованы данные о состоянии безработицы в капиталистических странах. Эти данные говорят о том, что если в январе 1930 г. мировая безработица исчислялась в размере 19 млн. человек, то в январе 1931 г. мировая безработица достигает уже 35 млн. человек с тенденцией к дальнейшему росту. Вместе с семьями подвержено ужасам безработицы больше 100 млн. человек, не считая частичных безработных.

Такого размера безработица никогда не достигала во всей истории капитализма. Ее относительная тяжесть также исключительных размеров. Современная безработица и в абсолютном выражении и по проценту рабочих, охваченных безработицей, значительно больших размеров, чем даже непосредственно послевоенная мировая безработица 1920—1922 гг. За этот период безработица колебалась в пределах двух десятков миллионов человек. Дойдя в 1922 г. до 10 млн. человек, она начала с известными колебаниями повышаться, не снижаясь ни разу ниже полутора десятка миллионов человек, в лучшие времена, резко повышаясь в кризисные периоды, как например в 1926 г. В 1929 г., когда кризис только-только начался, когда еще «процветала» Франция, когда относительно «хорошая» конъюнктура целиком еще не оставила Германию и др.,—численность мировой безработицы была равна 19 млн. человек. В 1930 г.—год кризиса—безработица увеличилась в два раза. Но этот кризис имеет еще и ту черту, что кроме невиданных размеров безработицы он принес еще и исключительную тяжесть безработицы для всех без исключения капиталистических стран. В таких странах, как САСШ, безработица доходит до 10—12 млн. человек. Если кризис для европейских рабочих становится тяжким, невыносимым и там наблюдаются обычные для периода кризисов сотни и тысячи самоубийств, то трудно себе представить тяжесть мирового кризиса в колониях, как например в Китае, где насчитывается до 10 млн. безработных и больше 100 млн. человек умирающих с голода, или в Индии, Индо-Китае, Палестине, Сирии и т. д.

Мировой кризис и безработица быстро революционизируют рабочий класс капиталистических стран, в частности идет быстро процесс рево-



люционизирования безработных. Буржуазия всегда понимала революционизирующую роль безработицы. Но ее революционная роль в настоящее время еще больше, чем когда бы то ни было. В истории капитализма не было случая, чтобы в среднем до 25—27% рабочих были безработными или, как в САСШ, этот процент поднимался еще значительно выше или, как в Англии, процент безработных по решающим отраслям производства средств производства и важнейших предметов потребления, в важнейших отраслях экспортирующей промышленности, которые для Великобритании являются решающими, положительно катастрофически вырос.

Так например по металлургической промышленности процент безработных с 1929 г. по 1930 г. вырос с 22% до 50,6%, по судостроительной — с 23,3% до 45,1%, по машиностроительной — с 9,1% до 21,8% и по хлопчатобумажной — с 14,4% до 47,4%.

В чем лежит основная причина безработицы в капиталистических странах?

На этот вопрос все или почти все буржуазные экономисты отвечают, что безработица — временное явление и функция кризисов, т. е. она является следствием одной отрицательной черты капитализма: в известный период переживать кризис. Например буржуазно-меньшевистский контрреволюционер Минц считает, что безработица для «мирного», т. е., по его мнению, нормального, развития промышленного цикла хотя и имеет постоянный характер, но она столь незначительна, что о ней говорить не приходится. В период же кризиса, т. е. в период нарушения мирного, нормального хода развития капиталистического цикла, по существу лишь появляется безработица. Поэтому безработица является функцией кризисов. Стоит выйти из кризиса, и безработица ликвидируется, а с ней все ее отрицательные черты.

Как ни странно, но примерно такую же теорию развивает т. Гиндин, бывший руководящий работник Наркомтруда. «Безработица в капиталистических государствах, — говорит т. Гиндин — является следствием кризиса (упадка), переживаемого промышленностью или народным хозяйством в целом». Или другое место.

«Я хочу в кратких чертах напомнить общеизвестное (!) марксистское (!) положение, что безработица всегда (!!) является прямым следствием того экономического кризиса, которому подвергается в тот или другой момент хозяйственно-экономическая жизнь страны. Поэтому, подходя к изучению современной нашей безработицы, я считаю небезынтересным проследить развитие безработицы в буржуазных странах Западной Европы. Нужно отметить, что в Западной Европе, где в результате империалистической войны хозяйство разных стран было подвергнуто серьезным потрясениям, в конечном итоге имеется безработица, имеется тенденция к увеличению безработицы, и мы наблюдаем, что экономические кризисы там неминуемо вызывают рост этой безработицы, являясь единственной (!) причиной ее»<sup>1</sup>.

Выходит, что безработица — не структурное явление для капитализма, а является только следствием анархии производства в капиталистическом обществе. Отсюда вытекает, что при большей организованности капитализма, при смягчении кризисов не будет безработицы,

<sup>1</sup> Гиндин, Безработица и трудовое посредничество, с. 8.

или безработица будет весьма незначительной, и хотя т. Гиндин не делает сам такого вывода, по существу он становится на либерально-буржуазную и меньшевистскую точку зрения, не только не отрицающую, но предполагающую возможность преодоления отрицательного явления капитализма — кризисов, а с ними и безработицы. Эта точка зрения не имеет ничего общего с марксизмом, это теория меньшевистско-буржуазной контрреволюции.

Маркс уже давно доказал (а это доказательство на всем протяжении капитализма получает все с большей силой свое подтверждение), что безработица неизбежно сопровождает капитализм и растет вместе с ростом последнего, что самое усиление методов и технических условий эксплуатации рабочего класса, присвоения прибавочной стоимости — повышение ограниченного состава капитала — постоянно создает и увеличивает армию безработных. Этот рост идет от одного промышленного цикла к другому. Внутри же каждого цикла безработица проходит кривую, в общем совпадающую с конъюнктурной кривой самого цикла. Маркс доказал структурный характер капиталистической безработицы. Сама буржуазия сейчас, когда она чувствует приближение смерти капитализма, понимает именно этот характер безработицы как социального, классового явления; но именно поэтому и ищет выхода в разрывывании бешеного наступления на СССР. Это наступление переживало несколько нарастающих стадий: от «крестового похода» через «советский демпинг» к «принудительному труду» и запрещению ввоза советских товаров. Легенда о принудительном труде появилась именно сейчас по целому ряду причин.

Во-первых, мы имеем у себя исключительный рост творческой инициативы трудящихся масс, нашедший наиболее яркое выражение в развитии социалистического соревнования и ударничества. Это новое социалистическое отношение к труду со стороны советских рабочих дало возможность или, точнее, явилось одной из основных причин бурного роста хозяйства СССР, позволяющего нам завершить в 1931 г. фундамент социалистической экономики. Весь послевоенный период для капиталистического хозяйства — это кривая вниз без просвета, без надежды на преодоление ее. А у нас?

За 10 лет нэпа, т. е. за 10 лет хозяйственного роста, народный доход вырос в так называемый восстановительный период с 9 014 млн. руб. в 1921 г. до 22 937 млн. руб. в 1926/27 г. и вырастет до 49 225 млн. руб. в год завершения построения фундамента социалистической экономики — в 1931 г. Причем частнохозяйственный сектор не только понизил свой удельный вес в народном доходе, но понизил его в абсолютном выражении: с 12 414 млн. руб. в 1928 г. до 9 156 млн. руб. в 1931 г. Народный доход — это синтетический показатель хода воспроизводства в общественном масштабе. Происходящий процесс не только относительного, но и абсолютного снижения доли частного сектора в народном доходе говорит о том, что частнохозяйственный сектор уже перестал не только расширенно себя воспроизводить, но не может продолжать даже простого воспроизводства, что расширенное воспроизводство происходит лишь на социалистическом пути в форме предприятий последовательно социалистического типа и в форме колхозов. Валовая продукция всей промышленности выросла в 1930 г. до двойных, а в 1931 г. вырастет до тройных размеров довоенного уровня, причем частный сектор резко падает в абсолютном выражении: с 2 429 млн. руб. в 1921 г. до 986 млн. руб. в 1931 г. На базе огромного роста валовой продукции всего сельского хозяйства резко падает про-

дукция частного сектора в абсолютном выражении: с 14,5 млрд. руб. в 1928 г. до 10 млрд. в 1931 г. Если в 1921 г. в колхозах было 64,1 тыс. бедняцко-средняцких хозяйств, то уже к 1 мая 1931 г. количество бедняцко-средняцких хозяйств в колхозах перевалило за 11 млн., или свыше 48% всех этих хозяйств. На базе всего нашего хозяйственного роста происходит процесс исключительно быстрой социалистической индустриализации. Если сравнить валовую продукцию цензовой промышленности с таковой сельского хозяйства, то увидим, что в 1928 г. соотношение было таково: промышленность — 14 203 млн. руб., а сельское хозяйство — 14 714 млн. руб.; в 1931 г.: промышленность — 35 725 млн. руб., а сельское хозяйство — 18 271 млн. руб., причем внутри самой промышленности исключительно быстро выросли отрасли, производящие средства производства: по цензовой промышленности в 1921 г. по группе «А» — 1 555 млн. руб., по группе «Б» — 2 725 млн. руб.; в 1926/27 году по группе «А» — 4 707, а по группе «Б» — 6 653; в 1931 г. по группе «А» — 18 438, а по группе «Б» — 17 313. И это еще до того, как введены в действие такие гиганты, как Магнитострой, Кузнецкстрой, Нижегородский автострой, Днепрострой и его комбинат и т. д. К 1931 г. ликвидирована безработица в СССР. Среднемесячная зарплата рабочих цензовой промышленности выросла с 14 р. 09 к. в 1921 г. до 82 р. 30 к. в 1931 г. Годовой фонд зарплаты рабочих и служащих вырос с 6 861 млн. руб. в 1926/27 г. до 15 344 млн. руб. в 1931 г. Фонд соцстраха за этот период вырос в десяток раз. Жилищное рабочее строительство выросло с нескольких десятков миллионов рублей до миллиарда в 1931 г.

А в капиталистических странах развертываются всеобщий кризис, нищета и деградация! Капиталисты пытаются выйти из кризиса за счет рабочего: понижением заработной платы, повышением рабочего дня, усилением интенсивности труда, низведением рабочих в политическом отношении до положения париев, крепостных, рабов, чтобы этим самым обеспечить все проводимые капиталистами эксплуататорские мероприятия! Нет ни одного иностранного рабочего, который не сравнивал бы наших достижений в области повышения материального положения рабочих, строительства социализма, соцсоревнования и др. с ухудшением условий труда в капиталистических странах и не делал бы кое-каких умозаключений о своем поведении по отношению к своим капиталистам. Поэтому кампания о «принудительном труде» есть известная форма самозащиты капиталистов на одном из самых слабых их участков, пытающихся путем обмана своих рабочих об условиях труда в СССР как-то прикрасить положение у себя дома.

Во-вторых, мировой кризис не останавливается, производство свертывается, перспектив нет или, точнее говоря, очень скверные перспективы. И выход находят в «принудительном труде», при помощи которого можно например... избежать конкуренции советского леса на американском рынке. Чем туже становится капитализму, тем ожесточеннее ищут выход в нападении на СССР.

Одним из самых тяжелых последствий кризиса капитализма является особо усиливающийся рост безработицы. Безработица всегда росла вместе с ростом капиталистического производства и как его следствие, даже тогда, когда капитализм переживал золотую пору общего расширенного воспроизводства от одного цикла к другому.

Маркс в I томе «Капитала» в главе о «Всеобщем законе капиталистического накопления» говорит, что капиталистическое стремление к

присвоению максимальной нормы прибыли, являющееся всеобщим, толкает всех без исключения капиталистов к изменению технико-экономических условий, предопределяющих качество позиции того или иного капиталиста в этой борьбе, т. е. все капиталисты стремятся повысить технический уровень своего капитала, что обязательно сопровождается тем или иным повышением органического состава капитала. То обстоятельство, что это стремление является всеобщим, делает его и обязательным, оно становится вопросом жизни и смерти: капиталист, который не стремится постоянно достигнуть по крайней мере среднего органического состава своего капитала (в той или другой мере совпадающего со средним техническим его составом), постоянно находится под непосредственной угрозой гибели.

Целью является — постоянно находиться впереди всех, т. е. обладать самым высоким органическим составом капитала, так как это обеспечивает самую низкую себестоимость капиталистического продукта, а это значит при данном уровне цен и самую высокую норму прибыли. Но всеобщий характер этого стремления и всеобщность в его осуществлении делают положение сугубо неустойчивым и постоянно изменчивым, и поэтому перед капиталистом всегда стоит задача следовать лишь за одной частью альтернативы: жизнь или смерть, т. е. или повысить технический состав своего капитала, или выбыть из строя. Но все это получает свое выражение в постоянном повышении органического состава капитала. Вот этот факт, сопровождающий капитализм на всем пути его жизни, присущий ему, имеющий структурный характер, означает непрерывное относительное падение доли переменного капитала во всем общественном капитале, даже если весь общественный капитал растет, т. е. если даже происходит накопление. Больше того, в капиталистическом обществе в общественном масштабе немыслимо накопление без повышения органического состава общественного капитала, даже если отдельные капиталы накапливают без повышения своего органического состава. А кризисы одним фактом своего разрушительного действия повышают выражение высоты органического состава общественного капитала тем, что уничтожают или выталкивают из строя капиталы в основном с пониженным, по сравнению со средним общественным, органическим составом капитала. Следующий цикл начинается свой разворот на повышенной базе среднего органического состава общественного капитала, так как нижний предел был срезан кризисом.

Но понижение доли переменного капитала во всем общественном капитале выражается в том, что темпы накопления прибавочной стоимости в целом значительно обгоняют темпы накопления переменной части капитала, т. е. темп проста работающей армии рабочих все больше понижается, в то время как темп проста нормы накопления прибавочной стоимости быстро повышается. Замедляющийся от цикла к циклу рост накопления переменного капитала означает непрерывный абсолютный и относительный рост резервной армии труда, т. е. рабочих, не имеющих возможности продать свою рабочую силу. Но чем абсолютно и относительно по отношению к работающей армии больше армия безработных, тем больше понижается материальное благосостояние работающей армии. Наряду с этим источником безработных

имеется и другой, действующий даже еще более сильно, чем первый, в отношении пополнения рядов безработных.

Капитализм развивается во внекапиталистической среде, которую он целиком подчиняет себе экономическими и внеэкономическими мероприятиями. Наиболее питательна в экономическом отношении среда является мелкобуржуазная среда — исходный пункт, первая ступень для капитализма. Капитализм непрерывно, на всем пути своего развития, разлагал мелкобуржуазную среду, разоряя многомиллионные массы мелких товаропроизводителей, лишая их возможности самостоятельного и всякого вообще существования. Вот эта разоряемая мелкобуржуазная среда является поставщиком огромных масс пролетариев. В этой мелкобуржуазной среде накапливаются миллионные пауперизированные и полупауперизированные массы, ведущие полуголодное и голодное существование и готовые при благоприятных условиях бросить свое якобы самостоятельное существование для открыто зависимого, но относительно более обеспеченного, существования пролетария... когда он имеет работу. Вот эти полупауперизированные и пауперизированные массы и представляют собой скрытый вид безработицы.

И явная и скрытая безработица не являются вещами, плавно растущими. Рост и той и другой, в особенности первой, переживает кривую, явно в основном совпадающую с кривой капиталистического цикла: повышение конъюнктуры промышленного цикла влечет за собою снижение роста безработицы, ее стабилизацию или даже абсолютное ее понижение, понижение же конъюнктуры промышленного цикла связано с наивысшей безработицей. Но от цикла к циклу безработица в мировом масштабе растет. В отдельных странах на некоторых отрезках истории капитализма в довоенное время эта безусловная закономерность несколько смазывалась влиянием сугубо относительной «исключительности той или другой страны, так было напр. в Англии, которая в течение первых  $\frac{2}{3}$  прошлого столетия эксплуатировала в той или другой мере ряд колониальных стран и в той или другой степени занимала господствующее положение по отношению к мировому капитализму.

В истории капитализма можно наблюдать, что буржуазия, боясь безработицы, стремится и добивается наличия безработицы как наилучшего условия и наилучшей гарантии всякого капиталистического расцвета. Маркс пишет в «Капитале», что «в прежние времена капитал там, где ему представлялось нужным, осуществлял свое право собственности на свободного рабочего путем принудительного закона. Так, напр. до 1815 г. машиностроительным рабочим Англии эмиграция была воспрещена под угрозой тяжелого наказания». Современные буржуа поступают точно так же: боясь безработицы, они в лице краковского заведующего биржей труда предлагают рабочим веревку, чтобы повеситься, а в лице Амстердамского профинтерна хотят сделать безработицу всеобщей, чтобы переложить ее тяжесть на рабочий класс, «успокоить» безработных и облегчить буржуазии выход из современного кризиса под угрозой тяжелого наказания<sup>2</sup>. Современный кризис происходит в обстановке общего кризиса капитализма. «Выход» из современного кризиса возможен: или путем невероятного усиления

<sup>2</sup> Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1923, с. 557.

ния эксплуатации рабочего класса, еще большего роста безработицы, чем это было до кризиса, понижения зарплаты, увеличения рабочего дня, ликвидации социального законодательства и т. д., или путем пролетарской революции.

### Рост рабочего класса и ликвидация безработицы в СССР

Выше уже было указано, что в то время, как в капиталистических странах все время растет безработица и в общем идет падение численности занятых рабочих, у нас непрерывно совершался и совершается процесс роста рабочего класса. Правда, этот рост переживал своеобразную кривую, насквозь проникнутую содержанием, явно отрицающим безработицу, и в конце концов приведшую к ее ликвидации.

К началу нэпа и в первый период его проведения происходила демобилизация Красной армии, освобождавшая большое число квалифицированных и просто вполне здоровых, привычных к заводскому труду, рабочих. Демобилизованные начали возвращаться на заводы и фабрики, находившиеся в полуразрушенном состоянии, заменяя недостаточно квалифицированных или недостаточно физически сильных рабочих. Начиная с конца 1921 г., в связи с укреплением промышленности и ростом материального положения промышленных рабочих на предприятия начали возвращаться осевшие в период военного коммунизма и после демобилизации Красной армии в деревне квалифицированные рабочие. Вместе с тем в этот период начался процесс рационализации наших предприятий и учреждений, по существу в первое время сводившийся к приведению наличного числа рабочих в соответствие с рационально поглотительной способностью наличного, действующего производственного аппарата, а в учреждениях — к доведению до минимально необходимого количества. Все многообразие этого процесса, несмотря на исключительно быстрые темпы роста продукции промышленности, провозоспособности транспорта, развертывания ряда новых производств и мелкой промышленности при явно быстрых темпах восстановления сельского хозяйства, сопровождавшееся быстрым ростом занятой рабочей силы в народном хозяйстве, получило свое выражение в непрерывном росте безработицы главным образом за счет категорий интеллигентного труда и чернорабочих неиндустриального труда. В сентябре 1921 г. числилось безработных 150 тыс. чел. Из них индустриального труда (не всегда квалифицированных рабочих, а лишь работавших на индустриальных предприятиях, на малоквалифицированных работах и ставших членами индустриальным профсоюзом)—33 тыс. интеллигентного труда—37,2 тыс. и чернорабочих—30 тыс. В январе же 1924 г. безработица уже поднялась до 1 240 тыс. Из них индустриального труда—301,3 тыс. интеллигентного труда—411,5 тыс. и чернорабочих—311 тыс.

Безработица первого периода нэпа по категории индустриального труда и чернорабочих с первой половины 1923 г. в своей решающей части росла за счет притока мужской рабочей силы из деревни, хотя на биржах труда не снижалась безработица женщин. Это объясняется тем, что притекавшая мужская рабочая сила из деревни начала в известной своей части заменять женский труд на производстве, это проводилось часто под флагом рациона-

лизации, т. е. сначала сокращали одних, а затем принимали других. Кроме того рост шел преимущественно за счет мужской рабочей силы, причем появлявшаяся новая трудоспособная женская рабочая сила вынуждена была сразу направляться на биржи труда, как и наименее квалифицированная и относительно физически более слабая рабочая сила. Вместе с женщинами на биржи труда в основном направлялась и вновь подрастающая рабочая сила—подростки. И вместе с тем процент безработных мужчин возрастает с 42,7% в первой четверти 1922 г. до 51,3% в последнюю четверть 1923 г. После этого периода начинается уже обратный процесс—рост удельного веса женщин и подростков среди безработных.

За весь первый период нэпа, вплоть до 1926 г., количество предложений труда росло значительно быстрее спроса на него примерно в полтора раза, причем в 1922 г. по индустриальной группе предложение перегоняло спрос в  $\frac{3}{4}$  раза, а в 1923 г.—уже лишь на  $\frac{1}{4}$ ; по интеллигентному труду: в 1922 г.—почти в 2 раза, точно в таком же отношении и в 1923 г.; по чернорабочим: в 1922 г.—на  $\frac{1}{6}$ , а в 1923 г.—на  $\frac{1}{4}$ .

В этом факте между прочим прояснилось и другое явление, характерное для всего восстановительного периода и начала реконструктивного, но сейчас изжитое—«аграрное перенаселение». Бедняки и маломощные середняки—это и есть социально-экономическое и классовое выражение так называемого «аграрного перенаселения». В первый период нэпа оставленное нам буржуазным строем в наследство «аграрное перенаселение», т. е. скрытый вид безработицы, начало проявляться и давать себя знать в виде усиления растущей явной безработицы, зарегистрированной на биржах труда. Отходничество же само по себе из года в год росло: от одной-двух сотен тысяч 1921/22 г. до 7—8 млн. человек в 1929/30 г., причем часть из них оседала на постоянную работу в городе.

В развернутом реконструктивном периоде нашего развития численность рабочего класса начала значительно быстрее расти, чем в первый период нэпа.

Численный рост пролетариата СССР (в тыс. чел.).

Отрасли труда	А б с о л ю т н о			В % к предыд.	
	1929	1930	1931	1930	1931
Всего рабочих и служащих . . . . .	12 394	14 269	16 300	115,1	114,3
в том числе:					
Промышленность . . . . .	3 761	4 511	5 159	119,9	114,4
Строительство . . . . .	923	1 432	2 010	155,1	140,0
Транспорт и связь . . . . .	1 422	1 641	1 870	115,4	114,0
Сельское хозяйство . . . . .	1 989	2 158	2 587	108,5	119,9
Из них в совхозах . . . . .	399	694	1 289	173,9	185,7

Как видно из таблицы, особенно быстро растет численность рабочих промышленности, строительства и сельского хозяйства. Но еще быстрее растет численность рабочих сезонных отраслей—лесозаготовки, лесосплавов, погрузочно-разгрузочные работы и др.—идушая

за счет отходников, точно так же, как решающая часть роста рабочих по строительству также идет за счет отходников.

Наряду с ростом рабочего класса, занятого на предприятиях, как бы шел рост и армии безработных, зарегистрированных на бирже. Безработица, подымаясь с самого начала нэпа из года в год, в течение 1930 г., стала чрезвычайно быстро сокращаться.

Движение безработицы в СССР (в тыс. чел.) (взрослых и подростков)  
(по отчетным данным НКТ СССР).

В начале 1922 . . . . .	160	На 1 января 1927 . . . . .	1 310
На 1 января 1923 . . . . .	641	" " 1928 . . . . .	1 352
" " 1924 . . . . .	1 240	" " 1929 . . . . .	1 616
" " 1925 . . . . .	952	" " 1930 . . . . .	1 316
" " 1926 . . . . .	951	" " 1931 . . . . .	безр. нет

В настоящее время положение таково, что спрос превышает предложение больше чем в четыре раза.

Простой факт противопоставления ликвидации безработицы, большого напряжения существующего в СССР в отношении снабжения рабочей силой предприятий, ликвидации в основном так называемого «аграрного перенаселения», быстрого роста рабочей силы—исключительному невиданному ранее росту безработицы—в капиталистических странах должно даже без всяких объяснений показать преимущества нашей системы перед капиталистической. Это положение осознано всем рабочим классом СССР, и осознание этого же факта мировым рабочим классом так же постепенно становится действительностью, превращающейся в нарастающую революционную активность международного пролетариата.

Вредители, троцкисты и правые доказывали невозможность ликвидации безработицы у нас. Во всяком случае троцкисты в своей платформе утверждали, что к концу 1933 г. в СССР будет трехмиллионная армия безработных, без всяких ближайших перспектив на ее ликвидацию или уменьшение. Вредители-экономисты считали безработицу нормальным явлением. Правые, господствовавшие в старом руководстве Наркомтруда (как и старое руководство профсоюзов), утверждали, что неизбежен рост безработицы в течение ряда лет или во всяком случае в течение этого ряда лет безработица будет стабильной на уровне 1928 г., т. е. больше 1,5 млн. чел. И это несмотря на рост численности занятого пролетариата. «Крайности» сошлись. Ура, «левые» оказались самыми паршивенькими правыми. «Ультраиндустриализаторская» линия троцкистов оказалась по существу явно минималистской. Их программа привела бы только к разрыву смычки с середняками—условию диктатуры пролетариата в СССР—и гибели советской власти. Но точно так же к неизбежной гибели должна была бы привести и правая политика на замедление темпов индустриализации, на развитие кулацких хозяйств и как следствие этого продолжение расслоения деревни и притока в города безработных, с одной стороны, и усиление капиталистических элементов, с другой. Ликвидация безработицы, ставшая фактом, заставляет правых изменять тактику и говорить в противоположность прошлому, что нужно попридержать темпы, так как нехватит рабочей силы. И троцкисты, и правые таким образом, внешне как бы расходясь, приходили к одним и тем же выводам.

И правые, и экономисты-вредители исходили из положения об обязательности рыночных отношений в нашей стране, что только на



базе развернутого рынка можно действительно учесть наличные ресурсы и тенденции развития потребностей производства и потребления. Тов. Бухарин считал, что только формы нэпа первого его этапа являются наиболее правильными для всего переходного периода и только на их основе можно притти к социализму, т. е. он считал, что соревнование двух систем внутри нашей страны—капитализма и социализма—должно происходить только на экономической почве в рыночных условиях при равенстве общих условий соревнования для обеих систем. По существу т. Бухарин отрицал определяющую роль экономической политики диктатуры пролетариата, плана, задачи четкой классовой линии в экономической политике и в планировании (например его теория незаинтересованности пролетариата в период его диктатуры в классовой борьбе, теория мирного существования двух секторов, теория вставания кулака в социализм). Громан, ставя знак равенства между характером хозяйственного роста в СССР и всей дореволюционной экономикой, устанавливал якобы существующую эмпирическую закономерность в количественных соотношениях между ростом сельского хозяйства и промышленности, между ростом производства средств производства и средств потребления (само собою разумеется в капиталистических формах), долженствовавшую означать, что одни и те же экономические и социальные силы с одинаковой силой действуют как в капиталистической России, так и в Советском союзе, и что целиком сохраняется соотношение этих сил. Все это происходит мол потому, что законы равновесия общества на основе товарного производства не могут быть преодолены никакой властью и что советская власть является только—на данном историческом отрезке времени—лишь национальной властью, относительно благоприятной для восстановления разрушенного хозяйства, а затем она должна добровольно убраться—иначе ее уберут. И так как он увидел, что советская власть не только не убирается, а строит социализм, то он в период, когда начало разворачиваться непосредственное, сплошным фронтом социалистическое наступление, организывает Союзное бюро ЦК РСДРП(м) для вредительской разрушительной работы, для организации капиталистической реставрации. Общей почвой экономистов-вредителей и откровенных правых оппортунистов является то, что и те и другие считают обязательными рыночные формы связи. Вредители не видели и не желали видеть других форм общественного производства и обмена кроме капиталистических, правые же оппортунисты считали, что рыночные связи—единственные экономически рациональные формы экономической связи между городом и деревней, что правильная экономическая политика советской власти ни в коем случае не должна их нарушать. Поэтому по существу, объективно первые являются кулацкими капиталистическими агентами внутри нашей партии; объективно—безотносительно к субъективным желаниям—они являются внутри нашей партии агентами капиталистической реставрации. В этом смысле имеется известная притирка граней в теории между откровенными правыми оппортунистами и экономистами-вредителями. Поэтому т. Сталин так зло насмеялся в образной форме над теорией мирного сожительства двух секторов-ящиков, над теорией равновесия правых оппортунистов.

Теория экономического равновесия (что является другим названием рыночного равновесия), равновесия социальных секторов, развивав-

шаяся в свое время т. Бухариным, является теорией, признающей за законченными товаропроизводителями — кулаками — право на существование и развитие (т. Фрумкин). Или вот «теоретик» т. Гиндин, который не знает других возможных форм организации снабжения рабочей силой, как только через рыночные отношения, и который лишь в некотором вмешательстве в рыночное регулирование движения рабочей силы, в некотором организующем воздействии на рынок труда видит пределы возможного и идеального. Больше того, расширение рамок рынка труда, т. е. необязательного посредничества бирж труда, он возводил по значению на высоту, равную повороту партии к нэпу. «Если мы обратимся к развитию всей нашей хозяйственно-экономической и политической работы за последние несколько лет, то можно твердо сказать, что та реформа, которая сейчас проводится в области изменения методов регулирования рынка труда, равносильна реформе (?!), которая была проведена во всей хозяйственной и экономической политике нашей страны с переходом от старых методов военного коммунизма к нэпу или с переходом от продрозверстки к продналогу»<sup>3</sup>. Тов. Гиндин не видит социального содержания нэпа, не понимает форм нашего движения к развернутому социализму и что в нашем хозяйственном росте, в нашем социалистическом строительстве заложены все без исключения изменения хозяйственного и социального порядка, происшедшие, происходящие и которые произойдут в СССР, в том числе и происшедшая ликвидация безработицы.

Вредитель-меньшевик Минц утверждал, что в капиталистической России аграрное перенаселение явилось следствием не капиталистического развития России и разложения промышленным капитализмом, вкупе с торговым капиталом, при помощи полуфеодалных помещиков, полунатурального полотоварного мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства. То есть он считал, что «аграрное перенаселение» явилось не в результате политики отделения средств производства от самостоятельного производителя-крестьянина. «Медленный темп развития (?!), с одной стороны, сельского хозяйства, а с другой—индустрии, которая не в состоянии была поглотить уходящую в города крестьянскую массу, наряду с необеспеченностью землей и низкой доходностью крестьянского хозяйства и создали так называемую аграрную перенаселенность»<sup>4</sup>. «Аграрное перенаселение есть скорее качественное выражение определенного уровня производительных сил в сельском хозяйстве»<sup>5</sup>. Точно такое же объяснение он дает и аграрному перенаселению в советских условиях и предлагает ряд мероприятий в виде переселений, интенсификации сельского хозяйства, развития отраслей на местном сырье, общественных работ и т. д., считая их единственными для некоторого смягчения перенаселенности. Для него внешне нет социальной формы роста хозяйства, а есть рост хозяйства вообще. На самом же деле абстрактное хозяйство у него выступает в лице кулацкого хозяйства

<sup>3</sup> Гиндин, Безработица и трудовое посредничество, с. 7.

Минц, Аграрное перенаселение и рынок труда, с. 3.

Там же.

как наиболее товарного, которое имеет наибольшие перспективы роста, а рост производительных сил сельского хозяйства страны—в кулацкой форме производительных сил.

Вслед за вредителем Минцом т. Гиндин в 1924, 1925 и 1928 гг. развивает ту же аргументацию по отношению к перспективам безработицы в СССР. Конечно за несколько лет вперед предвидеть точный срок ликвидации безработицы нельзя было. Но от марксиста и коммуниста нужно требовать правильной методологии, анализа социально-экономических явлений и понимания, куда они ведут. Вот этого понимания у т. Гандина не было, и он давал «категорические» ответы, являющиеся безграмотными, а в своей безграмотности, правооппортунистическими. В 1928 г. он задает себе вопрос, будет ли расти безработица. И категорически отвечает: «Да, будет, ибо народное хозяйство, как бы оно ни расширялось, не в состоянии будет поглотить непропорционально растущие слои, ищущие труда». «Мы никоим образом не должны самообольщаться. Перспективы дальнейшего хозяйственного развития налицо, но невозможность быстрого изживания безработицы—также вне сомнения»<sup>6</sup>.

В чем же причина нашей безработицы вообще и ее роста в частности? Гиндин отвечает: «Это — аграрное перенаселение, недостаточная интенсификация сельского хозяйства и та аграрная политика, которую вело царское правительство в прошлом». «Недостаток земли (?!), инвентаря, оборудования, безлошадность гонят сельское население в города за заработком»<sup>7</sup>. Или следующее место: «Отсталая форма ведения сельского хозяйства и хищническая эксплуатация земли привели к образованию многочисленных кадров избыточного населения в деревнях, которое еще в 1900 г. определялось в 20 млн. человек»<sup>8</sup>.

Все это теоретическое обоснование безработицы и «аграрного перенаселения» в России и в СССР является либерально-буржуазным с марксистской примесью. А социальное классовое объяснение? Это есть в значительной мере лишь повторение теории вредителя Минца.

Право-«левые» подходят к вопросу проще. Тов. Сырцов утверждал, что не существует социальной проблемы рабочей силы, что вся проблема сводится к недостаточному снабжению рабочих и что в плохом снабжении рабочих виновна партия, проводящая принципиально неправильную политику снабжения. А это происходит потому, что начинает перерождаться власть, что происходит забвение интересов рабочего класса. Основной методологический грех право-«левых» состоит в том, что они подменили анализ социальных процессов, происходящих в стране на последнем этапе нэпа, на этапе периода социализма, показом (в неправильном свете) недостатков в снабжении рабочих, в проведении политики заработной платы. Этим они по существу оправдывают и защищают особо возросшую в 1930 г. текучесть рабочей силы, являющуюся формой проявления враждебных пролетариату

<sup>6</sup> Гиндин, Безработица и трудовое посредничество, с. 155.

<sup>7</sup> Там же, с. 8.

<sup>8</sup> Гиндин, Регулирование рынка труда и борьба с безработицей, с. 5.

настроений еще неперевопитавшихся слоев рабочих, вышедших из мелкобуржуазной среды.

Рассмотрим вопрос по существу.

Выше, при освещении конкретной картины движения безработицы в СССР, было в наиболее общей форме сказано, что относительное перенаселение в СССР было историческим наследием, полученным от капиталистической России. Рост капитализма в России на всех его стадиях и в период преимущественно торгового капитала, и в период постепенного перехода преимущественной роли к промышленному и отчасти финансовому капиталу, и в период крепостничества и после реформы 1861 г. (в первом случае медленней и в относительно скрытом виде, во втором случае открыто и достаточно быстро) сопровождался непрерывным разорением крестьянства, его разложением, выделением маленькой кучки кулаков и низведением огромной массы крестьян до полупауперизированного и пауперизированного состояния. До столыпинской реформы основная часть мероприятий господствующих классов сводилась к задержанию разоренного крестьянства в деревне как почти даровой силы для крепостников-помещиков. Столыпинская реформа, взяв курс на некоторое удовлетворение кулацкого капитализма, открыла вместе с тем некоторые отдушины для разоренного крестьянства на заработки. Но зато она усилила обстановку, благоприятствующую разорению крестьянских масс. Этот процесс усиливался под влиянием иностранного капитала. Разорение крестьянства под воздействием капитализма, происходившее в капиталистической России, и есть процесс создания отчасти явной и в особенности скрытой безработицы, известной под названием «аграрного перенаселения». Нужно оговориться, что термин «аграрное перенаселение» взят нашей экономической литературой из терминологии буржуазных экономистов, связывавших «аграрное перенаселение» с недостаточностью обрабатываемой и свободной земли по сравнению с выросшим и растущим населением и не понимающих (или замазывающих), что на меньшей по размеру земле может быть значительно более крупное хозяйство в зависимости от размеров капиталов (материальных и человеческих сил), вкладываемых в каждый данный участок, чем на огромном участке земли без или с недостаточным вложением капиталов (средств материальных и людских). Развитие капитализма только усиливало, а не ослабляло «аграрное перенаселение». Но недостаточное развитие капиталистической промышленности делало «аграрное перенаселение» в России особенно тяжелым. Иное представление есть только буржуазное представление о характере развития капиталистической России.

Но вредителю Минцу, написавшему большую работу об аграрном перенаселении, необходимо было извратить действительность капиталистической России, чтобы тем легче «теоретизировать» по поводу советской экономики и перспектив безработицы в социалистической стране.

Те, кто выдвигает «теорию» недостаточности земли и нехватки живого и мертвого инвентаря у основной массы крестьянства как основной и единственной причины «аграрного перенаселения», становятся на позиции народников, которым, казалось бы, Владимир Ильич больше трех десятков лет тому назад окончательно доказал их ненаучность и несоответствие действительности, выпирающей из каждого уголка.

В условиях капиталистической России эта точка зрения была реакционной, т. к. вводила народный гнев от задач революционного преобразования в либеральное болото. В условиях же Советского союза такая точка зрения является явно контрреволюционной. Партия неоднократно в своих решениях и устами ее вождей, тт. Ленина и Сталина, говорила, что мелкое и мельчайшее хозяйство может найти выход только на пути создания крупных сельскохозяйственных предприятий, возможного и необходимого для бедняцко-средняцкого хозяйства в форме коллективизации. Вся политика партии доказала середняку правильность этого пути, и он повернул в своей массе в колхоз. К концу пятилетки мы будем иметь в основном 100% коллективизации.

Если т. Гиндин не понимает этого, то пройдоха Минц, «консультировавшийся» в Союзном бюро ЦК РСДРП(м) и у некоторых «весьма ученых» людей, это ясно понимал и утверждает, что аграрное перенаселение есть только выражение отсталого уровня производительных сил в сельском хозяйстве. Вслед за ним эту же мысль, но не так учено, повторяет и т. Гиндин. Зачем же Минцу это было нужно? А для того, чтобы «психологически» подготовить вредительскую политику роста производительных сил в форме кулацких хозяйств. Или правым это нужно было для того, чтобы пока суть да дело отвести совхозы и колхозы в экспериментальную мастерскую, а кулацкие хозяйства укрепить «как производителей хлеба» (т. Фрумкин). У Минца—сознательное отвлечение от социальных классовых проблем, у т. Гиндина—непонимание, что такое социальная и классовая проблема, поэтому он повторяет Минца.

Минц подооывает для отвода глаз от вредительской сущности его теории предложение о необходимости развернуть мероприятия по переселению. Тов. Гиндин ничтоже сумняшеся делает переселение центральной социально-экономической проблемой для советской власти. Выдвигая эту проблему, он не понимает, что он становится на либерально-буржуазную контрреволюционную точку зрения. И в СССР осуществляется политика переселения. Но она является другой стороной политики заселения окраинных мест, их промышленного освоения. Никогда партия не рассматривала переселение как один из основных методов борьбы в безработицей. Партия всегда считала, что само социалистическое строительство есть основной метод борьбы с безработицей. Не понимать этого — значит не понимать, что такое строительство социализма, значит ставить на одну доску строительство социализма и капитализм.

Вслед за учено замаскированным утверждением Минца т. Гиндин наивно-открыто утверждает, что наше народное хозяйство росло, растет и будет расти медленнее, чем растет население, а значит и усиленный приток его в город. Ergo... будет расти безработица, т. е. излишнее население. Такое законченное, внутренне завершенное определение говорит о том, что якобы основным законом строительства социализма является: отставать от роста населения. Эта теория излишнего населения является только перефразировкой теории Мальтуса. Если Мальтус, как это полагается попу и идеологу помещиков и буржуазии, предлагал излишнему населению «отправиться к богу», то добренький т. Гиндин предлагает лишь отправить их в переселение и придумать им какие-либо трудоемкие работы. Кстати, то же самое, — в отношении трудоемких работ, —

предлагал т. Струмилин в своих «материалах» пятилетки. Это означает признать вечность безработицы, в лучшем случае ее сугубую длительность, и отодвигать ее ликвидацию в такую даль, которая равнозначна «вечности». Это вместе с тем значит, что т. Гиндин не понимает социального содержания социализма и соотношения при социализме: 1) производства и потребления и 2) возможностей производства и накопления (расширенного воспроизводства). И т. Струмилин и т. Гиндин занимались «исчислением» излишнего населения в сельском хозяйстве, и оба не поняли одной простой вещи, что излишнее население создается и ликвидируется не «загрузкой работой» населения, а социальным характером этой «загрузки». Напр. коллективизация явно перевернула всякую арифметику. В советских условиях из года в год население растет примерно на 2,5%, т. е., на 4 млн. человек. Промышленность, транспорт, торговля, строительство и т. д. впитывали ежегодно в несколько раз меньшую цифру, правда из года в год возрастающую и дошедшую в 1931 г. до огромной цифры в 2 млн. человек. Весь прирост не потребляется городом. Значит с арифметической точки зрения в 1930 г. должна была бы быть многомиллионная безработица? Между тем в 1930 г. безработица была ликвидирована! Уже из этого простого сопоставления фактов должно стать понятным, что объяснение нужно искать не в арифметике, а в социальных явлениях, в классовых отношениях, в социалистическом строительстве.

В чем основное содержание социалистического строительства? В чем основное содержание переходного периода? В чем основная задача пролетариата, стоящего у власти?

Основным содержанием переходного периода является утверждение общественной собственности на средства производства, а значит и уничтожение классов. Тов. Ленин на IX съезде ВКП(б) в отчете ЦК поставил вопрос: в чем основно выражается господство пролетариата? И ответил: «Прежде всего в вопросе о собственности» (Ленин). И это относится, как говорит Ленин, не только к пролетарской революции, но и ко всякой революции. «Когда классы сменяли друг друга, то они меняли отношение к собственности» (Ленин). Но если проблема собственности по отношению к помещикам и крупной буржуазии решается сравнительно легко — экспроприацией поместий, фабрик, заводов, шахт и т. д., то по отношению к мелкой собственности она решается не так легко. «Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» (Ленин). Вместе с тем мелкое производство представляет собой для строительства социализма самую крупную опасность, т. к. оно является опорой капитализма.

«Мелкое производство рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин)<sup>9</sup>. Этим и объясняется в основном вся сложность внутренней обстановки для строительства социализма в СССР. Основной задачей поэтому являлось укрепление экономических командных высот социализма. Для этого необходимо было укрепить материальную базу социализма — крупную промыш-

<sup>9</sup> Разрядка моя — С. Г.

ленность, а затем и развернуть в широком масштабе индустриализацию страны.

Чтоб выполнить свои организационные задачи,—как говаривал Ленин,—по отношению к мелкому производителю, необходимо было максимально тесно связать бедняцко-средняцкое хозяйство с государственным хозяйством на экономической почве. Единственная форма экономической связи для мелкого производства—это производство товаров. Введением нэпа были созданы благоприятные условия для восстановления крестьянского хозяйства и на этой основе восстановления крупной промышленности. Но тут получалось внутреннее противоречие: только на базе восстанавливающегося бедняцко-средняцкого хозяйства возможны были восстановление, а затем и быстрый рост промышленности, вместе с тем капитализм имел «более прочную базу» (Ленин) в экономике, чем социализм. На этой почве началось соревнование социализма с капитализмом «кто-кого». Но вместе с решением проблемы «кто-кого» решалась и другая проблема как функция первой: рост или ликвидация безработицы; развитие социально-экономических условий для ежечасного рождения потенциального или действительного безработного или полная ликвидация социальных условий, в которых рождается безработица. Последнее победило: безработица ликвидирована. И чтобы понять социальные причины, приведшие к ликвидации безработицы, чтобы понять, какими путями строящийся социализм ликвидировал безработицу, необходимо рассмотреть эти пути на всех этапах переходного периода: Первая стадия нэпа — восстановительный период в строительстве социализма; вторая стадия нэпа—реконструктивный период, последняя стадия нэпа — период социализма или развернутого социалистического наступления.

Восстановление товарности бедняцко-средняцких хозяйств являлось в начале нэпа основным условием восстановления сельского хозяйства, т. к. создавало хозяйственный стимул для мелкого производителя в наиболее понятной для него форме. Нэп ставил перед собой задачу использовать личную заинтересованность и инициативу для восстановления сельского хозяйства и всего народного хозяйства, для восстановления и укрепления промышленности и последующего развертывания быстрейшими темпами социалистической индустриализации. Восстановление и развитие товарности бедняцко-средняцких хозяйств самим этим фактом восстанавливало и развивало социально-экономические условия для «постоянного рождения капитала и буржуазии» (Ленин) в лице деревенских кулаков, а с ними и нового капитала и буржуазии в других участках народного хозяйства. Вместе с постоянным в известных пределах воспроизводством «капитала и буржуазии» в известных границах воспроизводился процесс расслоения крестьянства: выделение двух полюсов—буржуазии, кулаков и бедняцко-пролетарских элементов. Но расслоение в советский период, в восстановительный период нэпа, было качественно отлично от расслоения при капитализме. В нэпе проводилась ленинская линия «опоры на бедняка, союза с середняком и нажима на кулака». Ленинский план коллективизации развернул целую программу единственно «правильных соотношений с крестьянством» (Ленин), приведшую в результате в короткий срок к таким изумительным итогам, как быстрое развертывание сплошной коллективизации и 1930 и 1931 гг. На базе этой марксистско-ле-

нинской политики в восстановительный период происходили укрепление и рост середняцкого хозяйства, и середняк укреплялся как основная фигура деревни при некотором росте кулацкого хозяйства, никогда не переваливавшего, примерно, за 4%. При капитализме расслоение имеет диаметрально противоположный характер: вымывается середняцкое, быстро растет кулацкое и еще быстрее бедняцкое хозяйство, а значительные слои крестьянства непосредственно пролетаризируются. Хотя в СССР и происходил иной процесс расслоения деревни, но он в известной части восстанавливал, воспроизводил полученное от капитализма в наследство «аграрное перенаселение», т. е. явную и скрытую безработицу с деревенского (и самого крупного) конца. Восстанавливающаяся промышленность не могла включить в себя всех предлагающих свой труд, в особенности если еще учесть постоянный рост населения, в частности в городе. К тому же революция изменила положение классов, выбила из производственной колеи целые классы, как например мелкое промышленное производство (кустарей). Специфичность, в интересующем нас разрезе восстановительного периода состоит в том, что не только качественно, но и количественно восстановление так называемого «аграрного перенаселения», полученного нами в наследство от капитализма, и всей безработицы происходило совершенно иначе, чем это могло бы произойти в капиталистических условиях: в капиталистических условиях и вся безработица и ее деревенский конец—«аграрное перенаселение»—были бы буквально в несколько раз больше. Это мы видим хотя бы по капиталистическим странам.

С окончанием восстановительного периода и началом развертывания социалистической реконструкции всего народного хозяйства на базе возрастающего размаха социалистической индустриализации начался процесс повышения экономической мощи социализма и его базы в экономике страны по сравнению с экономической мощью и базой капитализма. Капитализм постепенно совершенно вытесняется социализмом с одного за другим командных участков народного хозяйства: в банках, на транспорте, в промышленности, в строительстве, торговле и т. д. В этих участках по порядку и одновременно решается проблема «кто-кого» в пользу социализма. Уже к середине и к концу 1929 г. социализм абсолютно победил в банках, в промышленности, на транспорте, в строительстве и в основном в торговле. Начиная с 1928 г. (совхозы) и в особенности с середины 1929 г. (колхозы), социализм начинает занимать прочные позиции в деревне для непосредственного решения проблем «кто-кого» и в деревне. В конце 1928 г. начинается прямой процесс ликвидации безработицы, сначала идущий медленно: за год лишь на 300 тыс. раб., а затем настолько быстро, что за 1930 г. ликвидируется почти полуторамиллионная безработица.

В восстановительный период середняцкое хозяйство восстановилось и укрепилось, но перспектив дальнейшего роста, подъема оно в своей основе не имело. Единственный путь для подъема крестьянского хозяйства был путь коллективизации. Сельское хозяйство в современных условиях могло подняться лишь на основе применения современных средств производства. Но это применение могло происходить: во-первых, в форме роста кулацкого хозяйства и бешеной



эксплоатации им бедняцко-средняцкого хозяйства, на базе индивидуального товарного хозяйства; во-вторых в форме коллективизации, т. е. обобществления средств производства. Пролетарское государство и партия стали активно возглавлять и организовывать поворот бедноты и середняка к колхозам. Этот поворот преобладающей массы крестьянства к колхозам означал начало ликвидации базы, где рождаются «ежечасно капитал и буржуазия».

С середины 1929 г. начал разворачиваться процесс ликвидации социально-экономических условий так называемого «аграрного перенаселения» и ликвидации самого «аграрного перенаселения», т. е. скрытой безработицы и крупнейшего источника явной безработицы. Быстрый рост социалистической индустриализации, возрастающий из года в год, впитывает ежегодно все возрастающую массу новых рабочих, что привело вместе с социально-экономическим процессом, происходящим в деревне, к полной ликвидации безработицы во всей стране.

Завершение построения фундамента социалистической экономики будет означать полную и окончательную ликвидацию в СССР остатков капиталистического закона народонаселения и начало развертывания социалистического закона народонаселения, без выраженных стихийных поправок частнотоварного производства, что было до периода социализма.

Социалистическая индустриализация, коллективизация и на ее основе ликвидация кулачества как класса—вот база и условие ликвидации безработицы. И это, несмотря на то, что в СССР имеются огромные почти неисчерпаемые трудовые ресурсы. Новые трудовые ресурсы со вступлением в период социализма могут выявляться лишь в плановом порядке и в результате плановых мероприятий, в частности на базе механизации и механизации сельского хозяйства.

Завершение фундамента социалистической экономики, не означающее еще завершения переходного периода, еще оставляет некоторую почву для действия ряда стихийных моментов в передвижении рабочей силы из деревни в город и из одной местности в другую. Полностью план будет внедрен на участке трудовых ресурсов всего народного хозяйства лишь с завершением последнего этапа нэпа. Поэтому народное хозяйство и интересы строительства социализма предъявляют к органам, ведающим движением народнохозяйственных трудовых ресурсов требования: овладеть положением настолько, чтобы обеспечить удовлетворение всех потребностей в нужном количестве и в нужное время. На данном участке опасность проявления правого оппортунизма на практике особо сильна, в той же мере, как и левых заскоков. Здесь классовая чуткость должна быть особо обостренной, точно так же как должны быть проявлены большевистские темпы и четкость в работе.

Весь ход социалистической индустриализации, рост коллективизации и совхозов, одним словом в совокупности вся ленинская политика партии, все это привело к ликвидации в основном «аграрного перенаселения» и предопределило полную ликвидацию явной безработицы. Растущее народное хозяйство упирается в недостаток рабочей силы. Развертывающаяся быстрейшими темпами социалистическая индустриализация, приводящая к быстро растущему вовлечению огромных

масс новых рабочих, и дальше развертывающийся процесс сплошной коллективизации и повышения материального положения колхозников укрепляют достигнутые успехи и делают уже невозможным возрождение безработицы, т. к. ликвидируют социальные условия, постоянно рождающие безработицу и «аграрное перенаселение», т. е. капитализм и индивидуальное товарное хозяйство.

### **Источники новой рабочей силы после ликвидации безработицы в СССР**

Факт ликвидации безработицы и напряженность на фронте снабжения народного хозяйства рабочей силой ни в коем случае не должен разоружить органы, ведающие этими вопросами. Работа по снабжению рабочей силой сейчас уже ни в коем случае не должна иметь явно выраженных элементов посредничества. Она в основном должна сводиться к активному выявлению трудовых ресурсов, снабжать народное хозяйство, распределяя и перераспределяя эти ресурсы, твердо наблюдая за правильным их использованием. Точно так же это относится и к подготовке рабочей силы и ее распределению.

Первый вопрос, который возникает при рассмотрении проблемы источников рабочей силы в СССР в период социализма, это вопрос об источниках пополнения рабочей силой социалистической промышленности транспорта, строительства, сезонных работ, совхозов и т. д.

Удовлетворение народного хозяйства в рабочей силе идет и должно идти по пяти направлениям:

1. По линии роста трудоспособного населения в СССР, в особенности роста трудоспособного населения пролетарской части города и деревни. В период социализма трудоспособное население должно и будет безусловно расти быстрее, чем при капитализме. Социалистическое общество, как выше было сказано, создает свой собственный закон роста и движения народонаселения, в самом основном принципиально отличающийся от такового в капиталистическом обществе. В период социализма рост народного хозяйства, сам по себе определяющий быстрый рост народонаселения, будет идти в ногу и с полным учетом темпов роста трудоспособного населения, могущего быть производительно использованным. Но затруднения с рабочей силой, которые переживает СССР, являются результатом того, что мы, покончив с капитализмом внутри страны и вступив в период социализма, еще не перестроили всего сельского хозяйства на социалистический лад. С завершением коллективизации завершится создание социалистической базы роста быстрейшими невиданными темпами материально-культурного благосостояния масс, что определит совершенно иные темпы роста трудоспособного населения страны.

Ускоренный рост трудоспособного населения страны получает еще более выраженный характер в связи с дальнейшим убыстрением индустриализации и проявлением ее результатов: еще предстоит лишь введение в действие Магнитостроя, Кузнецкостроя и др.

В результате индустриализации страны, механизации и машинизации всего общественного производственного процесса, на единицу оборудования (или точнее на единицу продукции) с каждым последующим годом потребуется все меньше число рабочих при общем бы-

стром росте общего числа рабочих. Наличный и намечающийся на оставшиеся годы пятилетки и за ее пределами темп роста строительства социализма не может уже удовлетвориться наличным темпом прироста ранее бывшего основного источника трудоспособного населения страны именно потому, что примерно до 1923 г. основной массой производительных работников общественного производства являлись мужчины. Женщины в относительно незначительном числе привлекались к производительному труду. Простое противопоставление темпов прироста трудоспособного населения и намечаемых темпов прироста пролетариата выявляет это положение достаточно ярко.

Рост удельного веса пролетариата в населении СССР  
(за 1927—1931)  
(в ‰)

	1928	1929	1930	1931
Рост удельного веса всего пролетариата . . . . .	18,7	19,6	20,8	22,0
„ с.-х. пролетариата . . . . .	2,9	2,9	3,0	3,4
в том числе:				
Рабочих обобщественного сектора . . . . .	1,0	1,3	1,8	2,5
Рост индустриального пролетариата . . . . .	15,8	16,7	17,8	18,6
в том числе:				
Рабочих обобщественного сектора . . . . .	6,9	7,5	9,0	10,4
Рост удельн. веса сельского х-ва и индустр. рабочих обобщественного сектора . . . . .	7,9	8,8	10,8	12,9

Мало того, что численность пролетариата растет, пролетариат из года в год обгоняет рост всего населения и в особенности его трудоспособную часть, и за ее счет удельный вес пролетарского населения до сих пор непрерывно вырастал. И в дальнейшем этот удельный вес будет расти при общем росте всего населения.

Хотя точных подсчетов, каков в будущем будет прирост населения, нет, но, исходя из общих весьма грубо учтенных тенденций за прошедшие годы и перспектив роста материально-культурного положения трудящихся масс, можно составить себе примерную картину предстоящего роста всего населения и в частности трудоспособной его части. За десятилетний период нэпа выявилось, что хотя рождаемость на 1000 населения немного понизилась, но зато быстро растущее падение смертности населения, в особенности малолетних детей, привело к повышению темпа роста населения, в частности его трудоспособной части. Это явилось результатом постоянно возрастающего материального положения масс, повышения их культуры, повышающегося амбулаторно-больничного и санаторного обслуживания масс, домами отдыха и т. д., в частности широко поставленной консультации матерей и всей системы преимущественного обслуживания и снабжения детей. Какова будет в будущем рождаемость — неизвестно. Вероятней, что с ростом обеспеченности трудящихся и систематическим повышением роли государственных органов в уходе за детьми рождаемость будет повышаться. Но безусловно, что точно так же, как и до сих пор, в будущем будет тем же темпом понижаться смертность всех

возрастных групп населения, что в общем определит возрастающий рост всего населения, в частности его трудоспособной части. Но на ближайшее пятилетие, несмотря на то, что будет продолжаться усиливаться темп прироста всего населения, трудоспособная часть сравнительно резко понизит темп своего прироста из-за отраженного влияния европейской и гражданской войн. Во время европейской и гражданской войн резко понизилась рождаемость, и была повышенная смертность детей. Годы же 1931—1936 являются как раз теми, когда должны вступить в трудоспособный возраст родившиеся в период войн. Прирост трудоспособного населения до сих пор происходил в темпах примерно 3—3½%. Учитывая же выше сказанное, нужно предполагать, что в предстоящем пятилетии прирост всего трудоспособного населения в СССР в среднем будет выражаться в 1½—2%. Потребность же народного хозяйства в рабочей силе до сих пор ежегодно колебалась в пределах 10—15% (кроме сельского хозяйства). В последующем нужно предполагать, что потребность в новой рабочей силе всего народного хозяйства (кроме колхозного и остатков индивидуального крестьянского) будет возрастать еще более быстрыми темпами. Отсюда ясно, что за счет прироста только трудоспособного населения, в частности за счет городской его части, нельзя будет удовлетворить потребности народного хозяйства, в особенности за счет прироста мужского трудоспособного населения. Большинство же отраслей народного хозяйства и большинство профессий (квалификаций) во всех отраслях до сих пор заполнялись преимущественно мужчинами. 1931 г. является первым переломным годом в этом отношении. Перед нами стоит задача обратить особое внимание на изыскание рабочей силы.

2. По линии широкого вовлечения женского труда, в особенности членов семей пролетарской части населения городов. В ближайшие два-три года вовлечение женщин в производство может решить серьезнейшую часть проблемы источников рабочей силы для растущей потребности народного хозяйства. Стоит только обратить внимание на то, что к концу пятилетки одних только специалистов должно вырасти в стране 1 млн. человек, не считая нескольких миллионов, которые будут учиться в вузах и техникумах, и что ежегодно прирост пролетариата вряд ли будет ниже 14—15%, а скорее всего будет выше. Поэтому все перспективные планы и практические мероприятия должны быть направлены в сторону доведения до максимума возможного предела использования на общественно-производительной работе женщин, в особенности городских жительниц: жен и детей рабочих и служащих.

Применение женского труда в производстве в более широких размерах, чем до сих пор, учитывая потребность в рабочей силе в ближайшее годы, создает исключительной емкости источник новой рабочей силы. Только по городскому населению РСФСР насчитывается 3,5 миллиона трудоспособных женщин-иждивенок частных лиц, в основном иждивенок пролетарской части населения городов. Мужчин же иждивенцев по этим городам насчитывается лишь 160 тыс. чел. В это число не входят иждивенцы общественных и государственных учреждений, вузов, техникумов и т. д. Значительная, решающая часть этих иждивенок может быть привлечена к общественно-про-

изводительному труду при условии ряда социально-бытовых мероприятий: организации общественных столовых, приспособленных к нуждам рабочего населения и их семей, прачечных, яслей, детских садов и т. д. Женских трудовых ресурсов имеется и в городе и в деревне столько, что их хватит, вместе с мужскими трудовыми ресурсами, при соответствующей предварительной подготовке и повышении их квалификации на любые темпы роста рабочей силы.

В 1931 г. центр тяжести в снабжении народного хозяйства рабочей силой переносится на женские ресурсы: 900 тыс., по подсчетам Госплана из 2 млн. всей потребности. Эта цифра огромна еще и потому, что по существу в прошлые годы не было сделано всего необходимого в смысле подготовки рабочей силы, организации бытового обслуживания женщин-работниц и т. д. Все это должно быть сделано в первой половине текущего же года. Для последующих лет обеспечение роста женской рабочей силы разворачивается по линии повышения обязательной нормы девушек во всей системе подготовки рабочей силы, намечается широкое развитие бытовых учреждений: столовых, яслей, прачечных и т. д.

Кроме препятствий бытового и квалификационного порядка необходимо будет преодолеть препятствие другого порядка: противодействие внедрению женской рабочей силы. Мотивировки противодействия идут по двум линиям: 1) женщина мол, вследствие своих физиологических особенностей часто прогуливающая, не представляет экономически выгодную рабочую силу и 2) женщине... опасно работать в ряде отраслей производства, в особенности в отраслях по производству материальных элементов основных фондов, т. к. работа в этих отраслях влияет на деформацию женского организма. Объективные данные опровергают эту мотивацию. Наоборот все данные говорят о том, что в ряде случаев женская рабочая сила идет впереди мужской во многих отношениях. Если напр. сопоставить число дней нетрудоспособности женщин и мужчин по всей промышленности на территории РСФСР, то оказывается, что (при исключении специфически женской причины — беременности) женщины систематически меньше прогуливают по всем отраслям, чем мужчины. А вместе с основной причиной их прогулов — беременностью — они не являются на работу в среднем в течение года лишь на 12 дней больше, чем мужчины. А ведь женщина-работница еще и до сих пор несет на себе обязанность заботы о домашнем хозяйстве, семье и детях. А ведь женщина-работница еще и до сих пор несет на себе обязанность заботы о домашнем хозяйстве, семье и детях.

Некоторое повышение показателя женских прогулов само по себе объясняется внедрением женщин на подземные работы, чего раньше почти не было. Во всяком случае необходимо отметить довод о невоз-

Невыходы на работу по горнодобывающей промышленности.  
РСФСР (на 1000 застрахованных)

Г о д ы	Мужчин	Женщин
1926 . . . . .	14 289,6	9 865,0
1927 . . . . .	15 604,4	11 641,2
1928 . . . . .	16 622,1	14 111,7

возможности женщине работать в опасных производствах, так как таких исследований на массовом материале фактически еще не было. При осторожном отношении к женскому организму и некоторых предохранительных мероприятиях, как вентиляция, отстранение женщины от опасного для их организма места работы и т. д., женщина может работать по большинству отраслей, а по некоторым даже занять решающее место.

Выполнение плана на 1931 г. и последующие годы потребует ряда маневров с рабочей силой: часть мужчин придется снимать с работы и ставить на их место женщин, а мужчин, после предварительной переподготовки — еще когда они работают на прежнем месте — направлять на другую работу, вредную для женского организма. По некоторым отраслям и профессиям подготовка рабочей силы и прием на работу, согласно решению СНК РСФСР, НКТ СССР и РСФСР, должны будут производиться только за счет женщин. В результате всех мероприятий в 1931 г. удельный вес женской рабочей силы в народном хозяйстве повысится с 28,8% до 30,6%. В последующие годы этот рост будет идти даже значительно быстрее. И этот более быстрый рост все хозяйственные, советские и партийные организации должны обеспечить, учитывая и бытовой и экономический и политический эффект от этого. Вместе с тем они должны будут учесть крупнейшее оборонное значение вопроса о женской рабочей силе уже в мирное время, поскольку подготовка рабочей силы — дело длительное, а высота квалификации определяется не только учбой, а еще и практикой.

Более массовое, чем раньше, вовлечение женщин в производство решает серьезнейшую часть проблемы на ближайшие 1-2-3 года. Но затем на базе достигнутого высокого уровня удельного веса женской рабочей силы дальнейший рост рабочей силы, принимая во внимание убыстряющиеся темпы роста народного хозяйства и задачу «догнать и перегнать», уже не сможет быть решенным за счет женщин — жен и детей рабочих и служащих. Поэтому уже сейчас, а в дальнейшем во все возрастающем и абсолютно и относительно размере нужно будет использовать такой источник, как

З отпуск свободной и освобождающейся рабочей силы коллективизированной деревни (а до завершения коллективизации и индивидуальной бедняцко-средняцкой деревни). Но на этом пути встречаются некоторые затруднения, используемые правыми оппортунистами для доказательства правильности тезиса о необходимости попридержать темпы. Из вышеописанного социально-экономического процесса ликвидации безработицы вытекает временно некоторый сдержанный рост отпуска деревней рабочей силы в город. Провооппортунистические выводы из этого факта без социального, большевистского осмысливания его сводятся к тому, что темпы не учитывают мол роста источников рабочей силы, что партия, значит, ведет авантюристическую политику. Правые, не понимая социальной сути явления, не умеют сделать большевистских выводов: источники рабочей силы нужно и можно найти и в деревне.

Сельское хозяйство (в первую очередь зерновое) с тех пор, как оно начало в известной своей части вестись на научных основах (в пределах, возможных в классовом эксплуататорском обществе),

выявило тенденцию абсолютно снижать количество занятой рабочей силы на единицу обрабатываемой земли. Чем быстрее растут капиталистические предприятия в сельском хозяйстве, тем быстрее идет процесс понижения численности сельского населения вообще. Таков закон капиталистической концентрации производства и роста производительных сил в сельском хозяйстве и отсюда отражение капиталистического закона народонаселения в сельском хозяйстве.

В условиях переходного периода и периода социализма, когда ликвидируется класс, относящийся к работнику лишь как к живому элементу своего производительного капитала, когда размер применения этого живого элемента уже не зависит от интересов капиталистического класса, а определяется рационально понимаемыми интересами самих коллективизированных производителей и самими производителями, освобождение излишней рабочей силы происходит на принципиально иных основах. То, что деревня раньше освобождала значительную массу рабочей силы, являлось не рациональным результатом насыщенности сельского хозяйства таковой, а социальными условиями ее применения. Коллективизация не только уничтожает прежние социальные условия применения крестьянской рабочей силы в сельском хозяйстве, но создает условия для большего насыщения сельского хозяйства добавочной рабочей силой, что соответствующим образом отражается на отходе. Это, с одной стороны. А с другой — коллективизация, давая возможность значительно более рационально использовать наличные средства производства, создавая условия для большего применения труда, приводит к обязательному результату — к систематическому повышению благосостояния коллективизированной деревни. Это также серьезнейшим образом отражается на отходе. Широкое применение машин и механических двигателей; превращение нынешнего коллективного сельского хозяйства, организуемого на данном этапе преимущественно на мануфактурных основах, в сельскохозяйственные промышленные предприятия на коллективных началах; стопроцентный юхват МТС всей обрабатываемой земли и т. д. приведут к тому, что деревня сумеет уже к концу текущей пятилетки и в особенности на протяжении следующей пятилетки отпустить не один десяток миллионов человек. Но при этом нужно иметь в виду, что при условии значительно повышенного благосостояния коллективизированного крестьянства привлечение высвобождающейся в деревне рабочей силы в тяжелые отрасли промышленности, как напр. каменноугольная, железорудная и т. п., может быть затруднено, без проведения в ближайшее же время механизации особо трудных работ. В плановом порядке этот отпуск из деревни будет направляться в другие отрасли народного хозяйства. В настоящее же время, когда механизация и механизация сельского хозяйства проходят лишь первые шаги и степень освобождения рабочей силы может быть лишь следствием рационально организованного труда и преодоления остатков частнохозяйственных установок колхозников, бывших ранее мелкими индивидуальными производителями, размер отхода будет зависеть от индивидуальной заинтересованности каждого колхозника в общих результатах работы колхоза и в повышении материального положения каждого колхозника в отдельности. Поэтому переход к сдельщине и ее полное внедрение должны стать основным экономическим условием для организации труда в

колхозах и для организации отхода. Задача состоит в том, чтобы на базе правильной организации труда в колхозах показать колхозникам их заинтересованность в отпуске освобождающейся рабочей силы в город на основе центральных и местных договоров между органами труда и Колхозцентром, колхозсоюзами и отдельными крупными колхозами.

Краткий вывод по отношению к данному источнику таков: а) максимально правильная организация труда в колхозах даст народному хозяйству максимально возможное при данных условиях количество новой рабочей силы; б) получение этой рабочей силы должно проводиться на базе заключения договоров между органами труда и органами колхозов, установлением правильных отношений между колхозами и уходящими на заработки колхозниками (необходимо заинтересовать уходящих на заработки колхозников и обеспечить эту их заинтересованность), недопущением самотека в отходе как колхозников, так и единоличников. Для этого органы труда должны проводить договорную и вербовочную кампанию до весеннего отхода и, само собой разумеется, в течение всего весеннего периода.

Организация труда — вместе с тем сугубо классовая проблема, так как она сплошь и рядом наталкивается на бешеное сопротивление кулака, подкулачника и их агентов — правых оппортунистов. Без преодоления этого сопротивления — задача не будет выполнена. К вопросу о подготовке и организации отходов необходимо подходить как к важнейшей народнохозяйственной задаче, за выполнение которой нужно драться.

Все вышеуказанные источники, являясь сами по себе крупнейшими, на сегодняшний день не могут целиком решить проблемы удовлетворения всей потребности. Есть один крупный источник, который нужно искать

4. по линии отыскания новой рабочей силы внутри предприятий путем рационализации производственного процесса — в широком смысле этого слова, путем правильного использования наличной рабочей силы. В прошлом не было ни одного года, когда бы промышленность не перевыполняла планы по рабочей силе. В 1929/30 г. промышленность на территории РСФСР перевыполнила план примерно в 200 тыс. рабочих. По конъюнктурным данным ВСНХ можно судить, что хотя отмечается благоприятный рост использования каждого рабочего на производстве, но в абсолютном выражении оно еще очень низко. Повышение трудовой дисциплины должно дать добавочные ресурсы. Но самым крупным злом является наличие огромных излишков рабочей силы на предприятиях. Только на одном транспорте в настоящее время насчитывают до 130 тыс. лишних рабочих. Результаты работы, проводимой в настоящее время по изучению излишков рабочей силы на предприятиях, дают основание утверждать, что в промышленности излишки не меньших размеров. Выявление излишков рабочей силы на предприятиях является серьезнейшей проблемой и с точки зрения источников рабочей силы, столь нужной народному хозяйству, и с точки зрения роста и выражения производительности труда, и с точки зрения снижения се-



бестоимости. Правильно поставленная работа по непрерывному изъятию излишков и перераспределению их в районы, где в них нуждаются, имела бы два результата: 1) более быстрое повышение производительности труда и 2) ликвидацию иррациональных требований на рабочую силу.

В совокупности: рост трудоспособного населения, фактически неисчерпаемые ресурсы коллективизирующейся деревни, уже наличные в городах огромные незанятые на производстве ресурсы женской рабочей силы из пролетарской среды, при правильно поставленной работе органов труда, хозяйственных организаций и всех органов подготовки рабочей силы и правильной организации труда на производстве могут целиком удовлетворить максимальные текущие потребности народного хозяйства в рабочей силе.

Так же борьба с текучестью рабочей силы дала бы промышленности, строительству и сезонным отраслям добавочной рабочей силы не меньше 4—6% (самая же текучесть в прошлом году колебалась в среднем от 15 до 30%). Если же принять во внимание связанное с фактом понижения текучести повышение трудовой дисциплины, повышение знакомства с данным производством, более рациональным распределением рабочей силы в самом предприятии, то результаты повысились бы еще в несколько раз.

По промышленности на территории РСФСР текучесть выразилась в 1929/30 г. в следующем размере:

Состояло на начало года . . . . .	2 009 рабочих
Принято за год . . . . .	2 960 „
Выбыло „ . . . . .	2 557 „
Состоит на конец года . . . . .	2 412 „

Такая текучесть, чем больше растет численность, увеличивает на много потребность в добавочной рабочей силе, которую в данное время удается с большим трудом доставать. Но текучесть имеет и другую сторону — она отрицательно действует на промфинплан, на повышение производительности труда, на расходы по прозодежде и т. д. С этим злом рабочий класс под руководством партии развернул широкую борьбу. И правые и право-«левые» и по данному вопросу имели свое «суждение», и по данному вопросу повели наступление на партию. И так же, как и по другим, партия разоблачила буржуазный, кулацкий характер их нападок.

Правые считали текучесть нормальным явлением. Тов. Гиндин на заседании коллегии НКТ СССР, где председательствовал т. Углавнов в своем докладе заявил, что «вопрос о текучести рабочей силы вовсе уже не является новым вопросом. Поэтому мои замечания сводятся к следующему чрезвычайно распространенному (!) мнению, что текучесть — вреднейшее явление для производства, что она представляет собой ненормальное явление и что необходимо добиваться устранения текучести. Я считаю, что это неверный взгляд (!!). В наших условиях текучесть в целом ряде производств необходима (!). Речь должна идти лишь о снижении текучести рабочей силы». «В последнее время мы имеем ряд случаев, когда в борьбе с текучестью рабочей силы принимают такие меры: пытаются издать постановления ●

воспрещении регистрации на бирже труда тех, кто добровольно ушел с предприятия. Были случаи, когда страхкассы лишали пособия тех, кто добровольно уходил с предприятия. Мы считаем, что такие мероприятия могут дать некоторый эффект на определенный отрезок времени, но постоянно их применять невозможно»<sup>10</sup>. По существу выступление т. Гиндина нашло поддержку и в выступлениях остальных членов коллегии и в ее решении. Особенно интересен своей безнадежностью конец речи одного из членов коллегии, сказавшего: «Я считаю необходимым все мероприятия обратить на основные отрасли промышленности и не разбрасываться по всем мелким отраслям. Все равно сейчас положение такое, что текучесть будет и меться»<sup>11</sup>. Мысль этого члена коллегии подхватил т. Угланов в своем резюме для вынесения решения. «Нам не нужно объять необъятное». «Прежде всего текучесть рабочей силы надо рассматривать как явление длительное, а поэтому наладить вопрос о текучести нужно было не пожарными мерами, так как они могут успокоить лишь на очередной день». Какова же все-таки причина текучести? Она, по мнению правых, лежит в недостаточном снабжении, в пестроте зарплаты, в жилищах, в культурно-бытовом обслуживании. Это — последняя и непосредственная причина текучести в одно и то же время. Других мол причин нет. Право-«левые», в лице т. Сырцова, утверждали, что все сводится к снабжению и неправильной политике зарплаты. Если мол партия это изменит, то текучесть сразу исчезнет, и никаких затруднений с рабочей силой не будет.

Ни правые, ни право-«левые» не поняли социального, классового содержания текучести. Они даже и не подумали искать причину текучести в социально-экономических процессах в стране, в отношениях классов и обострении классовой борьбы в результате развернутого социалистического наступления и отражения всего этого на части рабочих. Они не поняли, что означает социальная причина и какое место в социальных явлениях занимают отдельные каналы, формы и поводы для их проявления и организующей роли партии в борьбе с отрицательными социальными явлениями, с сопротивлением враждебных классов в различных формах его проявления.

Причиной текучести является вовлечение огромного числа новых рабочих, в значительной части выходцев из мелкобуржуазной среды, неуспевших еще перевариться в пролетарском котле, изжить мелко-собственнические настроения и рваческое отношение к социалистической промышленности. В этой среде развиты рвачество, погоня за «длинным рублем», летунство, низкая трудовая дисциплина и т. д. Это с одной стороны. А с другой — быстрее разворачивание сплошной коллективизации и столь же быстрый рост МТС, сопровождавшиеся хорошим урожаем 1930 г., повысили благосостояние крестьянства и усилили тягу рабочих, связанных с сельским хозяйством, в деревню. Этот сложный социальный переплет не учли ни органы труда, ни хозяйственники, ни значительная часть партийных организаций и продолжали по инерции думать только о новой рабочей силе, которая раза по два успевала обращаться в самые краткие

<sup>10</sup> Из стенограммы заседания коллегии НКТ СССР от 30/V 1930 г.

<sup>11</sup> Там же.

сроки. Напр. на Магнитострое за два месяца лета 1930 г. успело уйти столько же, сколько пришло. Больше того, некоторая часть (правда незначительная) рабочих успела за три-четыре летних месяца пройти два-три через вербовочные аппараты органов труда, каждый раз направляясь в другое место, а иногда и в то, откуда они успели уйти. На погрузочно-разгрузочных работах в Ленинградском порту летом за один месяц успел смениться почти весь состав рабочих. В своем обращении от 3 сентября ЦК партии вполне правильно указывал на социальные причины, обусловившие текучесть рабочей силы, и отметил, что борьбу с этим можно успешно вести только тремя путями:

1. Необходимо поднять всю рабочую общественность на борьбу с текучестью; поднять кампанию за добровольное закрепление рабочих на предприятиях, на борьбу с летунами и рвачами, организовать премирование лучших ударников, а также рабочих, продолжительное время работающих на предприятии и т. д.

2. Органы труда при поддержке лучших рабочих-ударников должны провести ограничительные мероприятия в отношении летунов в виде напр. воспрещения им работать в течение шести месяцев по специальности, направления их только на физическую работу.

3. Хозяевам должны считать своей прямой обязанностью заботиться о рабочем снабжении и улучшении жилищно-бытовых условий, точно так же, как они заботятся о выполнении промфинплана.

Только таким путем можно вести борьбу с текучестью, этим отрицательным социальным фактом, выросшим в 1930 г. до таких размеров, что он способствовал срыву планов по ряду отраслей, невыполнению строительного плана, а по некоторым отраслям грозит сорвать план 1931 г.

Борьба с текучестью — это в первую очередь борьба с проявлением влияния классовых врагов — кулаков и их идеологов-вредителей — на отдельные, еще не ставшие устойчивыми слои рабочего класса. Борьба против текучести есть одновременно и борьба против недостатков в организации труда, против недостатков в снабжении, против недостатков в организации культурно-бытового обслуживания рабочих. Борьба против текучести есть вместе с тем борьба за социалистическое отношение к труду со стороны всех рабочих. Можно смело утверждать, что только с преодолением текучести можно будет осуществить полную плановость в подготовке, снабжении и перераспределении рабочей силы и плановость в вопросах труда вообще.

### Проблема кадров

С окончанием восстановительного периода и началом полного развертывания реконструкции народного хозяйства и индустриализации выявился острый недостаток в квалифицированной рабочей силе и в специалистах во всех областях деятельности. Острота потребности в квалифицированных рабочих и в особенности в специалистах выросла настолько, что развивающиеся быстрые темпы индустриализации начали упираться в проблему кадров. Как и текучесть рабочей силы, неизмеримо выросшая текучесть специалистов име-

ла своей первоосновой социальные сдвиги, происшедшие в стране, обострившуюся классовую борьбу, сопротивление ликвидируемых эксплуататорских классов развернутому социалистическому наступлению, расцветшее за последние два-три года контрреволюционное вредительство и т. д., непосредственной же причиной была исключительная нехватка специалистов, вызвавшая ажиотаж на «рынке труда» специалистов.

Развертывающаяся быстрыми темпами социалистическая индустриализация в дальнейшем будет предъявлять еще большие требования на специалистов. Точно в таком же положении находится и вопрос о кадрах квалифицированных рабочих. Каждая новая стройка, а затем каждое новое вводимое в действие предприятие предъявляют требование на тысячи и десятки тысяч квалифицированных рабочих.

Проблема кадров в СССР наиболее ярко проявляет отличие социалистической системы от капиталистической. В капитализме рабочий — собственник своей рабочей силы — товара. Он сам заботится о качестве, конкурентоспособности, стоимости и т. д. своей рабочей силы. В СССР о подготовке рабочей силы во всех отношениях в основном заботится государство. Взять хотя бы такой пример, как проведенный в СНК РСФСР закон о системе технического образования рабочих, который в ближайшем будущем вероятно превратится в закон о всеобщем обязательном техническом образовании рабочих, начиная с основ технической грамоты, с постепенным переходом к получению высшего технического образования, не отрываясь от производства. Всеобщее обязательное техническое образование с обязательным постепенным переходом от одного уровня подготовки к другому на базе производительного труда идет путем создания предприятий-школ и предприятий-вузов, показывает, как можно провести и накопить опыт конкретного осуществления в будущем при создании богатой общественной материально-культурной базы задачи ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. Если в трудах учителей научного коммунизма было выдвинуто общее теоретическое положение, что при коммунизме будет уничтожена противоположность между умственным и физическим трудом, то мы в СССР уже нащупываем конкретные формы путей осуществления этого прогноза. Наша практика показывает, что неверно было бы понимание этого пути так, что сначала необходимо получить абстрактно понимаемое равное высшее образование, а затем все как равные войдут в производство. Получение высшего образования — это процесс, непосредственно связанный с производительной деятельностью. Особенности состоят в том, что не одиночка, не тысячи и даже не сотни тысяч, а миллионы, десятки и сотни миллионов в процессе производительной деятельности будут приобретать высшее техническое (и иное) образование. В данный момент еще неизвестна точная организационная форма осуществления в будущем этой грандиозной задачи. Но, с другой стороны, закон, принятый СНК РСФСР, в наиболее грубой, возможно в весьма приближенной форме рисует систему всеобщего обязательного технического образования будущего от элементарного до высшего.

В настоящее время эта задача решается только в маленькой степени, в форме подготовки за пятилетие нескольких миллионов квалифицированных рабочих и одного миллиона специалистов. На бли-

жайший период перед нами стоит задача во что бы то ни стало удовлетворить огромные требования на квалифицированные силы. В процессе выполнения этих требований мы будем приближаться к осуществлению исторической задачи, стоящей перед нами, хотя уже сегодня встает задача, как мы удовлетворим еще большие завтрашние требования, которые по сути дела будут требованиями на повышение технико-культурного уровня всего трудящегося населения СССР.

Эти непрерывно возрастающие требования на новых квалифицированных рабочих и специалистов начали, собственно говоря, выявляться уже к концу восстановительного периода, и уже тогда (правда не в отношении специалистов, а только квалифицированных рабочих) в рядах пролетарской общественности все больше начали поднимать вопрос о расширении систематической школьной подготовки квалифицированной рабочей силы и о типе нового подготавливаемого рабочего. Дискуссия вокруг вопроса о типе рабочего затемнила вопрос об объеме подготовки рабочей силы и даже подчинила этот вопрос первому. Застрельщиком в этой дискуссии был комсомол.

Комсомольцы при поддержке просвещенцев ставили вопрос о подготовке рабочего, который получил бы кроме политехнических и технических знаний в области данной специальности еще и политическое развитие, т. е. комсомол ставил вопрос о всесторонне развитом рабочем, который, во-первых, был бы вполне сознательным социалистическим строителем, борцом за быстрые темпы социалистической индустриализации и против классовых врагов и различных форм проявления влияния классовых врагов на отдельные слои пролетариата.

Старое руководство НКТ СССР и профсоюзов выдвигало дебоческий мотив об экономности в вопросах подготовки рабочей силы, т. е. что политехнизм и политическая подготовка — дело будущего, а в настоящее время необходимо готовить рабочего, который мог бы удовлетворить на данный отрезок времени потребность хозяйства. Если же под влиянием технической реконструкции предприятий потребуются другие рабочие, то можно будет, как и прежде, подготовить из данных рабочих людей с новой квалификацией.

Лучше всех выразил эту точку зрения т. Гастев, который рассматривал рабочего по существу как придаток к машине, т. е. как рабочего данного конвейера. Идеальным практическим выражением этой точки зрения явился ЦИТ (акционерное общество «Установка»), который в 3-4-6 месяцев выпускает рабочего любой профессии и любой квалификации, ибо все там сводится, по существу, к изучению приемов работы по данной специальности и даже не по профессии.

Политехнизм — это база, дающая возможность рабочему легко переключаться с одного уровня техники на другой одновременно с техническим ростом нашей промышленности, так как он дает широкие политехнические знания технологического процесса вообще, дополненного специальными техническими знаниями и навыками.

Эта борьба избрала своим фокусом ФЗУ. Руководство ВЦСПС и НКТ (опять таки в лице т. Гиндина) выдвигали между прочим как мотив невозможности развертывания ФЗУ безработицу среди взрослых. Потребность промышленности нужно удовлетворять при помощи краткосрочной подготовки и переподготовки безработных. Почему в данном случае выдвигался мотив безработицы? Потому что, несмотря

мол на быстрый рост потребности в рабочей силе, она не перекроет наличность и рост безработицы. И для того, чтобы как-то постоянно смягчать безработицу, — нужно только из ее среды готовить временно квалифицированных рабочих. Это и экономней и целесообразней. Делячество и правый оппортунизм прут из данной установки.

Только тогда, когда партией было снято старое профсоюзное руководство, по прямому указанию партии отношение к вопросу о ФЗУ, политехнизме и политической подготовке изменилось в сторону партийной установки. Начиная с 1930 г. после решения ноябрьского (в 1929 г.) пленума ЦК ВКП(б) широкое развертывание строительства ФЗУ как основной формы подготовки квалифицированной рабочей силы начало получать свое осуществление.

Приемы, контингенты и выпуски из школ ФЗУ, ШУМП и т. д. (в тыс.)

	Абсолютные данные			В % к предыд.	
	1929	1930	1931	1930	1931
Прием . . . . .	73,2	473,3	700,0	646,6	147,9
Контингенты к концу года . . . . .	163,3	582,0	1 206,0	356,4	207,2
Выпуск . . . . .	—	44,2	76,0	—	171,9
Бригадно-индивидуальн. учен. . . . .	—	—	42,0	—	—

Прием в ФЗУ, как и их контингенты, растут положительно бешеным темпом: в 1930 г. прием вырастает на 646,6%, а в 1931 г. по отношению к 1930 г. — на 147,9%. Контингенты растут теми же темпами: 356,4% и 207,2%.

Принимая во внимание острую нужду в квалифицированной и еще в большем размере в полуквалифицированной рабочей силе и ЦК партии и XVI съезд партии постановили, что в течение определенного периода времени должна быть широко применена и краткосрочная подготовка рабочей силы через ЦИТ и др. курсы. В 1931 г. ЦИТ должен дать до 400 тыс. полуквалифицированных и отчасти квалифицированных рабочих. Вместе с развертыванием ФЗУ и началом массового выпуска ими квалифицированных рабочих начнет снижаться роль ЦИТа в подготовке рабочей силы. Но и в отношении ЦИТа партия дала директиву усилить политическую и общетехническую подготовку подготавливаемых на курсах ЦИТа рабочих:

Острая нужда в рабочих и необходимость вести подготовку, не отрывая наличные кадры от производства (что, кстати сказать, является одним из наилучших методов подготовки квалифицированной рабочей силы и имеет крупнейшее социальное значение), выдвинули вопрос о передвижке рабочих на более квалифицированные работы с предварительной дополнительной подготовкой (см. табл. на с. 60).

При помощи дополнительного образования в 1931 г. мы получим 555 тыс. квалифицированных рабочих. А в 1932 г. эта цифра увеличится не меньше чем вдвое.

Так же, как и другие области народного хозяйства, область подготовки не обошлась без контрреволюционного вредительства. В 1929/30 г. курсы ЦИТа количественно в основном успешно справились с заданием подготовить около 200 тыс. рабочих. Вот это и обра-

Дополнительное рабочее образование и ускоренная подготовка на 1930

(в тыс. чел.)

	Дополнительн. рабоч. образов.			Выпуск по ускорен. подготовке
	По линии обществен. организац.	По плану органов просвещен.	По плану ВСНХ и др. ведомств	
Без колхозного сектора . . . . .	1 195	273	798	555
С колхозным сектором . . . . .	6 195	907	898	555

тило на себя внимание вредителей. И уже в особом квартале не без влияния вредителей (один из вредителей-меньшевиков — Маш) подготовка рабочей силы была фактически сорвана: план набора был выполнен примерно на 40%.

Вся сумма мероприятий по строительству ФЗУ, ШУМП, курсов ЦИТа и т. д. должна будет обеспечить решение проблемы квалифицированных рабочих для периода развернутой социалистической индустриализации страны. В некотором отношении острее стоит вопрос о кадрах специалистов.

Социальный состав специалистов Советского союза на сегодняшний день таков, что для обеспечения темпов хозяйственного роста необходимо в самые кратчайшие сроки изменить социальное лицо специалистов, подготовить в массовом масштабе своих пролетарских специалистов. Из каких социальных групп состоят специалисты, работающие в советских учреждениях и предприятиях? Если не считать молодых специалистов, которые на сегодняшний день еще не занимают решающих позиций на производстве и не всегда решающие позиции в учреждениях, то старые специалисты состоят из старого чиновничества, буржуазных интеллигентов, выходцев из буржуазно-помещичьей среды, из бывших членов меньшевистско-эсеровских партий и т. д. Они и являются питательной средой для развития всяких вредительских контрреволюционных организаций. Процесс Промпартии, процесс контрреволюционеров-меньшевиков, так называемого Союзного бюро ЦК РСДРП(м) это целиком показали. Свои ряды первые комплектовали из старого инженерства и специалистов, ранее связанных с буржуазией и господствующими классами, а вторые — из выходцев из мелкобуржуазной среды и бывшей партии меньшевиков. Так называемая ТКП — группа Кондратьева — это точно так же целиком подтверждает. Все вредительские организации не находят отклика в советском и пролетарском специалисте, а находят его в среде старых специалистов.

Конечно это не значит, что все старые специалисты не лояльно настроены. В среде старых специалистов происходит такое же расслоение, как и во всей стране. Часть специалистов вполне искренно идет с пролетариатом и борется за быстрые темпы социалистического строительства. Пленум ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. постановил, что партия должна, опираясь на лучшую часть специалистов, изолировать нелояльные и вредительские элементы, вести с ними борьбу и удалить их с производства и из учреждений. Вот этого расслоения среди специалистов не поняли правые, рассматривая специалистов как сплошную массу специалистов, лояльно якобы работающую с советской властью.

Решение проблемы пролетарских специалистов ликвидирует последнюю среду, где еще находят кое-какие питательные соки контрреволю-

ционные организации. Пятилетка кадров специалистов ставит перед собой задачу решить целиком эту проблему.

Потребность в специалистах и покрытие ее до конца пятилетки  
(в тыс. чел.)

К в а л и ф и к а ц и я	Г о д ы	Необходимое штатное наличие	Потребность в новых кадрах	Будет покрыто	Нехватка в абсол. выражении	Насыщенность (в 0/0)
1	2	3	4	5	6	7
Специалисты высшей квалификации .	1929/30	169,7	63,7	59,8	3,9	97,6
	1930/31	232,9	75,8	38,4	37,4	83,9
	1931/32	298,4	110,5	53,1	57,3	80,7
	1932/33	354,1	122,6	96,4	26,3	92,5
	За 4 года	—	260,3	247,7	—	—
Специалисты средн. квалификации .	1929/30	326,5	141,8	112,0	29,8	90,9
	1930/31	473,4	188,6	104,9	83,7	82,3
	1931/32	658,4	284,2	186,5	97,7	85,2
	1932/33	858,6	320,4	271,0	49,4	94,2
	За 4 года	—	695,1	674,3	—	—

Общее количество специалистов должно быть доведено к концу пятилетки до 1 200 тыс. человек. Контингенты же вузов и техникумов должны быть доведены до нескольких миллионов человек. Конечно и пятилетка кадров специалистов и кадров квалифицированных рабочих не вполне соответствуют потребности промышленности, во-первых потому, что самое развертывание народного хозяйства изменено по сравнению с тем, что было намечено при составлении пятилеток кадров. Во-вторых, расчет потребности в специалистах производился по штатному расписанию, принятому по заграничному образцу. А это, можно прямо утверждать, не может соответствовать нашим потребностям. В капиталистических странах специалист — это в значительной мере надсмотрщик. У нас — в стране социалистического соревнования и ударничества и самоконтроля рабочих — функции надсмотрщика сведены на-нет. Но зато у нас к специалисту предъявляется требование быть организаторами социалистического соревнования, инициативы масс, конструкторской и изобретательской инициативы рабочих и т. д. Кроме того специалист должен и сам быть конструктором и рационализатором. Наличные пятилетки кадров являются и должны быть руководящими в практической работе, и за их выполнение необходимо бороться, как борются весь рабочий класс и партия за выполнение всей пятилетки. Необходимо в самые кратчайшие сроки преодолеть лимит в виде недостаточности общежитий и учебных помещений, в противном случае дальнейшее расширение контингентов вынуждено будет идти гораздо медленнее, чем это намечено планом.

Вместе с тем серьезнейшей проблемой является проблема правильного использования наличных специалистов. Есть места, относительно перенасыщенные специалистами, в то время как есть места, почти не имеющие специалистов. Перераспределение кадров должно проводиться самым жестким образом. После выполнения пятилетки кадров можно будет принимать во внимание множество мотивов для изменения



гого или иного конкретного решения, но в данной обстановке этого делать почти нельзя. Самая жесткая борьба должна вестись с текущей и лютностью специалистов. Кое-какие результаты в этой области уже имеются. Нет уже того бесшабашного перехода с одной работы на другую, как это было в течение всего 1930 г. Вся борьба за кадры должна быть борьбой за пролетарские кадры, за свои кадры, за кадры строителей социализма. Тов. Сталин на конференции хозяйственников. Без знания производства не может быть квалифицированного руководства им. На базе отсутствия технических знаний у пролетарских руководителей может расцвести вредительство контрреволюционного инженерства. Решение обеих проблем есть по существу решение проблемы пролетарского руководства производством и обеспечения невиданных темпов роста социалистического строительства.

\*\*

Ликвидация безработицы нас обязывает. В этом факте нужно видеть не только всемирноисторическое достижение, но и обязательство: перед нами вырастает задача большевистского преодоления трудностей на фронте труда. Самотек в вопросах труда недопустим. Самотек не вывезет, а завезет в правооппортунистическую трясиину. В борьбе мы строим социализм. В борьбе мы решаем исторические задачи. Без борьбы, без большевистской напористости и деловитости выросшая проблема труда (данное «узкое место») не будет снята, так как она не иначе как в борьбе будет решена. Решением пятилетки будут в основном преодолены трудности. Но сама пятилетка решается только и может решаться в преодолении трудностей, в том числе и трудностей на фронте труда. Пятилетка — это конкретная программа партии на ближайшие 1-2-3 года по построению социализма, по ликвидации эксплуататорских классов. Вопросы труда являются составной органической частью пятилетки. Проблемы труда — это не только вопросы подготовки, распределения и перераспределения, не только технико-организационная проблема, пятилетка труда — это социальная проблема, это также и программа классовой борьбы. Только подходя к вопросам труда как к социальной проблеме, мы сумеем их полностью решить в полном соответствии с генеральной линией партии.

## ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ФИНАНСОВОГО ВРЕДИТЕЛЬСТВА

(Теория денег и кредита профессора З. С. Каценеленбаума)

В противовес ряду общих экономических теорий, не имеющих теории денег, мы встречаем в буржуазной экономической литературе ряд теорий денег, не имеющих никакой видимой связи<sup>1</sup> с общей экономической теорией и разгуливающих напоподобие передней части лошади в известном рассказе барона Мюнхгаузена.

У экономистов этого рода экономическая теория, начавшая свое развитие с теории денег, бесславно возвращается к своему исходному пункту. К этой разновидности теоретиков принадлежит и Каценеленбаум.

Каценеленбауманские писания по теории денег сосредоточены главным образом в его «Очерках по теории и практике денежного обращения» и в первой части его «Учения о деньгах и кредите». По вопросу о сущности денег Каценеленбаум ограничивается фиксацией ходячих обывательских представлений. Он просто констатирует, что в общем обиходе под деньгами понимают: а) богатство вообще, б) ссудный капитал, в) денежные знаки.

Первое понимание денег он просто отбрасывает, не дав себе труда задумываться над значением стоимостного выражения богатства в товарном обществе. Последние два способа понимания он также просто принимает к дальнейшему руководству, не стараясь ни углубить их, ни установить между ними живую ясную связь.

Мало внимания Каценеленбаум уделяет и вопросу об источниках ценности денег. Давая в первой части своего «Учения» краткий обзор существующих по этому вопросу теорий, он просто в порядке голосования присоединяется к функционалистам. Центральный пункт теории денег лежит для Каценеленбаума в вопросах количества.

Перечислив технические требования, «которые предъявляются к деньгам как к орудию обмена» (портативность, прочность, однородность, делимость) он прибавляет: «Наряду с этими техническими требованиями существует требование чисто экономическое, имеющее громадное значение для правильного выполнения деньгами их работы. Мы имеем в виду установление этого количества денежных знаков, которое необходимо для оборота»<sup>2</sup>.

В первой статье «Очерков по теории и практике денежного обращения», составляющий по его указанию основную часть его диссертации, Каценеленбаум пытается дать собственный вариант количественной теории денег. Основные пункты каценеленбауманского варианта количественной теории примерно таковы:

1. Полная унификация всей денежной массы, полное отрицание деления денежной массы на деньги, обращающиеся и необращающиеся. Категории сокровища для Каценеленбаума совершенно не существуют.

<sup>1</sup> Из этого конечно не следует, что такая связь отсутствует.

<sup>2</sup> „Учение о деньгах и кредите“, М. 1926, ч. 1, с. 21.

Тут Каценеленбаум старается перещегоолять всех даже наиболее наивных количественников до Монтестье включительно.

2. Вся масса денег, существующая в стране, складывается исключительно из кассовых остатков.

3. Кассовые остатки как предпринимательские, так и потребительские, должны находиться в известном соответствии с общим распределением капитала предприятия или имущества потребительского хозяйства. Механизм влияния количества денег на цены товаров лежит именно в этой пропорциональности. Когда кассовые остатки возрастают выше нормы, растут и товарные цены.

4. Каценеленбаум отрицает всякое значение за фактором скорости обращения.

Он совершенно резонно говорит:

«...Ограничение количества денег, влияющих на цены, деньгами циркулирующими и введение фактора быстроты обращения приводят к такой формулировке количественной теории, которая отличается абсолютной пустотой и не имеет никаких элементов каузальности. Если противопоставление всей массы денег и всей массы товаров у Монтестье и Рикардо и не давало достаточного объяснения сущности причинной связи между количеством денег и товарными ценами, то все же их формулировка отличалась содержательностью. Формулировка же Милля и Фишера, вводящих свои ограничения, оказывается при внимательном рассмотрении пустой тавтологией... Высота товарных цен, говорят они, определяется количеством фактически участвовавших в товарообмене денег и средним количеством оборотов, которые сделал каждый денежный знак. Это разумеется верно. Но что заключается в этом утверждении кроме пустой тавтологии? Какие здесь элементы причинности?..»<sup>3</sup>.

Но вместо того, чтобы сделать из этого правильного рассуждения тот вывод, что количественная теория денег ложна в корне и что вообще нельзя без трудовой теории стоимости что-либо понять в деньгах, Каценеленбаум идет в обратном направлении и приносит своим кассовым остаткам в жертву самую категорию скорости обращения.

5. Каценеленбаум отрицает пропорциональность влияния количества денег на цены. Все дело в психологическом факторе, в оценке. Чтобы изменение высоты «кассовых остатков» могло повлечь за собою изменение цен, должна быть преодолена известная психологическая инерция. Должна произойти переоценка ценностей.

Не будем долго останавливаться на канценеленбаумском толковании функции денег. Без понимания основного противоречия товарного общества и товара, без понимания движения противоречий в денежной форме стоимости учение о функциях денег превращается у буржуазных экономистов в сводку пресных тавтологий и общих мест, имеющих целью литературное и наукообразное изложение обывательских представлений. Каценеленбаум заимствует у Кнуса четыре функции: 1) мерилла ценностей (каких?), 2) орудия обращения (без понимания специфичности обращения и его качественного отличия от простого обмена), 3) законного платежного средства<sup>4</sup> и 4) орудия сбереже-

<sup>3</sup> Проф. З. С. Каценеленбаум, Очерки по теории и практике денежного обращения, с. 27.

<sup>4</sup> Казалось бы, что теоретик кредита должен был бы уделить некоторое внимание функции денег как платежного средства и постараться понять экономическое значение этой функции. Ничуть не бывало. В то время когда его учитель Кнус различает деньги как платежное средство и деньги как законное платежное средство Каценеленбаум не идет дальше чисто юридического понимания этой функции.

ния. А затем он тут же упраздняет последнюю функцию за ненужностью на том основании, что нынче дураков нет и свободные денежки помещаются в ценные бумаги или образуют вклады. Проблемы общественного сокровища, рост которого поглощает столько сил в капиталистическом обществе и которое в наше время является важнейшим предметом и орудием взаимной борьбы империалистических государств, этой проблемы для Каценеленбаума не существует. Не существует и проблемы формы сокровища, принимаемой определенными частями капитала в определенные промежутки времени.

По существу все функции денег поглощаются у Каценеленбаума одной функцией, а именно вексельной функцией кассового остатка.

Каценеленбаумская теория денег вряд ли нуждается в серьезной критике. Все, что было написано для разоблачения ничтожности количественной теории денег, имеет прямое отношение к теории Каценеленбаума. Но этого мало. В своем понимании экономических явлений Каценеленбаум не идет дальше самых вульгарных вариантов натурально-психологической школы. Количественная теория, какой он ее находит у своих предшественников, для него слишком объективна, а потому и слишком сложна. Вместо традиционного количественного сопоставления количества денег и количества товаров он просто сопоставляет величину кассового остатка и психику его владельца.

Прежде всего об элиминировании фактора скорости обращения. Для количественников скорость обращения есть фактор ценообразования. В действительности же конечно изменения в скорости обращения изменяют не цены в их золотом выражении, а количество денег, нужных в обращении. Каценеленбаум воображает или старается внушить своим читателям, что он элиминирует действие скорости обращения, поскольку он оперирует только кассовыми остатками. Но это абсолютно неверно. Каценеленбаум оперирует соотношением двух величин. Первая из этих величин — существующая сумма кассовых остатков (по Каценеленбауму она просто совпадает с общей суммой денег в обращении); вторая величина его — та сумма кассовых остатков, которая действительно нужна. Иначе говоря, речь просто идет о соотношении количества денег, нужных для обращения и действительно находящихся в обращении. Но разве можно говорить о количестве денег, нужных для обращения, не учитывая скорости обращения? Самое понятие «величина нужного кассового остатка» уже включает в себя момент скорости обращения. Каценеленбаум фактически не элиминирует скорости обращения, а только затемняет ее тем, что относит к кассовым остаткам и деньги, нужные для обращения, и деньги тезаврированные<sup>6</sup>.

Попытка Каценеленбаума превратить размеры кассовых остатков в основную пружину ценообразования и всего комплекса экономических процессов, связанных с ценообразованием, поистине жалка. Банковые вклады, закладные листы, страховые полисы, вклады сберегательных касс, кубышки, чулки, — все это с полной неопровержимостью доказывает, что наличные деньги не обязательно должны быть израсходова-

<sup>6</sup> Некоторые авторы отрицают всякое „самостоятельное“ значение скорости обращения. По их мнению она является пассивным следствием соотношения общего оборота наличных денег и количества обращающихся денег. Эти авторы не понимают того, что скорость обращения денег определяется еще сроками зарплаты и всяких других платежей, удельным весом потребительского оборота в общем обороте состоянием транспорта и связи и рядом других экономических факторов.

ны. В капиталистических условиях «кассовые излишки», как правило, превращаются в «кассовые остатки» кредитных учреждений в самом широком смысле этого слова.

Тут конечно было бы невредно остановиться на минутку и поинтересоваться вопросом о том, как происходит регулирование цен там, где еще нет кредитных учреждений, ну хотя бы в простом товарном обществе. Но не даром буржуазная экономическая теория отрещивается от простого товарного общества, как от простой абстракции, никогда не существовавшей в действительности. Игнорирование товарного общества развязывает руки для всяких теоретических манипуляций, цель которых — замаскировать капиталистическую эксплуатацию.

Не будем задерживаться на этом и пойдем дальше. Кассовые излишки превратились в кассовые остатки кредитных учреждений. А дальше что? Уровень цен только в том случае можно было бы рассматривать как функцию кассовых остатков кредитных учреждений, если бы: 1) размеры кредита как банковского, так и коммерческого находились бы в прямой зависимости от величины кассовых остатков кредитных учреждений; 2) если бы всякое возрастание кредита влекло за собой рост цен.

На самом деле нет ни того, ни другого.

Не только размеры коммерческого кредита, но и размеры банковского кредита не зависят от величины кассовых остатков банков, ибо никто, даже сам Каценеленбаум, еще не додумался до того, чтобы отождествлять величину банковской наличности с размерами свободного ссудного капитала. Сам Каценеленбаум пишет: «Рост кассовой наличности того или иного банка не идентичен с ростом ссудных капиталов»<sup>6</sup>.

С одной стороны, банк необязательно должен употребить возросшие кассовые остатки для добавочного кредитования. Если нет «здорового» с точки зрения банка спроса на кредит, банк употребляет возросшие кассовые остатки для погашения своей задолженности эмиссионному банку или для увеличения своего депозита в эмиссионном банке. Низкий процент периода депрессии например вовсе не означает, что банк со своей стороны готов к кредитной экспансии. Наоборот он означает крайнее сужение того круга предприятий, которые банк может кредитовать.

Стало быть для того чтобы проследить, что стало с нашими кассовыми остатками, мы должны из банка отправиться в эмиссионный банк. Исправно работающий желудок не смущается пищевой мешаниной, прекрасно разбираясь, что куда. Если эмиссионный банк находится в исправности, он разберется в тех кассовых остатках, где у Каценеленбаума в кучу навалены полноценные, кредитные и бумажные деньги. Если только нет здорового с точки зрения эмиссионного банка спроса на кредит, он употребит золото для увеличения своего золотого запаса и банкноты для уменьшения своего банкнотного обращения. Ни абсолютно лишнего золота, ни абсолютно лишних банкнот у эмиссионного банка не бывает. В положении непереваримого элемента могут оказаться только бумажные деньги, если они эмитированы в слишком большом количестве. Но и чрезмерный выпуск бумажных денег не может сам по себе изменить действительных золотых цен, регулируемых стоимостью через цену производства. При

<sup>6</sup> „Учение“, ч. 2, с. 271.

чрезмерном выпуске бумажных денег падает только «цена» бумажек. Для замещения одной золотой денежной единицы требуется все больше и больше бумажных единиц.

С другой стороны, наряду с наличными вкладами источником нормального расширения банковского кредита служат и безналичные вклады, не говоря уже о банкнотной и жиральной эмиссии в пределах емкости обращения. И тут-то и лежит причина того, почему Каценеленбаум вслед за Фишером причисляет к наличным деньгам вклады<sup>7</sup>. Чтобы спасти мнимое влияние кассовых остатков, он принужден причислить к ним все то, что может служить основой кредитования. Но и это не спасает Каценеленбаума. Он, во-первых, решает причислить к деньгам только чековые вклады. Между тем основой для расширения кредита могут служить всякие вклады<sup>8</sup>. Если бы он пожелал быть последовательным, он должен был бы поставить полный знак тождества между деньгами и ссудным капиталом (отчасти, как мы видели, он это делает); так как у него, как мы увидим ниже, и товарный кредит есть кредитование ссудным капиталом, то получилось бы полное тождество между деньгами и товарами. Деньги исчезли бы, но это потому, что в теории Каценеленбаума их не было и раньше.

Бросая в одну кучу деньги полноценные, кредитные и бумажные, деньги обращающиеся и тезаврированные, деньги обращающиеся быстро и обращающиеся медленно, — Каценеленбаум создает вместо теории денег невообразимую кашу, базируясь на которой, он предпринимает критику теории денег Маркса. Дать открытый бой Марксу в той области, в которой в наше время не проведешь и рабфаковца, а именно по вопросу об источнике ценности металлических денег, Каценеленбаум не решает. Он подготавливает свою атаку на теорию Маркса путем самого пошлого ее искажения. Он относит Маркса к «металлистам» и ставит его рядом с Менгером, с таким же успехом он на основании теории товарного фетишизма мог бы причислить Маркса к сторонникам теории религиозного происхождения денег. Дойдя до функционалистов, он делает второй шаг по оплошлению теории Маркса, заявляя на основе известного места в «К критике»: «Бумажные деньги имеют ценность, потому что обращаются», что Маркс в теории бумажных денег стоит на платформе функционалистов.

В открытое наступление на теорию Маркса Каценеленбаум переходит по вопросу о связи бумажных денег с золотом.

«Рассуждения Маркса не могут объяснить феномена бумажных денег в периоды очень резкого их обесценивания... Если принять во внимание, что население, оперировавшее бумажными деньгами в России, уже в 1917—1918 гг. почти забыло, как выглядели золотые монеты, то едва ли можно будет считать эти монеты базисом, на котором построено было обращение бумажных денег в это время»<sup>9</sup>.

Вряд ли стоит заняться серьезным опровержением каценеленбаумской критики Маркса. В частности по вопросу о бумажных деньгах Каценеленбаум клеветает на обывателя, будто тот забыл, как выглядит золотая монета. Во всяком случае тот обыватель, который так до-

<sup>7</sup> С оговоркой об их двойственной природе. По Каценеленбауму чековые вклады в одно и то же время и наличные деньги, и приносящий процент капитал.

<sup>8</sup> Конечно, не исключена возможность необоснованной кредитной экспансии. В таких случаях создается чрезмерная жиральная эмиссия, результаты которой аналогичны результатам чрезмерной эмиссии бумажных денег.

<sup>9</sup> „Учение“, ч. 1. с. 229.

рог сердцу Каценеленбаума, а именно то капиталистическое охвостье, которое мечтает «об уходе большевиков» и реставрации капитализма, все время деятельно занимается скупкой золотой монеты. Каценеленбаум в своей критике Маркса попадает пальцем в небо. Именно во время инфляции связь бумажных денег с золотом выступает особенно выпукло. Именно тогда становится ясным, что дело не в тех цифрах, которые напечатаны на бумажных деньгах, а в скрывающихся за ними золотых цифрах.

Если мы оставим в стороне советские условия, где вопрос о природе денег никогда, в том числе во время быстрого роста цен, предшествовавшего денежной реформе, нельзя было ставить покаценеленбаумски с точки зрения капиталистического хозяйства: если мы возьмем быстро падающую бумажную валюту в капиталистических условиях, хотя бы в Германии между 1918 и 1923 г., то мы увидим, что ориентация на золото через доллар лежала в основе всего денежного обращения. Но дело далеко не в том, что непосредственно осознается покупателями и продавцами. При чисто бумажном обращении важна организация товарного мира, которая может быть создана только денежным товаром. Возражая Юму, Маркс говорит: «Товарный мир состоит из бесконечно различных потребительных ценностей, относительная ценность которых насколько не определяется их относительным количеством. Каким же образом Юм представляет себе этот обмен между массой товаров и массой золота? Он удовлетворяется бессмысленно наивным представлением, будто каждый товар, как для общей массы товаров, обменивается на соответствующую долю общей массы золота. Следовательно поступательное движение товаров, происходящее из заключающегося в них противоречия между меновой ценностью и потребительной, движение, выступающее в денежном обращении и кристаллизующееся в различных определенных формах этого последнего, уничтожается, и на его место появляется воображаемое механическое равенство между весовым количеством находящихся в какой-либо стране благородных металлов и массой одновременно существующих товаров»<sup>10</sup>.

Необходимость определенных соотношений внутри товарной кучи не исчезнет и при чисто бумажном обращении. Отражать эти соотношения бумажные деньги непосредственно не могут. Они могут это делать только как представители денежного товара. Непонимание этого лежит в основе известной ошибки Гильфердинга, который берет по этому пункту поправлять Маркса. Непонимание этого лежит и в основе каценеленбаумского лихого наезда на теорию Маркса. Связь с денежным товаром первоначально наследуется бумажным обращением от металлического. Потом оно беспрепятственно поддерживается и корректируется мировыми золотыми ценами. Дело не меняется и в том случае, если мы имеем дело с бумажным обращением без прошлого, как это было в государствах, созданных Версальским договором. Новая денежная единица сразу устанавливает связь с золотом.

Пойдем дальше и представим себе совершенно изолированное и в пространстве и во времени государство, имеющее развитой товаро-

<sup>10</sup> „К критике политической экономики“, изд. 1922 г., с. 133, 134. Пикантнее всего то, что сам Каценеленбаум ссылается на это место из „К критике“.

обмен и ни намека на какой-либо денежный товар. Ясно, что это совершенная бессмыслица, и что широкое развитие товарных отношений без денежного товара столь же невозможно, как чудо беспорочного зачатия. Но допустим на минуту эту бессмыслицу. Допустим далее, что государство решило обзавестись бумажным обращением. Казалось бы, что тут-то бумажные деньги не будут иметь никакой связи с денежным товаром. На самом деле это не так. Государство выпускает деньги путем изъятия товаров. Для этого оно должно будет разобраться в меновых отношениях, существующих между товарами. Оно например должно будет платить за кило белого хлеба в два раза больше, чем за такое же количество черного хлеба. За кило золота в пятнадцать тысяч раз больше, чем за кило черного хлеба, и так далее. Словом для того, чтобы создать систему цен, государство принуждено будет продать сознательно то, что на самом деле продельвается товарной стихией, то есть государство принуждено будет ценность всевозможных товаров выразить в одном каком-либо товаре. Будет ли это черный хлеб или золото, дело от этого не меняется. Таким образом даже здесь, после ряда невозможных допущений, бумажные деньги могут выступать только как представители какого-либо денежного товара.

Перейдем к каценелебаумской теории кредита.

Если в изложении своей «теории» денег Каценеленбаум чувствовал некоторую законную неловкость, если там он наскоро «отхватывал» свои теоретические коленца, спеша всякий раз поскорее перейти на более надежную почву чисто описательной компиляции, то в вопросах теории кредита он сразу берет совершенно другой тон. Тут он уже ничего не хочет принять на веру от своих буржуазных авторитетов. Тут он сам должен все взвесить и анализировать.

Начинает он по всем правилам канона с определения кредита.

Искать определения того или иного понятия можно либо для того, чтобы выявить специфичность того процесса, который в той или иной мере охватывается этим понятием, либо же для того, чтобы эту специфичность затушевать. В первом случае, вследствие противоречивости и многогранности всякого процесса, в результате получается марксовская «множественность определений». Во втором случае, задача достигается единым и всеобъемлющим определением. Разумеется, Каценеленбаум, верный славным традициям вульгарной политической экономии, идет по второму пути. На кредит с его разнообразным классовым содержанием, с его огромной социальной динамичностью, с его многосторонним охватом межклассовых, внутриклассовых и международных отношений, со всеми противоречиями капитализма, которые находят в нем свое движение и которое он в свою очередь порождает, на кредит Каценеленбаум набрасывает покрывало мертвого, ничего не говорящего определения. Используя те места из XXI главы III тома «Капитала», где Маркс анализирует движение капитала, приносящего проценты, Каценеленбаум навязывает Марксу определение кредита как круговращения капитала в чужом предприятии. Заменяв затем круговращение «участием», Каценеленбаум получает нужное ему определение. Кредит—это участие капитала в чужом предприятии.

В одном белорусском городке молодежь некогда заставила лавочников праздновать день 1 мая, навесив на двери лавок окрашенную в черный цвет брюкву с надписью «бомбы». Буржуазная экономическая «наука» поступает наоборот. Она изображает полные взрывчатой силы экономические категории в виде невинной брюквы.



Указанному выше определению Каценеленбаум остается верен в своих «исследовательских» работах. В «Учении», где Каценеленбаум местами не чужд заботы о некоторой защитной окраске, он пробует делать некоторые «диалектические» потуги.

На с. 19 второй части он заявляет, что «причина кредита» коренится «в том противоречии, которое существует в современном обществе между гражданско-правовыми нормами (разрядка моя — Ф. М.), с одной стороны, и требованиями производства благ, с другой». Разумеется каценеленбаумская диалектика идет не дальше диалектики Кожожинского. В кредите противоречие находит свое исчерпывающее разрешение.

Если кредит — это обращение или участие капитала в чужом предприятии, то что такое капитал вообще? Прямых высказываний по этому вопросу мы у Каценеленбаума не находим. Но по целому ряду косвенных высказываний видно, что капитал для Каценеленбаума — это все вещи, которые могут служить источником дохода. К капиталу он относит и землю. Чтобы в этом не было сомнения, привожу следующее место из статьи Каценеленбаума в сборнике «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности»:

«В промышленность может переноситься капитал сельскохозяйственный, лесной и так далее. Для того, чтобы в этом убедиться, стоит вспомнить, как росла наша промышленность до революции. При разворачивании и расширении нашей промышленности она должна была увеличить свои основные капиталы не только путем привоза машин из-за границы, но и путем приобретения земельных и лесных участков и целого ряда других подобного рода элементов капитала (разрядка моя — Ф. М.) Увеличение основных капиталов в промышленности в данном случае происходило таким образом не в результате национального накопления, не в результате увеличения национального дохода, а в результате переноса в промышленность некоторых элементов капитала из других отраслей народного хозяйства».

Разумеется, что к капиталу он относит и денежные знаки. На с. 35 второй части «Учения» мы читаем:

«Способность капитала приносить доход есть свойство не только капитала в виде денежных знаков...»

Он бросает в одну кучу под названием капитала все «вещи», приносящие доход. Как мы увидим дальше на примере отрицания разницы между банковым и коммерческим кредитом, между денежным капитальным кредитом и так далее, Каценеленбаум считает этот метод «унификации» во что бы то ни стало, метод отрицания различия между явлениями, имеющими какое-либо сходство, верхом научной утонченности и глубины. Было бы большой честью для каценеленбаумской унификации, если бы мы сказали, что она грешит против диалектического единства сходства и различия. Она грешит просто против формальной логики. Зато, если этот метод совершенно не годится там, где нужно что-нибудь вскрыть, он незаменим для целей дешевой апологетики.

Под определение кредита как участия капитала в чужом предприятии, Каценеленбаум подводит и потребительский кредит на том основании, что всякий потребительский кредит, за исключением военных кредитов государства, имеет производительный характер. Таким образом мы узнаем, во-первых, что непроизводительных

классов не существует. Во-вторых, что не существует мотовства и излишеств ни в чем потреблении. Потребляет человек, стало быть нужно ему, а раз нужно ему, то и полезно для общества, членом которого он состоит. Московские купцы, занимавшиеся битьем зеркал по ресторанам в веселые минуты жизни, сами не подзревали, каким производительным делом они занимались. В-третьих, мы узнаем, что и рабочий является предпринимателем, и если ему оказывается потребительский кредит, то это значит, что в его предприятие передается чужой капитал.

Апогея путаницы теория кредита Каценеленбаума достигает в теории ссудного капитала. Каценеленбаум исходит из того, что не в деньгах счастье и стало быть, ежели человек хочет где-нибудь призанять денег, то только для того, чтобы что-либо себе приобрести. В силу этого он, подобно Норману<sup>11</sup>, всякий спрос на ссудный капитал сводит к спросу на те или иные предметы вещного капитала, исключая специально на сей раз из этого понятия деньги. Если кредит нужен для целей платежа, то это по Каценеленбауму ровным счетом ничего не значит. Все дело только в том, что, как в известном анекдоте, «потом было раньше», превращение денег в товар произошло раньше срока платежа.

О колоссальном спросе, существующем в обыкновенное время на биржевые кредиты, Каценеленбаум в этой связи скромно умалчивает. Огромный рост требований на платежные кредиты во время кризисов, когда все ищут денег, но никто не хочет товара, тоже мало беспокоит Каценеленбаума. Самое важное для него — затушевать путем грубой натурализации столь трудную проблему ссудного капитала, в которой без помощи метода Маркса нельзя разобраться.

Если всякий спрос на ссудный капитал есть спрос на товары, нет никакой надобности различать коммерческий кредит от банкового. И Каценеленбаум одним взмахом пера это различие упраздняет, смело оторвав таким образом проблему кредита от проблемы воспроизводства. Но как быть с различием между кредитованием функционирующим капиталом и кредитованием праздным капиталом? Ведь это различие прямо просается в глаза. Как Раскольников принужден был вместе со старухой прикончить и Елизавету, так Каценеленбаум вместе с коммерческим кредитом принужден прикончить понятие праздного капитала, понятие высвобождения капитала. Праздных капиталов по Каценеленбауму не бывает. Могут быть большие или меньшие кассовые остатки, но капитал, вещный капитал, до тех пор, пока он не переходит в предприятие должника, до последней секунды работает в предприятии кредитора.

«Никакого запаса праздноележащих ссудных капиталов, несвязанных ни с какой отраслью промышленности ни в периоды застоя, ни в периоды промышленного расцвета, не бывает. Каждая частица того реального капитала, который выступает в качестве ссудного капитала, работает в предприятии кредитора до того момента, пока она вступает в предприятие заемщика, никакого перерыва в ее работе, вследствие перехода капитала из рук в руки, наступать не должно»<sup>12</sup>. Как подобная концепция ссудного капитала вмещает капиталы рантье? Это остается секретом профессора Каценеленбаума. Решив пожертвовать коммерческим кредитом ради универсальности банкового кредита,

<sup>11</sup> К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, изд. 1922 г., с. 403.

<sup>12</sup> „Учение“, ч. 2, с. 42.

Каценеленбаум по существу приносит банковый кредит в жертву коммерческому.

В «Учении» за главой «Сущность кредита и его задачи» прямо следует глава «Приток капиталов на денежный рынок». Сказанное в главе первой ничем не связывает автора в главе второй, в которой первое место в отношении питания рынка капиталами он отводит рантье. В чем он остается себе верен, это в отношении «унификации» банкового и коммерческого кредита. Среди насчитываемых Каценеленбаумом десяти источников ссудного капитала коммерческому кредиту отводится восьмое место.

После всех операций, которые Каценеленбаум проделывает над ссудным капиталом, он оказывается перед пустым местом. От ссудного капитала ровным счетом ничего не остается. И Каценеленбаум задает себе совершенно законный вопрос: что же тогда понимать под обилием или недостатком ссудных капиталов? При минимальной последовательности он должен был на этот вопрос ответить: обилие или недостаток товаров. На это он разумеется не решается. Он находит другой выход. Ссудный капитал, видите ли, это склонность передать свой капитал в чужое предприятие. Обилие ссудного капитала — это обилие такой склонности. Недостаток ссудного капитала — это недостаток склонности.

Если пойти дальше в этом направлении, то товар окажется склонностью к обмену, рабочая сила — склонностью к работе и так далее.

Стремление во что бы то ни стало натурализовать экономические категории мстит за себя. Натурализация и психологизация идут в буржуазной экономической науке всегда рядом. Грубая натурализация капитала приводит Каценеленбаума к необходимости чисто психологической трактовки ссудного капитала. Но это разумеется не выводит Каценеленбаума из тупика, в который он попадает. За обилием склонности должно стоять обилие чего-то другого, более объективного, по поводу которого теория Каценеленбаума бессильна что-либо сказать<sup>13</sup>.

Ни звука нет у Каценеленбаума по вопросу о связи кредита и акционирования. Финансового капитала, империализма, для Каценеленбаума просто не существует. Каценеленбаум, обнаруживающий неисчерпаемую словоохотливость там, где дело касается той или иной банковской операции, становится страшно скуп на слова, когда у него дело доходит до так называемых «иррегулярных операций», термина, за которым скрывается вся квинт-эссенция хищнической работы современных банков. Вопрос об «иррегулярных операциях» ставится Каценеленбаумом в нормативной плоскости: следует ли мол или не следует коммерческому банку заниматься иррегулярными операциями? Ответ дается в виде ссылки на существующую практику утвердительный<sup>14</sup>. Как тихо и просто складываются у Каценеленбаума взаимоотношения между банками и промышленностью. На с. 133 второй части «Учения» мы читаем:

«Соискатели ссудных капиталов могли убедиться в том, что наибольшим успехом пользуются те, кто ближе стоит к денежному рынку, кто теснее связан с его аппаратом и находящимися в центре

<sup>13</sup> Теория склонности — это в сущности перелицовка давно устаревшей и в буржуазной науке теории доверия. Какие насмешки вызвал бы физиолог, который в основу объяснения процесса кормления материнским молоком положил бы доверие матери к тому, что детеныш не откусит соска, или склонность матери к кормлению.

<sup>14</sup> «Учение», ч. 2, с. 223.

его банками. Отсюда стремление претендентов на ссудные капиталы связаться с теми или другими банками, иметь своих агентов в центре денежного рынка и так далее в том же духе.

Говоря об эмиссионных банках, Каценеленбаум указывает, что их роль в современном хозяйстве падает<sup>15</sup>. Вот тут-то вы ждете, что профессор наконец хотя бы обмолвится о значении концентрации в банковском деле. Ничуть не бывало. Падение роли эмиссионных банков Каценеленбаум объясняет чисто технически, а именно тем, что банкнота вытесняется чеком. Мало того. Он нарочно приводит в сноске указание Sven Helander на влияние концентрации, чтобы это указание оспорить и отвергнуть.

Наряду с убогой теоретической кропотней у Каценеленбаума идет в описательной части прямая фальсификация капиталистической действительности. Те банки, которые описывает Каценеленбаум, если не по форме, то по внутреннему содержанию, — это банки времен пилевского акта.

Думается, что в дальнейшем раскапывании сокровищ каценеленбаумской теории денег и кредита, поскольку речь идет о капиталистическом хозяйстве, нет особой надобности. Буржуазная экономическая мысль в своем стремлении увековечить капиталистический строй пользовалась долгое время двумя основными приемами. Это были: а) грубый натурализм и б) полное игнорирование классовой структуры общества. В эпоху империализма оба приема безнадежно устарели. Новая историческая школа, социальная школа, теории некоторых одиночек (Шумпетер, Лифман) — все это попытки выковать для борьбы с пролетариатом более тонкое, более современное оружие. Социал-демократическое крыло буржуазной науки исполняет социальный заказ своего класса путем фальсифицирования марксизма. Но если наши иудушки — вредители меньшевистского лагеря — в отношении теоретических приемов ничем не отличаются от своих зарубежных товарищей по социал-предательству, то наши «ученые» Собакевичи типа Каценеленбаума и Чайнова пользуются для своих вредительских целей допотопным теоретическим инструментарием. И это не случайно. Главным орудием их реставрационной политики является капиталистический примитив, кулак. И в угоду ему, его ближайшим интересам, буржуазная теория берется самого примитивного калибра. Ценность товара — это его цена; то есть те деньги, которые можно за него получить на рынке<sup>16</sup>. Деньги — это все и всякие средства обращения. Капитал — всякая вещь, которая приносит доход. Кредит — это движение вещей. Вещи всегда будут, следовательно всегда будут и все категории капитализма.

И эта чисто кулацкая наука сдобривается для некоторого отвода глаз цитатами из Маркса и снисходительными комплиментами по его адресу.

Что касается советских денег и советского кредита, то в особой концепции таковых Каценеленбаум просто не видит надобности. Для него советское хозяйство подчиняется тем же закономерностям, что и капиталистическое. Мешает только плановая, социалистическая форма, навязанная рабочим классом, который взял в свои руки власть. Посмотрим, какого достоинства были его советы по линии

<sup>15</sup> „Учение“, ч. 2, с. 262.

<sup>16</sup> См. „Учение“, ч. 1, с. 43.

советского кредита, которые он облакал в форму научных статей и опубликовывал в печати.

Высказывания Каценеленбаума касаются преимущественно двух вопросов: 1) о роли кредита и бюджета в капитальном строительстве, 2) об организационных формах нашего кредита, в частности о роли Госбанка.

В писаниях Каценеленбаума по вопросу о сравнительной роли кредита и бюджета<sup>17</sup> уже нет и следа той любви к «унификации», которая так характерна для Каценеленбаума. Тут ему уже не до его любимого приема. Между бюджетными и кредитными изъятиями он видит только глубочайшее различие. Никаких черт сходства он не видит и не хочет видеть. Бюджетные изъятия, во-первых, быют никого иного как кулачество и нэпманство, который так близки сердцу Каценеленбаума. Во-вторых, этак-то в самом деле долго ли до греха? Если брать все, что возможно, и бюджетом, и кредитом, они этак в самом деле могут взять да построить социализм. На это Каценеленбаум совершенно не согласен. И Каценеленбаум объявляет против бюджета как источника средств для индустриализации форменный крестовый поход.

Начинает он с того, что индустриализация нашей страны — задача далеко не новая. Читатель вероятно ждет ссылок на Ленина, на Гоэлро... Ничуть не бывало. Что ему Ленин и что он Ленину! Он указывает, что эта задача ставится уже два с половиной века. Стало быть речь идет об Алексее Михайловиче. Напечатано однакож это было не в юбилейном издании по случаю 300-летия дома Романовых, а в журнале «Социалистическое хозяйство» в 1927 г.

После такой наглой и глубоко невежественной выходки, после того, как он ставит знак равенства между тенденциями пролетарской революции и торгового капитализма, Каценеленбаум переходит к вопросу о том, почему трудящиеся нашей страны так «заинтересованы в индустриализации». Ларчик открывается очень просто. «Городской пролетариат заинтересован раньше всего в том, чтобы не было безработицы». Что касается крестьянства, то и тут причина та же самая. Индустриализация создает «возможности для отлива рабочей силы из деревни»<sup>18</sup>. Других побуждений у трудящихся СССР в пользу индустриализации Каценеленбаум назвать не умеет. По теории Каценеленбаума основная причина «заинтересованности» трудящихся масс в индустриализации должна быть исчерпана вместе с ликвидацией безработицы.

Дальше аналогий с дореволюционным хозяйством он итти не умеет. И вот он не останавливается перед заведомым источником подлогом, задается целью доказать, что и до войны промышленность в России развивалась исключительно за счет внутренних накоплений и внутреннего кредита. Что же касается иностранных капиталов, то фактически никаких реальных капиталов из-за границы в Россию не ввозилось, за исключением разве только самого раннего периода железнодорожного строительства. Все же иностранные кредиты, которые получались Россией, шли либо в порядке пролонгаций старой задолженности, либо на уплату процентов.

<sup>17</sup> «Индустриализация хозяйства и задача кредита в СССР», «Социалистическое хозяйство» № 2, 1927; ст. в сборнике «Проблемы долгосрочного кредитования промышленности» и др.

<sup>18</sup> «Социалистическое хозяйство» № 2, 1927, с. 5—6.

«Промышленность, — уверяет Каценеленбаум, — как и железные дороги, была построена в России при помощи чисто национального дохода, взятого в целом, который получался во всех слоях населения вместе взятых (разрядка моя — Ф. М.). Этим Каценеленбаум сразу убивает четырех зайцев. Он доказывает:

Во-первых, что Россия испокон века индустриализировалась, но делала это она в порядке «реальных темпов». Не в порядке пятилеток, а в порядке пятисотлеток. Если вы торопитесь, тем хуже для вас. Что касается профессора Каценеленбаума, то ему совершенно не к спеху.

Во-вторых, что индустриализацию можно проводить при помощи одной мобилизации в кредитном порядке доходов «всех слоев населения».

В-третьих, что ни о каком таком империализме и финансовом капитале серьезно говорить не приходится. Капитализм в России развивался в чисто национальном порядке. Иностранным капиталистам Россия должна и платила проценты только ввиду того, что профессор Каценеленбаум родился слишком поздно. Родись он во-время, этого печального недоразумения не было бы.

Наконец, в-четвертых, Каценеленбаум своим историческим открытием воскрешает легенду о «бережливой Агнессе», которую экспроприирует социалистическая национализация промышленности. Раз промышленность кредитовали все слои населения, то все слои населения и были экспроприированы национализацией промышленности. Кем же они были экспроприированы? Унтер-офицерская вдова сама себя высекла.

Свое открытие Каценеленбаум обосновывает подсчетом сальдо торгового баланса России, который оставался активным в течение 43 лет, с 1871 по 1913. Сумма сальдо достигает 6 миллиардов<sup>19</sup>. Следовательно Россия в порядке кредита не получала ничего реального.

Что ввоз иностранного капитала в отсталую капиталистическую страну ведет не к обогащению страны, а только к увеличению эксплуатации трудящихся этой страны, что обыкновенно после первых займов кредитование уже производится за счет прибавочной стоимости, выжатой в стране, получающей кредит, все это в достаточной мере вскрыто Лениным. Но из этого отнюдь не следует, что в отсталых странах развитие промышленности происходит за счет только мобилизации доходов «всех слоев населения» в кредитном порядке. Для развития промышленности отсталых стран мобилизуются в порядке как прямого кредита, так и акционирования, доходы, полученные в отсталых же странах иностранными капиталистами, представителями империалистических держав. Прибавочную стоимость, выжатую из рабочего, Каценеленбаум смешивает с его доходом.

Нечего и говорить, что Каценеленбаум ни словом не обмолвился о специфическом характере той «индустриализации», которая происходила в царское время, о том, что вся ее целевая установка состояла в приспособлении России к роли полуколонии и к поставке пушечного мяса для иностранных хозяев.

Каценеленбаум советует нам попрыгать на одной ноге и финансировать социалистическое строительство исключительно кредитным

<sup>19</sup> Каценеленбаум тут не учитывает: а) оплаты иностранного фрахта, б) расходов русского дворянства и буржуазии за границей, в) ввоза военного снаряжения, которое на таможе не отмечалось, г) контрабандного сальдо за 43 года, е) ошибок учета.

путем. Как же ему представляется кредитная мобилизация ресурсов, которая действительно играет такую большую роль в финансировании пятилетки? Может быть он говорит об общественных кампаниях, о коллективной подписке, об общественных мерах против сброски займов? Нет, все это как действительно целесообразное и соответствующее характеру нашего хозяйства Каценеленбаум не устраивает. Он советует нам мобилизовать ресурсы исключительно путем платежа ростовщических процентов.

«Нехорошо быть может платить даже и 17%, но дело в том, что мы, понижая процент по займам до 12—14, в то же время очень мало привлекаем этим путем средства и покрываем бюджет при помощи акцизов. Но что выгоднее для народного хозяйства: платить ли высокие проценты или получить эти деньги беспроцентно при помощи акцизов, уничтожая этим самым стимул к работе?»<sup>20</sup>

О чем стимуле речь идет, совершенно ясно. Речь идет о стимуле для кулака.

Каценеленбаум не только против бюджета, но и против внутрипромышленного накопления. «Между бюджетом и внутрипромышленным накоплением по существу большой разницы нет» (там же). Действительно, ведь и то и другое представляют собою прямой путь социалистического накопления. На что в самом деле нужны советскому хозяйству собственные ресурсы для социалистического строительства? Если средства понадобятся, можно процентовов из двадцати-тридцати годовых перехватить у нэпмана или кулака. Как для получения ветчины нет другого пути кроме откармливания свиней, так для социалистического накопления нет по Каценеленбауму другого средства, кроме обогащения кулака и превращения его в ростовщика социалистического строительства.

Что нам рекомендовал Каценеленбаум по линии организации кредитной системы?

Несмотря на то, что он был членом правления Госбанка, ведомственные интересы были ему чужды. Он прекрасно знал, что централизация банковского дела, создание единого учетно-контрольного органа является необходимейшей предпосылкой социалистического хозяйства. Этого довольно для того, чтобы Каценеленбаум был против концентрации. Его идеал — это Госбанк в роли банка банков<sup>21</sup>. Вообще Каценеленбаум был против всякого отступления Госбанка от практики капиталистических банков.

Каценеленбаумский подход лег в основу «финансовой программы» правого уклона. Та же боязнь бюджетных мероприятий, тот же план создания финансовой базы путем обогащения кулака.

Но каценеленбаумский подход к вопросам кредита и финансовой политики еще продолжает проявляться в неизжитых окончательно правых настроениях и правой практике некоторых финансовых работников. Каждый такой финансовый работник-оппортунист является проводником взглядов Каценеленбаума. Оппортунистическим настроениям и оппортунистической практике в области финансовой работы, как и в других областях, должна быть объявлена беспощадная война.

<sup>20</sup> „Социалистическое хозяйство“ № 2, 1927, с. 32.

<sup>21</sup> Ср. например. Учение о деньгах и кредите“, ч. 2, с. 555.

## РАЗМЕЩЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА И ТЕОРИЯ «ШТАНДОРТА»

„Основные понятия, самая суть современной политической экономики представляют собой научную мистификацию в интересах буржуазии“

(Р. Люксембург)

«Если капиталистический способ производства есть историческое средство для развития материальной производительной силы и для создания соответствующего мирового рынка, то он представляет вместе с тем постоянное противоречие между этой своей исторической задачей и соответствующими ей общественными производственными отношениями»<sup>1</sup>.

Эта краткая формула Маркса чрезвычайно выпукло характеризует диалектику развития капитализма, начавшего бурным развитием производительных сил, а кончающего замедлением их роста с тенденцией к полной приостановке его.

До капитализма экономическая карта земного шара характеризовалась сравнительным однообразием. Методы и средства производства европейских ремесленников и крестьян сравнительно мало отличались от методов и средств производства и китайских, индийских и т. п. товарищей. В связи с этим сравнительно не велико было различие в производительности труда — в уровне развития производительных сил.

Капитализм нарушил это однообразие. «Менее чем в сто лет своего господства буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые», писали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте».

В то время — середина XIX в. — капиталистический способ производства был распространен лишь на небольшой части земного шара (главным образом Англия и некоторые страны европейского континента). В последующие десятилетия капитализм продолжал выполнять свою историческую задачу, развивая производительные силы вглубь и вширь (внедряя капиталистический способ производства во все новые страны). Но чем дальше, тем больше это развитие производительных сил наталкивалось на узкие рамки, обусловленные капиталистическими производственными отношениями. Это привело, с одной стороны, к замедлению темпа развития производительных сил и загниванию капитализма в старых, высоко развитых капиталистических странах. Это замедление в послевоенный период принимает особенно острый характер, а местами, как в Англии, переходит в абсолютный застой. С другой стороны, буржуазия развитых капиталистических стран, разоряя и поработывая отсталые страны, всемерно тормозит развитие их производительных сил, препятствуя перенесе-

<sup>1</sup> „Капитал“, изд. 1924, т. III, ч. 1, с. 23.



нию в колонии современных методов производства, консервирует в них прадедовские методы.

Противоречия между развитием производительных сил и капиталистическими производственными отношениями сказываются таким образом в размещении современного капиталистического производства. Если взять данные<sup>2</sup> о размещении мирового производства накануне мировой войны, то получится такая картина:

в Западной Европе (все европейские страны кроме России) и Северной Америке было сосредоточено: 95% мировой машиностроительной и электротехнической промышленности, производства цемента и бумажной массы; 88% мирового производства металлов и минерального топлива; 71% мировой текстильной промышленности и 66% (приблизительно) мировой с.-х. продукции.

Западная Европа и Северная Америка занимают около 10% всей мировой территории (12,8 млн. км<sup>2</sup> из 132). В начале XIX в. здесь жило около 22% мирового населения (140 из 680 млн. в 1810 г. — по сводкам Мелголла), а столетие спустя — накануне мировой войны — около 25% (444 из 1787 млн. в 1913 г. по «Ежегоднику Лиги наций»). Таким образом капитализм не произвел коренных изменений в размещении основных масс населения земли. Но он создал колоссальную неравномерность в размещении производительных сил. Оди а четверть населения, живущая в Западной Европе и Северной Америке, стала производить примерно три четверти всех продуктов. Это значит, что житель Западной Европы и Северной Америки производит в среднем примерно в десять раз больше, чем жители всех прочих частей света.

Эти суммарные сопоставления еще значительно скрашивают действительное положение вещей, так как, с одной стороны, Западная Европа включает наряду с высокоразвитыми капиталистическими странами и ряд отсталых. А с другой стороны, в других частях света различия в уровнях весьма значительны. В действительности разрыв между уровнями развития производительных сил в различных частях мирового капиталистического хозяйства значительно больше, причем с развитием капитализма этот разрыв не уменьшается, а повидимому растет<sup>3</sup>.

Буржуазные теории стремятся доказать, что размещение это производительных сил не уродливо, а наоборот в высшей степени рационально, что ни в какой связи с капиталистическими производственными отношениями оно не находится. Именно такова «целевая установка» всех так называемых штандортных теорий, из которых наиболее известна теория Альфреда Вебера.

К сожалению эти теории до сих пор не только не были подвергнуты последовательной марксистской критике, но сплошь и рядом в марксистских работах мы видим скатывание их авторов на позиции буржуазных «штандортных теорий».

<sup>2</sup> Мы берем данные о довоенном хозяйстве, так как Октябрьская революция уничтожила единство мирового хозяйства, и это требует значительного усложнения анализа. Данные о производстве текстильных изделий взяты по А. Kertcsz (см. Wl. Woytinsky, „Die Welt in Zahlen“, Bd. IV), о машиностроении и электротехнической промышленности — по материалам Международной экономической конференции 1927 г. в Женеве, остальное — по сводкам Лиги наций, кроме сельского хозяйства, для которого пришлось приблизительно оценить продукцию животноводства, отсутствующую (кроме мяса и кож) в сводках Лиги наций.

<sup>3</sup> См. об этом в нашей статье „Об основных типах хозяйственных связей...“ в „Проблемах экономики“ № 6 за 1930 г.

Про теорию А. Вебера напр. Варга писал в одной из своих работ: «Это ценнейшая работа буржуазной политической экономии за последние десятилетия»<sup>4</sup>. В чем именно заключается ценность этой работы, т. Варга не пояснил. Но так как дальше он при помощи теоретической схемы Вебера пытается объяснить одну из важнейших структурных особенностей современного мирового хозяйства (промышленную гегемонию Европы), то это дает основания думать, что он считает эту схему правильной.

Эту же точку зрения т. Варга развил в одной из своих статей, посвященной закону неравномерности развития капитализма. В этой статье он писал: «Чисто экономическое обоснование закона неравномерности развития капитализма не дано в «Капитале» Маркса. Маркс берет исходным пунктом явление в его целом. Он в своей экономической теории исходит из предпосылки существования единого мирового капитализма. Особые моменты, определяемые различием национальных капитализмов, принадлежали к марксистской системе, к учению о конкуренции, которого Маркс, как известно, не успел разработать». Ленин правда сформулировал и обосновал закон неравномерности, но и он по мнению т. Варги не дал «фактического изображения экономического действия своего закона».

Тов. Варга пытается заполнить этот пробел. Сведя неравномерное развитие к тому, что «отдельные предприятия или страны по каким-либо причинам могут производить товары дешевле, чем их конкуренты», предполагая, что «в конкурирующих странах в определенный момент времени отдельные отрасли промышленности работают в условиях одинаковой техники» и наконец «откидывая амортизацию основного капитала как величину постоянную и одинаковую», т. Варга приходит «к двум основным факторам меняющейся высоты: издержки на заработную плату и сырье». В примечании т. Варга указывает: «Этот вопрос был подробно исследован Вебером в его книге о местопребывании промышленности. Это одна из немногих ценных книг буржуазной политической экономии за последние десятилетия»<sup>5</sup>.

В 1925 г. в «Плановом хозяйстве» была напечатана статья Э. Гольденберга: «Теория промышленного районирования Альфреда Вебера». «Актуальность проблемы промышленного районирования в доказательствах не нуждается. Между тем по теории и районирования на русском языке, как известно, литература крайне ограничена. В предлагаемой статье излагается лучшая работа по этому вопросу на немецком языке»<sup>6</sup>. Так начинается свою статью т. Гольденберг, и затем он излагает теорию Вебера, ни слова не сказав о том, правильна она или нет.

Год спустя у нас был издан сокращенный перевод работы Вебера<sup>7</sup>. В предисловии к нему т. Н. Н. Баранский писал:

<sup>4</sup> Варга „Мировое хозяйство“ (сборник статей), М. 1922, с. 30.

<sup>5</sup> „Коммунистический Интернационал“ № 6 (64), 1926, Е. Варга, Сверхимпериализм и закон неравномерного развития капитализма.

<sup>6</sup> „Плановое хозяйство“ № 3, 1926, с. 223.

<sup>7</sup> А. Вебер, Теория размещения промышленности, изд. и пер. Н. Морозова, под ред. и с предисловием Н. Баранского, М. 1926. Дальше цитируется без ссылок эта книга; она представляет собой не буквальный перевод, а вольное изложение работы Вебера; тем не менее мы считаем возможным сослаться на нее, так как нас интересует не Вебер как таковой, а веберовская теория штандорта, каковая в этом изложении в общем передана правильно.

«Это есть единственный в своем роде опыт построения теории, которая давала бы ответ на вопрос о том, какие факторы и как именно влияют на пространственное размещение разного рода отраслей промышленности...»

Теория Вебера является крупным вкладом в познание процессов капиталистического развития, как раз той его «пространственной» стороны, которая до последнего времени оставалась не освещенной теоретически и которая имеет особенно большое значение для понимания мирового хозяйства...

Можно считать совершенно бесспорным, что всякое продвижение вперед в области вопросов пространственного размещения промышленности возможно и мыслимо только через Вебера, а ни в коем случае не помимо этой теории» (с. 3—7).

В подстрочном примечании т. Баранский отмечает: «Что Вебер принадлежит к буржуазной школе в политической экономии — это совершенно бесспорно устанавливается рядом мест его книги (см. напр. его отношение к теории ценности...). Однако совершенно необходимо отметить, что, оставаясь буржуа по своему так сказать «практическому рассудку», в области «теоретического разума» Вебер значительно уже отстывает от классической буржуазной точки зрения; так напр. капиталистическое общество рассматривается им не как нечто «вечное» и «абсолютно разумное», а как историческая категория» (с. 4—5).

А один из рецензентов работ Вебера, И. Дашковский, даже пошел еще дальше в его оценке:

«С помощью формул он (Вебер) не только легко и смело ориентируется в пестроте современных экономических фактов, но — что всего важнее — он дает широкие обобщения и устанавливает тенденции развития. И в этом отношении его метод во многом напоминает метод Маркса... Теория Вебера образует как бы параллель марксовской теории. Отличие между ними состоит в том, что Маркс подходит к задаче установления закономерных тенденций развития со стороны анализа общественной формы, Вебер же со стороны материально-технического содержания хозяйственного процесса»<sup>8</sup>.

Будучи механистом, И. Дашковский с удивительной легкостью разрезал хозяйственный процесс на социальную форму и материальное техническое содержание. Первую исследовал Маркс, но второе он по мнению Дашковского оставил в стороне. Теперь его дополнил «параллельный» труд А. Вебера.

Рассуждения Дашковского удивительно напоминают Туган-Барановского, который доказывал, что теория предельной полезности образует как бы параллель трудовой теории стоимости, что «обе теории исследуют различные стороны одного и того же хозяйственного процесса оценки. Теория предельной полезности выяснила субъективные, трудовая теория — объективные факторы ценности»<sup>9</sup>.

Дашковский повидимому усвоил Маркса примерно так же, как Туган-Барановский.

Но как должны быть оценены формулировки т. Варги, экономически обосновывавшего закон неравномерности развития капитализ-

<sup>8</sup> „Хозяйство Украины“, № 11—12, 1926.

<sup>9</sup> М. И. Туган-Барановский, Основы политической экономии, изд., 1918 г. с. 53.

ма при помощи Вебера, и т. Баранского, предкагавшего через Вебера итти к пониманию капиталистического развития? В приведенных оценках Вебера явно не увязаны между собой отношения к Веберу вообще и его штандортной теории в частности. Что Вебер—буржуазный экономист, этого никто отрицать не может. Да и как это можно было бы отрицать, если во всех решительно вопросах он последовательно стоит на позициях буржуазных теорий.

Но наряду с этим теория штандорта Вебера объявляется правильной, ценнейшей, необходимой для понимания капиталистического хозяйства и т. д. Возможно ли сочетание всего этого с буржуазной концепцией автора? Может ли вульгарный экономист (а современная буржуазная экономия на все 100% является вульгарной) построить правильную, ценную теорию? Безусловно нет.

Мы постараемся ниже показать, что теория штандорта Вебера столь же буржуазна, как и его взгляды по остальным вопросам, что эта теория бесплодна вследствие того, что ее исходные методологические установки порочны, что она не объясняет современного капиталистического хозяйства, а наоборот препятствует его пониманию, направляя мысль по ложному пути, что к правильному пониманию современной экономической действительности нельзя притти через Вебера, а наоборот можно притти, только отбросив Вебера. Мы попытаемся показать, что и в этой области полностью оправдывается указание Ленина, который «позволял себе думать по старинке», что «после Маркса говорить о какой-нибудь не марксовой политической экономии можно только для одурачения мещан, хотя бы и «высокоцивилизованных» мещан»<sup>10</sup>.

Размеры статьи не позволяют нам остановиться на других штандортных теориях кроме веберовской. Да в этом и нет особой нужды, так как все они построены на тех же основаниях. Несколько лучшее впечатление производит лишь учение о размещении систем сельского хозяйства Тюнена, которое в некоторых частях стоит ближе к буржуазной классической экономии, чем к вульгарной. Но как раз эти части подвергались пересмотру со стороны современных буржуазных экономистов, упорно стремящихся к вульгаризации учения Тюнена. Образчик такой вульгаризации, к тому же прикрытой флером марксистскообразной фразеологии, дает хотя бы проф. П. И. Лященко в своем курсе «Социальной экономии сельского хозяйства».

В основе всех штандортных теорий лежит механистическое противопоставление «пространственных закономерностей» «закономерностям временным», разрыв единого процесса, протекающего во времени и в пространстве на два как бы независимых ряда явлений: движение во времени и различия в пространстве. Это механическая точка зрения четко выражена т. Бухариным.

В своей «Теории исторического материализма», разобрав вопрос о характере влияния природы на общество, т. Бухарин пришел к следующему выводу:

«Таким образом ясно, что различия природных условий могут объяснить раз л и ч и е в развитии р а з н ы х народов, но не могут объяснить развития одного и того же общества»<sup>11</sup>.

Абсурдность приведенной формулировки бросается в глаза. В самом деле, если напр. природные условия не могут объяснить медлен-

<sup>10</sup> Собр. соч., изд. 3-е, т. XXVII, с. 333.

<sup>11</sup> „Теория исторического материализма“, изд. 1928, с. 131.

ного темпа развития Китая и быстрого темпа развития США, то они никак не могут объяснить и отставания первых от вторых. Наоборот отсталость Китая по сравнению с США может быть объяснена природными условиям лишь в том случае, если эти условия определяли медленный темп развития в Китае и быстрый — в США. Для понимания этого достаточно даже элементарного знакомства с формальной логикой. Тов. Бухарин довел механистическое противопоставление пространственных закономерностей динамическим закономерностям развития до логического конца, до абсурда. Но то же противопоставление лежит в основе всех штандортных теорий.

Вебер его формулировал так: «В каждой хозяйственной форме и на каждой ступени технико-экономической эволюции для производства и потребления должны существовать не только способы („Stand“ но также и место („Ort“) действия; всегда должны существовать правила, определяющие не только первое, но и второе»<sup>12</sup>.

Предполагая, что существуют какие-то особые закономерности размещения производства (отличные от закономерностей развития его), штандортные теории и пытаются их объяснить.

Исходным пунктом всех теорий штандорта является предположение, что капиталистическое предприятие всегда располагается там, где могут быть достигнуты наименьшие издержки производства (включая в последние и издержки перевозки готового товара до пункта сбыта). При этом влияние различий в технике в разных районах исключается.

Далее Вебер допускает: «во-первых, предположение о наличности потребительских пунктов с неизменно фиксированным географическим положением; во-вторых, материальные склады и рабочие пункты также предполагались раз навсегда данными и географически фиксированными, а в отношении последних принято было кроме того, допущение о неограниченной расширяемости их при неизменных издержках на рабочую силу». При таких условиях для каждого предприятия при помощи математических подсчетов может быть найдено наиболее подходящее место (обеспечивающее минимальные издержки).

Весь этот ход исследования до деталей аналогичен с подходом вульгарных экономистов напр. к проблеме цены.

Бем-Баверк напр. в своем исследовании цены (ценности) исходит из того, что «при совершении меновых актов люди находятся под исключительным влиянием одного мотива — стремления получить непосредственную пользу от меновой сделки». Далее он предполагает, что потребности человека соизмеримы, и это лежит в основе субъективных оценок различных вещей различными людьми. Наконец он берет как данные «число желаний или требований, относящихся к товару»; «количество товара, предназначенное для продажи» и целый ряд других моментов. При таких условиях оказывается, что «высота рыночной цены ограничивается и определяется высотой субъективных оценок товара двумя предельными парами (покупателей и продавцов)»<sup>13</sup>. Если известны в числовом выражении все перечисленные выше предпосылки, то при помощи математических вычислений может быть получена цена.

В отличие от марксистской экономической теории вульгарные теории в своей основе имеют не изучение законов развития капитали-

<sup>12</sup> „Über den Standort der Industrien“, изд. 2-е, 1922, с. 1.

<sup>13</sup> Бем-Баверк Е., Очерк теории хозяйственных благ.

стического хозяйства, складывающихся за спиной отдельных людей, а те представления, которые возникают у капиталиста, выступающего на рынке, и на основе которых происходит его приспособление к объективно данной для него рыночной обстановке.

«Вульгарный экономист в действительности только и делает, что переводит удивительные представления капиталистов, захваченных конкуренцией на язык, представляющийся более теоретическим, обобщающим, и убивается над тем, чтобы конструировать правильность этих представлений»<sup>14</sup>. Но так как «при конкуренции все представляется в ложном, превратном виде»<sup>15</sup>, то для того, чтобы доказать правильность этих представлений, вульгарные экономисты принуждены нагромождать заведомо неправильные предпосылки и логические противоречия.

Бем-Баверк начинает свой анализ цен с рассмотрения рассуждений крестьянина, пришедшего на базар покупать лошадь.

Из всех этих рассуждений отдельных крестьян он затем пытается вывести цены. Порочность всей его конструкции, обрекающая ее на абсолютную бесплодность, вытекает из того, что рассуждения отдельных крестьян сами всецело определяются рыночной обстановкой, т. е. существующими на рынке ценами. Бему удастся отчасти замаскировать неизбежный в его рассуждениях логический круг лишь тем, что он вводит в свои рассуждения целый ряд заведомо неправильных противоречащих действительности предпосылок.

А. Вебер отличается от Бем-Баверка лишь тем, что он исходит не от крестьянина, покупающего лошадь, а от фабриканта, строящего фабрику. Последний не в уме прикидывает выгодность различных комбинаций, а сажает инженера, и тот при помощи сложной аппаратуры (формул, приборов, вычислений) определяет наиболее выгодный для его хозяина при данной рыночной обстановке вариант. А затем Вебер, также как Бем-Баверк, пытается вывести из этих рассуждений инженера объективно складывающееся размещение производства.

Порочность и бесплодность его теории замаскированы еще лучше, чем у теории предельной полезности, импозантностью используемой аппаратуры. Но никакие приборы и вычисления не могут помочь решению задачи, если сама задача поставлена неправильно. А между тем мы именно имеем дело с неправильно поставленной задачей.

Эта неправильность вытекает прежде всего из отрыва производственных отношений от материального производства, формы от содержания. Вебер с самого начала элиминирует почти все различия в социальном строе различных районов.

«В качестве объекта теоретического рассмотрения берется изолированно мыслимая хозяйственная область...

При этом хозяйственный организм такой области рассматривается тоже в упрощенном виде, т. е. мыслится как бы «очищенным» от некоторых из тех наслоений, которые накладываются в различные исторические эпохи различными социально-экономическими системами» (с. 15).

«Из числа культурно-общественных факторов теория принимает в расчет лишь те факторы, в которых наряду с моментами общественного характера имеются и моменты природного технического свойства,

<sup>14</sup> „Капитал“, изд. 1908, т. III, ч. 1, с. 206.

<sup>15</sup> Там же.

отвлекаясь совершенно от факторов чисто общественного характера» (с. 20).

Правда полностью «очистить» производство от социальных «наслоений», элиминировать совершенно «общественные факторы» теоретически штандорта не могут, но все же они упорно идут в этом направлении. Это «очищение» производства от производственных отношений само по себе достаточно для того, чтобы завести теорию в тупик, так как развитие производства в различных районах, а следовательно и размещение его между различными районами находятся в теснейшей связи с характером производственных отношений в этих районах.

Все теории штандорта прежде всего отвлекаются от различий в норме прибыли в различных странах и районах и вместе с тем предполагают абсолютно свободное перетекание капиталов в те страны и районы, где те или иные товары могут быть произведены с меньшими издержками. Только при этих условиях может иметь место регулирование размещения производства его издержками. Но эти условия в действительности не существуют. Различия в норме прибыли вследствие различных факторов, препятствующих их выравниванию, оказывают громадное влияние на развитие, а следовательно и на размещение капиталистического производства. При различиях в норме прибыли в различных районах районы с более высокими издержками производства (если в них средняя норма прибыли ниже) могут в конкуренции побить районы с более низкими издержками производства.

В современных условиях господства немногочисленных монополистических групп издержки производства отдельных товаров тем более не являются единственным фактором размещения их производства. В ожесточенной конкурентной борьбе монополистические группировки стремятся иметь — каждая на подчиненной ей территории — все важнейшие производства. Хотя некоторые из этих производств отличаются повышенными издержками, а иногда даже убыточны, в конечном счете они укрепляют монопольное господство данной группировки, обеспечивают ей победу над конкурентами и следовательно возможность получать сверхприбыль.

Демпинг является господствующей формой товарообмена в условиях монополистического капитализма. Он характерен прежде всего для конкурентной борьбы на международной арене. Но аналогичный характер имеет и борьба монополистических группировок внутри отдельных стран. Разница лишь та, что одним из средств конкурентной борьбы на международной арене являются таможенные пошлины. Внутри страны конкурирующие монополистические группировки используют лишь другие средства — транспортные тарифы и т. п.<sup>16</sup> Таким образом и внутри отдельных стран и во взаимоотношениях между странами издержки производства отдельных товаров не решают исхода конкурентной борьбы.

<sup>16</sup> В качестве примера можно указать на политику бакинских нефтяников в дореволюционной России, продававших нефтяные продукты в Туркестане по чрезвычайно пониженным ценам и тем препятствовавших развитию туркестанской промышленности (см. Лаврентьев Вл., Капитализм в Туркестане, М. 1930, с. 68). Хотя издержки производства нефтепродуктов в Туркестане были бы значительно ниже, чем издержки производства их в Баку плюс стоимость провоза до Туркестана, тем не менее нефтяная промышленность в Туркестане вопреки теории Вебера не развивалась, и Туркестан продолжал снабжаться бакинскими нефтепродуктами.

Но еще большее значение имеет то, что сами издержки производства больше всего зависят от тех факторов, которые не учитываются теориями штандорта.

Последние в значительной мере отвлекаются от различий в технике, з уровне развития производительных сил.

«Предприниматель (если дело идет о капиталистическом хозяйстве) вообще говоря, в любом месте может организовать фабрику по последнему слову техники и «тейлоризма» (с. 73), таков исходный пункт всех штандортных теорий<sup>17</sup>.

Действительность однако ничего общего не имеет с этим предположением. Громадные различия в уровне техники в разных странах и районах несомненно больше всего влияют на различие в издержках производства. Вебер совершенно обходит тот несомненный факт, что, вводя более совершенные технические приемы, некоторые предприятия значительно снижают нормы расхода сырья и топлива на единицу продукта, снижают накладные расходы и т. д. Но он не мог совершенно обойти влияния техники на издержки на рабочую силу.

«Рабочие издержки какого-либо производства, — пишет он, — могут различаться по двум совершенно различным причинам: 1) в силу различий в интенсивности труда и в высоте заработной платы, т. е. по причинам, так или иначе связанным с личностью работника, иначе говоря «по субъективным основаниям», 2) вследствие различий в организационно-техническом аппарате производства, т. е. по «объективным основаниям». Лишь различия первого рода обладают географической связанностью, характеризуются географической определенностью... Объективные основания их не связаны с определенными географическими пунктами и потому не оказывают влияния на выбор места для производства» (с. 72—73).

Во-первых, к «субъективным» моментам относятся не только интенсивность труда и заработная плата, но и качество рабочей силы (квалификация). Во-вторых, отрыв «субъективных» от «объективных» моментов совершенно произволен и неправилен, так как в реальной действительности они неразрывно связаны между собой. И наконец «объективные» основания, как мы уже указывали, говоря о различиях в уровне техники», обладают такой же географической определенностью, как и субъективные.

Уже эта необходимость брать в качестве исходных пунктов выдуманные, явно неправильные, не соответствующие действительности предположения вскрывает шаткость всей веберовской постройки. Но дальнейшее развертывание цепи его рассуждений приводит к полному банкротству его теории.

В качестве одного из основных факторов размещения Вебер принимает размещение рабочих пунктов. А чем определяется последнее?

«Оно не может быть раскрыто в пределах чистой теории, потому что в том хозяйственном организме, который рассматривается этой теорией, т. е. в «чистом» организме, законы образования географического распределения рынков рабочей силы не дают ся, они вытекают

<sup>17</sup> Из этой предпосылки, как мы видели, исходит и т. Варга в своей статье о неравномерности развития капитализма. Правда, в скобках т. Варга отмечает, что эта предпосылка „разумеется верна лишь условно, так как техника находится в состоянии беспрерывного прогресса“. Эта вставка однако мало помогает. Дело не в непрерывном прогрессе техники, а в том, что само развитие техники при капитализме происходит чрезвычайно неравномерно в различных странах, и это оказывает колоссальное влияние на соотношение их сил на рынке.



из определенных свойств определенно го, именно капиталистического строя, в котором рабочая сила поставлена в положение товара, который сегодня покупают, а завтра выбрасывают. Раскрыть это допущение, а вместе с тем и дать полное объяснение конкретному размещению промышленности в реальном капиталистическом хозяйстве может только «реалистическая» или капиталистическая, но не общая теория» (с. 17).

Таким образом на самом важном месте «чистая теория» обрывается. Так как «реалистической» теории Вебер еще не создал и никогда создать не может, то это означает по существу отказ от объяснения существеннейшего фактора размещения. Дальше сам Вебер поясняет, что «вопросы возникновения и развития рабочих пунктов представляют тот пробел в общей теории, который может быть заполнен лишь эмпирической теорией» (с. 156).

Еще яснее формулирует это А. А. Рыбников:

«Вопрос о географии заработной платы, или точнее, по терминологии Вебера, рабочих издержек является одним из наиболее сложных вопросов и слабо поддающихся теоретическим обоснованиям... Для установления географии рабочих пунктов мы не имеем никаких теоретически обоснованных данных»<sup>18</sup>.

И Веберу и его подражателям из лагеря российской контрреволюции повидимому неизвестно, что был такой экономист Маркс, что он дал законченную теорию заработной платы и в частности в разделе о национальных различиях заработной платы дал теоретическое обоснование географических различий заработной платы, а с другой стороны, он обстоятельно разобрал и факторы, влияющие на производительность труда.

Не лучше однако обстоит дело у Вебера и с другим штандортным фактором — аггломерационным. Уже с самого начала его рассмотрения Вебер заявляет: «Основным же свойством аггломерационной силы является то, что она вытекает из общественной природы производства, поэтому исследование ее абстрактным путем затрудняется, так как она не может быть вскрыта анализом одного производственного процесса» (с. 86).

Условиями аггломерации, которые лежат в специальных особенностях промышленности, Вебер считает «штандортный вес» и «функцию сбережения». В конце своего исследования аггломерации Вебер пишет про них:

«Характер влияния первого из этих условий после всего изложенного выше настолько ясен, что говорить о нем здесь не приходится. Иначе обстоит дело с другим условием — функцией сбережения, относительно которой мы не знаем абстрактно, как и от чего она зависит» (с. 113).

Итак, говоря о рабочих пунктах, Вебер отказался «раскрыть» их в чистой теории, отослав читателя к несуществующей «эмпирической теории». В отношении аггломерации он прямо признал, что «мы не знаем абстрактно, как и от чего она зависит». И тут и там он уперся в социальные отношения, которые неотделимы от материального производства. Но так как его статический калькуляторский подход оказывается бессильным в приложении к социальным отношениям, то

<sup>18</sup> А. А. Рыбников, Основные вопросы экономической географии, М. 1930. с. 83, 95.

поневоле он вынужден обрывать свое теоретическое исследование, лишая фундамента все свое громоздкое построение.

В этом построении кроме рабочей ориентировки и агломерации есть еще третий фактор размещения — транспортная ориентация. Сущность ее заключается в выявлении того влияния, которое оказывает на размещение данной отрасли производства размещение других отраслей и населения, являющихся потребителями продуктов данной отрасли и снабжающих ее сырьем. Изучение транспортной ориентации сводится к сопоставлению веса различных видов сырья, топлива и готового продукта. Это изучение вполне доступно «чистой теории», отвлекающейся от социальных отношений. Но много ли оно дает для понимания действительного размещения капиталистического производства? Увы, весьма мало. Оно лишь отчасти помогает объяснить особенности в размещении одних отраслей по сравнению с другими. Но оно неизбежно приводит к логическому кругу при попытках дать общую законченную теорию штандорта.

Теория промышленного размещения берет как данное размещение сельского хозяйства, а теория размещения сельского хозяйства в значительной мере сводится к «законам тюненовского кольцеобразования» вокруг промышленных центров. Так как различные отрасли промышленности также связаны между собой по линии снабжения и сбыта, то по существу изучение «транспортной ориентации» сводится к изучению влияния размещения всех прочих отраслей на данную отрасль, причем размещение всех прочих отраслей берется как данное, не меняющееся и во всяком случае не зависящее от данной отрасли. Далее при изучении размещения производства берутся как данные существующие транспортные линии, а при изучении транспорта исходят из существующего размещения производства.

«Отсюда берет начало один из тех кругообразных динамических процессов хозяйственной жизни, который представляет особые трудности для абстрактного анализа. Более полное освещение этой стороны вопроса составляет предмет эмпирической теории» (с. 152).

Таким образом и здесь, в наиболее сильном звене цепи веберовских рассуждений, происходит разрыв, и от всей цепи остаются жалкие осколки.

В отношении рабочих пунктов в общей теории оказывается «пробел», который заполнить призвана лишь «эмпирическая теория». В отношении агломерации честное признание, что «мы не знаем абстрактно, как и от чего она зависит». И наконец в отношении транспортной ориентации нагромождение логических кругов, разрешить которые призывается та же «эмпирическая теория».

И это убогое творение преподносится у нас читательской массе как «лучшая, ценнейшая работа», «единственный в своем роде опыт», «крупный» вклад в познание процессов капиталистического производства и т. д. Эта теория всячески комментируется в учебниках по экономической географии.

Этой же теорией, перенесенной в советские условия, вредители (Бернштейн-Коган и др.) пытались обосновать свою практическую деятельность в наших хозорганах.

Теория Вебера возникла из определенных практических нужд капиталистического класса. Строя новое предприятие, капиталист заинтересован в том, чтобы найти для него наиболее подходящий географический пункт, обеспечивающий наибольшую прибыль. Теория Вебера и пытается прежде всего дать набор формул, позволяющих найти эту

оптимальную точку. Однако и с этой задачей Вебер не справился. Если бы какой-нибудь предприниматель вздумал построить фабрику точно «по Веберу», то он вероятнее всего прогорел бы. Эта неудовлетворительность веберовских схем с точки зрения интересов капиталиста-практика объясняется не только недостатками его как исследователя и тем, что он исходил из условий свободной конкуренции, игнорируя особенности монополистического капитализма. Какие бы дополнения и усовершенствования ни вносились в веберовские схемы, они никогда не смогут быть абсолютно надежным критерием при решении капиталистом хозяйственных задач. Прежде всего потому, что судьба капиталистического предприятия определяется рыночной обстановкой не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

На вопрос о том, в каком направлении изменится в будущем рыночная обстановка и какое в частности влияние на нее окажет само проектируемое предприятие, на этот вопрос в буржуазном обществе никто ответить не может. Капиталистическое общество стихийно развивается, а следовательно и стихийно-иррационально размещается. Рационализированное размещение капиталистического производства может быть только в писаниях апологетов, но не в действительности. Поэтому-то заранее обречены на неудачу поиски формул и приемов отыскания наиболее рационального, оптимального места для капиталистического предприятия.

Тем более веберовская и другие ей подобные схемы не могут быть положены в основу размещения советского производства. Задача советских строителей заключается не в том, чтобы наилучшим образом приспособить отдельные предприятия к существующей хозяйственной обстановке, а в том, чтобы саму эту обстановку, все народное хозяйство в целом, коренным образом изменить так, чтобы максимально ускорить развитие производительных сил, перестройку хозяйства на социалистических началах, укрепление базы мировой пролетарской революции.

Конечно при составлении различных вариантов размещения социалистических предприятий, при вычислении соответствующих им величин отдельных элементов, издержек производства и транспорта, могут быть использованы некоторые калькуляторские формулы и приемы Вебера. Но, во-первых, величина издержек производства не является единственным критерием при размещении социалистических предприятий. А, во-вторых, сама эта величина не является объективно данной, и в частности она в сильной степени зависит от того, какие варианты будут приняты для других предприятий и отраслей, связанных с тем предприятием, для которого ищут оптимального пункта. Если капиталистический предприниматель не может вполне положиться на теорию Вебера, то наш плановик тем более должен искать иных критериев.

Непригодные для решения практических задач как в капиталистических, так и тем более в советских условиях штандортные теории еще менее пригодны для объяснения капиталистической действительности.

В начале статьи мы дали самую общую картину размещения капиталистического производства. Может ли она быть объяснена штандортными теориями?

В цитированной выше работе т. Варга пытался объяснить при помощи схемы Вебера, чем было вызвано сосредоточение в Западной Европе значительной части мировой промышленности.

«Завоевание мирового рынка изделиями европейской промышленности, — пишет он, — объясняется тем обстоятельством, что эти товары могли быть здесь произведены настолько дешево, что их цена, даже если присчитать к ней стоимость провоза в страны с неразвитой промышленностью, позволяла предлагать их на рынке дешевле, чем их могли производить на месте при той же технике» (разрядка моя. — Л. 3.).

«Чтобы понять причины этого явления, достаточно применить к мировому хозяйству данный А. Вебером чисто теоретический анализ сосредоточения индустрии внутри национальной хозяйственной территории. Факторы такого сосредоточения мы можем разделить на две основных группы: 1) естественно-географические факторы и 2) социально-исторические факторы». Естественно-географические преимущества Западной Европы т. Варга видит в том, что в ней имеются и к тому же в одних и тех же местах железо и уголь.

«Но эти преимущества, — пишет он — были бы сами по себе недостаточны, чтобы сделать Западную Европу промышленной мастерской мира... К естественно-географическим преимуществам европейских промышленных центров присоединяются социально-исторические: густое население, которое образует большой местный рынок сбыта; высокая культура, следствием которой является широко идущая дифференциация профессий, и т. д. Но важнейшим из этих факторов является то обстоятельство, что только в Западной Европе имеется налицо квалифицированная рабочая сила, необходимая в производстве при современной технике. Отсутствие квалифицированной, хорошо обученной рабочей силы означает не что иное, как повышение издержек на рабочую силу. Промышленный перевес Западной Европы основывался в прошлом столетии преимущественно на том, что рабочая сила была там дешевле, чем где-либо в мире».<sup>19</sup>

Вся цепь рассуждений г. Варги неверна с начала до конца. Прежде всего неправильно указание на густое население Западной Европы, так как Китай напр., имеет более густое население и к тому же большее скопление железа, угля и многих других природных богатств. Далее не всякое густое население образует большой местный рынок сбыта. Но самое главное — большая покупательная способность западноевропейского населения (а отчасти и его густота) в значительной мере были не предпосылкой, а результатом развития промышленного капитализма в Западной Европе. То же относится и к наличию квалифицированной рабочей силы: до развития в Европе капиталистической индустрии европейские ремесленники вряд ли были искуснее напр., китайских. Наконец, т. Варга неправ, пытаясь объяснить разницу в издержках производства лишь квалификацией рабочего. Решающее преимущество западноевропейской промышленности заключалось в том, что она применяла более совершенные машины, более совершенную технику.

Все эти отдельные ошибки т. Варги вытекают из основного его ошибочного положения: он полагает, что создание мощной капиталистической индустрии в Европе было обусловлено более низкими издержками производства в этой части света.

В действительности более низкие издержки производства были не

<sup>19</sup> Сб. „Мировое хозяйство“, с. 29—30.

предпосылкой, а результатом развития промышленного капитализма в Западной Европе.

Маркс так описывал превращение Европы в промышленную мастерскую мира:

«Дешевизна машинного продукта и переворот в средствах транспорта и сношений служат орудием для завоевания иностранных рынков. Разрушая на последних ремесленное производство, машинное производство приводит эти рынки к принудительному превращению в области производства соответствующего сырого материала, так, напр. Ост-Идея была вынуждена производить для Великобритании хлопок, шерсть, поьяку, джут, индиго и т. д. Постоянное превращение рабочих в «избыточных», вызывает в странах крупной промышленности вынужденную эмиграцию и ведет к колонизации новых стран, которые превращаются в плантации сырого материала для метрополии, как Австралия, напр., превратилась в место производства шерсти. Создается новое, соответствующее расположению главных центров машинного производства международное разделение труда, превращающее известные части земного шара в области земледельческого производства по преимуществу, а другие — в области промышленного производства по преимуществу»<sup>20</sup>.

Ошибки т. Варги чрезвычайно поучительны в том отношении, что они вскрывают внутренние противоречия теории Вебера, а с нею и всех вообще штандортных теорий, показывают их бесплодность, неспособность объяснить действительность.

Некоторые защитники теории Вебера пытаются доказать, что если она и не может объяснить размещение всей капиталистической промышленности в целом, то зато она дает ключ к пониманию особенностей в размещении отдельных отраслей промышленности. Но и это не так. Возьмем для примера различия в отраслевой структуре английской и германской промышленности. Значительно уступая Германии почти во всех важнейших отраслях промышленности, Англия в то же время стоит значительно впереди Германии в добыче угля и выработке хлопчатобумажных изделий. Первое объясняется преимуществами каменноугольных месторождений Англии, а также дешевизной обратных фрахтов судов, привозящих в Англию значительные массы сырья и продовольствия. Второе объясняется главным образом тем, что Англия имеет в своих колониях обеспеченный рынок сбыта текстиля (Англия сбывает текстиль преимущественно на внешнем рынке, главным образом в колониях, доминионах и вообще зависящих от нее странах). Эти факторы, оказавшие решающее влияние на размещение европейской промышленности, не укладываются (кроме природного фактора) в схему Вебера, очищающую производство от социальных наслоений. Точно так же не укладываются в эту схему и те факторы, под влиянием которых в колониях и полуколониях развиваются лишь добыча сырья и некоторых предметов широкого потребления, но совершенно отсутствует производство орудий производства.

Современное размещение капиталистического производства явля-

<sup>20</sup> Маркс К. „Капитал“ т I, М.-Л. 1929, с. 348. В отличие от т. Варги Маркс ничего не говорит здесь о «рабочей ориентации», о дешевизне рабочей силы и т. п. Он вместо этого говорит о дешевизне машинного продукта по сравнению с ремесленными, современное международное разделение труда он связывает с расположением главных центров машинного производства.

ется результатом всего предшествующего развития. Объяснить, почему в настоящее время большая часть капиталистической индустрии сосредоточена в Северной Америке и Западной Европе, это значит объяснить, почему развитие промышленного капитализма началось раньше и происходило сравнительно быстро в этих частях света и отсутствовало или тормозилось в остальных частях света. Объяснить это нельзя при помощи штандортных теорий, отвлекающихся от различий в уровне развития производительных сил и производственных отношений и статичных в своей основе. Объяснить это можно только при помощи теории исторического развития Маркса и в частности его учения о развитии капитализма, рассматривающих развитие производительных сил и производственных отношений в их диалектической связи.

В самом деле перемещения капиталистического производства в пространстве обуславливаются: с одной стороны, различием в темпе капиталистического накопления в различных странах, районах и пунктах, а с другой стороны, перемещением, миграцией капиталов. Различия в темпе накопления могут быть связаны, во-первых, с большей или меньшей интенсивностью процессов первоначального накопления, т. е. выделения новых капиталов из докапиталистической среды, во-вторых, с перетеканием капиталов из непроизводительных отраслей в производстве и наоборот и, в-третьих, с различиями в темпе накопления в самом капиталистическом производстве. Эти последние различия в свою очередь определяются различиями в норме прибыли и в распадении ее на накапливаемую и потребляемую часть.

С другой стороны, и миграции капиталов представляют собой чрезвычайно сложное явление. Величина издержек производства и прибыли отнюдь не является единственным фактором, определяющим перенесение капитала из одних стран и районов в другие<sup>21</sup>.

Таков примерный перечень проблем, на который мы наталкиваемся, приступая к изучению размещения производительных сил в капиталистическом хозяйстве. Этот перечень ясно показывает, что нельзя объяснить размещения производительных сил в капиталистическом хозяйстве, если отрывать их от производственных отношений. Этот перечень вместе с тем вскрывает неправильность часто встречающихся утверждений, будто Маркс и Ленин не занимались проблемами размещения капиталистического производства и для этого надо создавать новые «штандортные» теории. Не создавать какие-либо новые теории вроде «штандортных», не дополнять Маркса и Ленина Вебером, а развивать дальше их учение о развитии капитализма и его противоречиях — такова основная задача марксистско-ленинской экономической

<sup>21</sup> В одной из своих статей я уже указывал на то, что неправильно связывать экспорт капитала исключительно с разницей в норме прибыли (см. „Проблемы экономики“ № 6 за 1930 г., с. 89). Так как понимание этого особенно трудно дается товарищам, склонным упрощать капиталистическую действительность, то представляется нелишним напомнить им позицию т. Ленина в этом вопросе.

В 1917 г. при обсуждении проектов партийной программы т. Сокольников в своем проекте вставил пункт о „новых странах, являющихся... полем приложения экспортируемого капитала, ищущего сверхприбылей“. Ленин возражал против такой формулировки: „Трудно принять здесь правильным указанием на сверхприбыли и на новые страны, ибо вывоз капитала развился также из Германии в Италию, из Франции в Швейцарию и т. п. Капитал стал вывозиться при империализме и в старые страны, и не только ради сверхприбылей“. В проекте самого Ленина было просто указано на „вывоз капитала в чужие страны“ (см. Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XXI, с. 308).

географии в области изучения мирового капиталистического хозяйства.

Необходимо раз навсегда разоблачить штандортные теории, вскрыть их буржуазную сущность. Эти теории механистичны, так как они разрывают пространственные и временные закономерности и открывают производительные силы от производственных отношений. Они вульгарны, так как из рассуждений капиталистов они пытаются вывести законы развития общества. Они апологетичны, так как замазывают противоречия капиталистического производства, нерациональность его размещения. Наконец вследствие всего этого они теоретически бесплодны и для пролетариата практически вредны, так как дезориентируют его борьбу за свержение капитализма и социалистическое строительство.

П. ОЛЕШИНСКИЙ

## КАУТСКИАНСКАЯ ЗАЩИТА «ЗАКОНА» ОБНИЩАНИЯ

В «Государстве и революции» Ленин отметил, что с «учением Маркса происходит теперь то, что не раз бывало в истории с учением революционных мыслителей и вождей угнетенных классов в их борьбе за освобождение. Угнетающие классы при жизни великих революционеров платили им постоянными преследованиями, встречали их учение самой дикой злобой, самой бешеной ненавистью, самым бесшабашным походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы, так сказать канонизировать их, предоставить известную славу их имени для «утешения» угнетенных классов и для одурачивания их, выхолащивая содержание революционного учения, притупляя его революционное острие, опошляя его. На такой обработке марксизма сходятся сейчас буржуазия и оппортунисты внутри рабочего движения. Забывают, отрицают, искажают революционную сторону учения, его революционную душу».

Так было со многими сторонами учения Маркса. Так же точно это случилось и с марксовой теорией обнищания<sup>1</sup> рабочего класса.

Выведенный Марксом закон, согласно которому положение рабочего класса в капиталистическом обществе неизбежно ухудшается, связан неразрывно со всей марксовой системой и представляет собой как бы заключительные выводы из всего его экономического анализа. Маркс установил, что относительное и абсолютное обнищание пролетариата обуславливается самими внутренними законами развития капитализма. Накопление капитала уже само по себе ведет к все более ускоряющемуся росту вложений капитала в средства производства, к замене рабочих машинами, к увеличению избыточной рабочей силы, к увеличению капиталистического перенаселения. Все это повышает зависимость наемных рабочих от капитала; усиливает эксплуатацию, понижает жизненный уровень основной массы рабочего класса. В условиях капитализма следовательно развитие производительных сил ведет не к всеобщему подъему, благосостоянию, а к сосредоточению всех выгод от гигантского роста производительности человеческого труда в руках численно ничтожной группы буржуазии, наряду с ухудшением положения самых широких масс трудящихся. И чем дальше развивается капитализм, чем более накапливается капитал, тем глубже становится пропасть между трудом и капиталом, тем большую остроту приобретает противоречие между развитием производительных сил и производственными отношениями. В этом закон развития и гибели капитализма. «Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала,— говорит Маркс,— которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса иеревол-

<sup>1</sup> Каутский говорит, что термин „теория обнищания“ придуман и пущен в ход не Марксом или Энгельсом, а их критиками“. Мы полагаем все же, что это не меняет существа вопроса. Существо же вопроса заключается в том, что у Маркса действительно доказан и сформулирован „абсолютный, всеобщий закон накопления капитала и накопления нищеты“.



рота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплуатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, при котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприруют»<sup>2</sup>.

Учение Маркса о накоплении капитала и обнищании рабочего класса с непоколебимой логикой доказывает таким образом неизбежность нарастания противоречий капитализма и неминуемую его гибель. Оно подводит тем самым научный фундамент под классовую борьбу, под политическое движение рабочего класса, направленное на борьбу с капитализмом как с таковым. Неудивительна поэтому та стремительность, которую обнаружила критика в своих нападках на эту сторону марксовской теории. Как из рога изобилия посыпались одно за другим и одно «научнее» другого утверждения, что в положениях об обнищании Маркс-теоретик находился в подчинении у Маркса-утописта, что теория обнищания имела для Маркса лишь агитационное значение, что впоследствии Маркс отказался от своих положений, что наконец никакого обнищания в действительной жизни нет, что факты действительной жизни марксову теорию опровергают. Буржуазная статистика мобилизовала всю свою механику подтасовки «средних», чтобы показать, что с развитием капитализма уровень заработной платы идет якобы на подъем, что пропасть между классами не увеличивается, а уменьшается и т. д. Расчет был здесь прост. Марксову теорию обнищания и нарастания классовых противоречий надо было подменить «теорией» улучшения положения пролетариата, приближения его к буржуазии, «теорией социального мира», «гармонии» и т. п.

В нападках на теорию Маркса вульгарная политическая экономия не оказалась одинокой. Ее критическим арсеналом и добытыми «фактами» воспользовался широкий круг реформистов. Почва для ревизионистской работы над теорией обнищания была для оппортунизма тем более благоприятной, что к тому времени развитие капитализма действительно внесло в положение рабочего класса некоторые изменения. Эти изменения заключались прежде всего в улучшении положения наиболее квалифицированной и наиболее организованной части английских рабочих. В 50—80-х годах XIX в. английская промышленность нераздельно господствовала на мировом рынке. Устойчивое положение на мировой арене, дополнявшееся внезапным расширением рынка за счет новых громадных колониальных стран, оживлением торговли, постройками железных дорог, значительным ростом новых предприятий — повысило спрос на рабочую силу и благоприятствовало некоторому улучшению положения высококвалифицированных рабочих. Это обстоятельство и послужило реформизму опорным пунктом для попыток пересмотра основных положений марксизма.

Бернштейн, Струве и Давид были одними из первых, кто в рядах социал-демократии открыто выступили против закона обнищания.

<sup>2</sup> „Капитал“, т. I, 1930, с. 613.

Нападки на марксову теорию обнищания со стороны Бернштейна и других откровенных ревизионистов встретили в лагере марксистов активный отпор.

Наиболее известными и распространенными работами против Бернштейна и К<sup>о</sup> являются вторая статья Плеханова против Струве и глава вторая «Анти-Бернштейна» Каутского. Необходимо однако отметить, что и Каутский, и Плеханов в своей антикритике не были последовательны. Позиция, с которой они «защищали» Маркса, далеко не соответствовала точке зрения самого Маркса. Защищая марксово учение от нападков откровенных ревизионистов и противопоставляя свое собственное понимание проблемы, они извращали, смягчали и стусевывали положения Маркса и по сути дела обнаруживали, что и сами они были заражены тою же болезнью, что и их официальные противники.

На первый взгляд может показаться, что критика позиций Каутского, которые он занимал в борьбе с Бернштейном, является в настоящее время слишком «историчной», не актуальной и т. д. В действительности это не так. Во-первых, теоретические ошибки Каутского — Плеханова в трактовке закона обнищания имеют довольно широкое распространение еще и по сие время. Под видом ортодоксальной защиты марксово теории преподносится нередко самое обыкновенное каутскианское «наследство». Борьба с этими ошибками не может не быть для нас поучительной. Ленин указывал, что «растущее во всем мире пролетарское революционное, движение вообще, коммунистическое в особенности, не может обойтись без анализа и разоблачения теоретических ошибок «каутскианства».

Актуальность разбора каутскианских ошибок состоит, во-вторых, в том, что они находятся в прямой связи с каутскианством современным. Начав в борьбе против Бернштейна с отрицания абсолютного обнищания и тем самым с затушевывания капиталистических противоречий, перейдя затем на позиции Бернштейна, каутскианцы завершают теперь свою эволюцию в качестве социал-фашистов прямого орудия капиталистического наступления на рабочий класс. Разоблачение теоретических основ каутскианства в теории обнищания является поэтому составной частью развернутой борьбы против социал-фашизма, против социал-интервентов, против апологетов наемного рабства.

Выступление Бернштейна, Струве и других, как известно, имело центральным своим пунктом утверждение, что марксово «констатирование» обнищания рабочего класса могло соответствовать только первой половине XIX в. и совершенно не соответствует ни дальнейшему развитию капитализма, ни возможности достижения «конечной цели». В ответ на это Каутский и Плеханов все свое внимание и всю аргументацию сосредоточили на доказательствах неправильного понимания критиками смысла марксовых положений. По мнению Каутского и Плеханова, бернштейнианская критика ошибочно приписывала Марксу отрицание возможности повышения жизненного уровня рабочего класса и ошибочно толковала положения об обнищании в абсолютном смысле. По мнению Плеханова и Каутского — Маркс допускал постепенный подъем жизненного уровня с развитием

„Некоторые „критики“, — говорит Плеханов, — в том числе и г. П. Струве, доказывают что у Маркса речь шла вовсе не об относительном, а об абсолютном его (положения рабочих—П. О.) ухудшении... Так ли это на самом деле?“<sup>8</sup>

<sup>8</sup> Плеханов, Собр. соч., т. XI, с. 220—221.

капитализма и настаивал только на росте относительного обнищания.

Приведа затем выдержку из «Наемного труда и капитала» по поводу быстрого накопления капитала и еще более быстрого относительного уменьшения источников заработка, он продолжает:

„В то время Маркс полагал, как видно, что относительное уменьшение источников заработка непременно должно вести к понижению заработной платы. Поэтому он думал, что с развитием капитализма заработная плата стремится к понижению. Это был взгляд, общий со многими тогдашними социалистами. Но в брошюре „Наемный труд и капитал“ экономические взгляды Маркса выступают перед нами еще не в законченном своем виде. По прямому и ясному смыслу его законченной доктрины... относительное ухудшение положения рабочего может сопровождаться повышением его платы“<sup>4</sup>.

Еще более определенно формулирует те же положения Каутский.

„Слово „нищета“—, говорит Каутский,— может означать либо нищету в физическом смысле, либо нищету в социальном смысле. В первом случае она измеряется физиологическими потребностями человека, которые конечно не всюду и не всегда одинаковы, но все-таки совсем не обнаруживают таких огромных различий, как социальные потребности, неудовлетворение которых влечет за собой социальную нищету. Если мы будем понимать эти слова в физиологическом смысле, то утверждение Маркса, действительно, окажется несостоятельным. Как раз в самых передовых капиталистических странах нельзя констатировать всеобщего увеличения физической нищеты; все эти факты указывают скорей на регресс ее, хотя и крайне медленный и не повсеместный. В настоящее время жизненный уровень рабочих классов гораздо выше, чем 50 лет тому назад“<sup>5</sup>.

Вот окончательный вывод, к которому приходит Каутский:

„Капиталистическому способу производства несомненно свойственна тенденция ухудшать положение как пролетариата, так и всей массы населения, и таким образом он порождает все больше и больше нищеты; но он также порождает тенденции, стремящиеся ограничить эту нищету. Неудержимо растет не физическая, а социальная нищета, а именно—противоположность между культурными потребностями и возможностью для отдельного рабочего удовлетворить их. Другими словами, количество продуктов, достигающих каждому отдельному рабочему, может увеличиваться, но доля рабочего в создаваемом им количестве продукта уменьшается“<sup>6</sup>.

В дальнейших своих выступлениях, на протяжении всего нескольких лет, Каутский проделал настолько значительную эволюцию, что между ним и Бернштейном различие почти исчезло. Уже через 3—4 года после выпуска «Анти-Бернштейна» Каутский писал:

„Я не имею также в виду возобновлять дебаты относительно пресловутой, успевшей всем надоесть, теории обнищания. При некоторой ловкости эти дебаты можно продолжать до бесконечности, так как в них речь идет больше о значении слова нищета, чем о констатировании определенных фактов. Мы, социалисты, все сходимся в том, что капиталистический способ производства там, где он предоставлен самому себе, приводит к увеличению физической нищеты; но мы сходимся также и в том, что уже в современном обществе организация рабочего класса и вмешательство государственной власти могут поставить преграды развитию этой нищеты“<sup>7</sup>.

Выступая на Любекском партийном собрании германской с.-д. партии, Каутский посвятил также несколько слов и теории обнищания. Выступление это было характерно тем, что в нем со всей откровенностью обна-

<sup>4</sup> Плеханов, Собр. соч., т. XI с. 222—223 (разрядка наша).

<sup>5</sup> К. Каутский, Анти-Бернштейн, 1923, с. 186—187 (разрядка наша).

<sup>6</sup> Там же, с. 203 (разрядка наша).

<sup>7</sup> К. Каутский, Социальная реформа, гл. V (разрядка наша).

ружилось то, что в «Анти-Бернштейне» еще гримировалось. «Как же обстоит дело с «теорией обнищания?»— спрашивал Каутский. И отвечал:

„Теория эта утверждает, что положение вещей, прежде чем улучшиться, должно все ухудшаться, что пролетариат будет впадать во все возрастающую нищету, пока она не станет совершенно невыносимой, и лишь тогда загорится заря великого дня освобождения. Товарищи, поддерживал ли эту теорию кто-либо из партии с притязанием на ее серьезное значение? К о н е ч н о, н е т. Она давно уже была отвергнута и отвергнута не кем иным, как самим Марксом в „Капитале“. „Возрастающее обнищание“ надо понимать лишь как тенденцию, а не как безусловную истину“.

Мы видим таким образом, что и Плеханов, и Каутский сходятся в своей «защите» на той точке зрения, что Маркс после «Коммунистического манифеста» «поправил» себя и отказался от абсолютного обнищания. Мы видим, что оба они понимают обнищание только как относительное, считая абсолютное обнищание «снятым» уже самим ходом развития капитализма. Мы видим затем, что в вопросах о профсоюзах и о «конечной цели» Каутский целиком «сошелся» с Бернштейном.

Плеханов — Каутский утверждают, следовательно, что у Маркса обнищание «понимается» только в относительном смысле и что абсолютное обнищание «давно уже было отвергнуто и опровергнуто не кем иным, как самим Марксом». С этим однако совершенно нельзя согласиться. И прямые указания Маркса в «Капитале» и в других работах, и вся его экономическая система с категорической ясностью восстают против подобной «защиты». К абсолютному, а не только относительному обнищанию рабочего класса ведут с развитием капитализма рост техники и разделения труда, понижение стоимости рабочей силы, растущее вовлечение в промышленность населения отсталых стран, растущая тяжесть труда, капиталистические кризисы<sup>8</sup>, рост резервной армии.

Как известно, Маркс не только в «Наемном труде и капитале» но и в «Капитале» показал, что «в общем и целом широкие колебания заработной платы регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии», т. е. «тем изменяющимся отношением, в котором рабочий класс распадается на активную армию и резервную армию». Эта исключительная регулирующая роль резервной армии по отношению к уровню заработной платы основывается на том, что «относительное перенаселение есть тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда»: Резервная армия в зависимости от своих размеров с большей или меньшей силой давит на всю активную рабочую армию и оказывает влияние на движение уровня заработной платы.

Но Маркс не только выяснил роль резервной армии в колебаниях заработной платы. Он показал также (в «Капитале») что резервная промышленная армия, или относительное перенаселение, с развитием

<sup>8</sup> Появившаяся недавно книжка И. Бялого обещает внести в этот вопрос „полный перевод“. Признавая только относительное обнищание рабочего класса, И. Бялый находит основную причину капиталистических кризисов не в анархии производства, не в противоречии между общественным характером производства и частным присвоением, а в росте реальной заработной платы. „Когда увеличение накопления,—говорит он,— в такой мере усиливает спрос на рабочую силу, что происходит значительное увеличение реальной заработной платы, кризис делается неизбежным“ („Проблема воспроизводства в хозяйстве СССР“, 1930, с. 126). Автор этого „открытия“ может с полным основанием гордиться: его „теория“ обосновывает капиталистическую практику наступления на рабочий класс, практику перекладывания тяжести кризиса на плечи рабочих.

капитализма не уменьшается, а увеличивается. «Рабочее население, — говорит Маркс, — производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах само производит средства, которые делают его относительно избыточным населением»<sup>9</sup>.

Но если уровень заработной платы зависит от силы давления резервной армии, то какое тогда влияние должен оказывать на уровень заработной платы рост резервной армии? С ростом относительного перенаселения, и это совершается очевидно, должно усиливаться также и его давление на заработную плату, в смысле понижения последней. Рост резервной армии следовательно не может не обуславливать собой понижения заработной платы. Но рост относительного перенаселения является вместе с тем и относительным ростом той части рабочих, которые не имеют никакой заработной платы и обречены на нищету. Вместе с тем это есть рост необеспеченности, ненадежности для всех рабочих, понижение их жизненного уровня. Но разве все это в общем не есть абсолютное обнищание? И разве обоснование ему не дано в «Капитале»? Разве это «тенденция», которая была бы преодолена какой-либо другой, более могущественной «тенденцией»?

Мы имеем к тому же и прямые указания Маркса на неизбежный, по мере развития капитализма, рост абсолютного обнищания. И Каутский совершенно неправ, когда полагает, что в «Капитале» Маркс не настаивал больше на возрастающей нищете рабочего класса и понимал обнищание «лишь как тенденцию». Против такого толкования с исключительной убедительностью говорят сами положения Маркса. Приведем хотя бы следующие.

Первое: «Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, порабощения, вырождения и эксплуатация<sup>10</sup>... Маркс говорит здесь о росте «массы нищеты», росте вырождения, росте эксплуатации. Понимать рост «массы нищеты» лишь как «тенденцию» было бы также, несерьезно, как понимать в качестве тенденции или в относительном смысле «постоянное уменьшение числа магнатов капитала».

Второе: «Чем больше... резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого обратно пропорциональна мукам его труда. Наконец чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный, признанный властями пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления<sup>11</sup>.

Третье: «... последнее слово — нищета все возрастающих слоев активной рабочей армии и мертвый груз пауперизма»<sup>12</sup>.

Четвертое: «чем выше производительная сила труда, тем больше давление рабочих на средства их занятия, следовательно, тем ненадежнее необходимое условие их существования»<sup>13</sup>.

Пятое: «... накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации на противоположном полюсе...»<sup>14</sup>.

<sup>9</sup> „Капитал“, т. I, гл. XXIII, § 3.

<sup>10</sup> Там же, гл. XXIV, § 7.

<sup>11</sup> Там же, гл. XXIII, § 4.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Там же.

<sup>14</sup> Там же.

Наконец, шестое: «... с прогрессом капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию понижаться даже по отношению к труду среднего качества»<sup>15</sup>.

Можно ли после этого принять в серьез каутскианскую версию о марксовом опровержении абсолютного обнищания? Можно ли утверждать, что, говоря о растущем постоянном перенаселении, о растущих муках труда, о росте нищеты все возрастающих слоев активной рабочей армии, о ненадежности существования, об одичании, деградации, об абсолютном законе капиталистического накопления, наконец, росте официально признанного властями пауперизма и тенденции заработной платы понижаться даже по отношению к труду среднего качества, Маркс понимал только относительное обнищание? Не слишком ли странным кажутся «тенденции», которые даже официально признаются властями?

Теория обнищания Маркса одинаково включает в себя и относительное, и абсолютное обнищание. Об этом говорит «Капитал», об этом говорят «Коммунистический манифест», «Наемный труд и капитал», об этом же говорит и недавно найденная рукопись Маркса о заработной плате. В этой последней Маркс с исчерпывающей ясностью устанавливает, что «в ходе развития заработная плата понижается двояким образом<sup>16</sup>: во-первых, относительно, по отношению к развитию общего богатства; во-вторых, абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается»<sup>17</sup>.

Мы можем следовательно с полным основанием заключить, что понимание возрастающего обнищания только как относительного совершенно не соответствует истинному учению Маркса. Было бы однако неправильно полагать, что то или другое толкование этого важнейшего вопроса ограничивалось для Каутского только академической стороной его. Отнюдь нет. Правильнее будет сказать, что абсолютное обнищание «исключилось» из системы Маркса именно для того, чтобы оправдать точку зрения отрицания абсолютного обнищания в действительности. Насколько это последнее соответствовало существу самих фактов, это вопрос другой.

Важно то, что факты Каутскому были известны, ими он не раз в самых различных своих работах оперировал, но в методе, помощью которого факты оценивались, Каутский обнаружил ряд особенностей. В чем эти особенности заключались?

Первая особенность метода Каутского и Плеханова заключалась в своеобразном подходе к английскому уровню заработной платы. Как известно, сторонники приспособления капитализма, основываясь на подсчетных Гиффена<sup>18</sup> и ряда других буржуазных апологетов, вы-

<sup>15</sup> „Капитал“, т. III, ч. 1, 1922, с. 284.

<sup>16</sup> В этой связи уместно привести некоторые выводы т. Ф. Дингельштедта. По его мнению, „Маркс, который проникновенно понимал все общественное развитие, не мог построить „теории обнищания“ в каком-либо определенном смысле: у него нет... ни относительной, ни абсолютной теории обнищания. И далее: „мы приходим к тому выводу, что теория Маркса не может получить какого-либо абсолютного или относительного толкования“. „Накопление капитала и обнищание рабочего класса“, 1925, с. 100.

<sup>17</sup> Рукопись Маркса о заработной плате, Соч., т. V, с. 545.

<sup>18</sup> В прочитанном им докладе в Английском статистическом обществе он заявил, что в промежутке 1833—1883 гг. уровень заработной платы поднялся в некоторых отраслях английской промышленности на 100 и даже более процентов.

ступили с пропагандою «радикального перелома», наступившего в положении рабочего класса передовой капиталистической Англии. Вместе с буржуазными реформаторами они истолковывали это как доказательство наступления эпохи смягчения противоположностей между классами и укрепления социального мира. И Каутский, и Плеханов, особенно последний, подвергли выкладки Гиффена и других подробной критике. Но на чем сосредоточивалась эта критика? Она сосредоточивалась в основном на доказательстве только допущенных буржуазными «оптимистами» преувеличений, на замечаниях (совершенно правильных замечаниях) о росте цен, вздорожании квартир, увеличении расходов рабочего на переезды по железной дороге и т. д., но критика Плеханова — Каутского совершенно оставляла без внимания вопрос о так называемом «переломе» и о вступлении капитализма в «новую эпоху». Плеханов и Каутский исходили из признания факта улучшения положения английских рабочих, оспаривали только размеры этого «улучшения» и как бы молчаливо присоединились к тем, кто толковал английские условия как наступление новой эпохи. Между тем в этом последнем моменте и заключался центр вопроса. Независимо от того, действительно ли в Англии наблюдался некоторый подъем средней заработной платы, или этот подъем коснулся только небольшой группы рабочих, вопрос стоял о том, верно ли, что все это должно быть отнесено на счет общих «тенденций развития капитализма?» Верно ли, что подъем английской заработной платы (если только он имел место) объяснялся тем, что в Англии, как передовой капиталистической стране, лишь проявились те условия, которые станут впоследствии «всеобщим достоянием». Именно так стоял вопрос для ревизионистов и для буржуазных реформаторов.

В действительности же никаких оснований для такого понимания происходивших в Англии процессов не было. В действительности, если бы даже в Англии и обнаруживалось в то время некоторое повышение уровня заработной платы, объяснения ему надо было искать не в общем движении капитализма к абсолютному росту заработной платы, а в особенностях тех условий, которые в то время сложились тогда в Англии. Сочетание этих условий действительно могло в то время образовать тот «фон», на котором заработная плата могла несколько повыситься. Об одном из таких условий, именно о росте внешнего рынка и монопольном положении Англии до 80-х гг., мы уже говорили. Ослабление этого фактора в связи с появлением на мировом рынке конкурентов в виде Германии, Америки и других стран не замедлило тотчас же отразиться и на положении рабочего класса в Англии.

Значительную роль должен был также сыграть характерный для 50—80-х гг. значительный рост эмиграции из Англии. По цифрам, которые приводит Тойнби, за время с 1847 по 1880 г. из одной только Англии и Уэльса выселилось  $3\frac{1}{2}$  млн. чел.<sup>19</sup> Это не могло, конечно, не содействовать улучшению условий продажи рабочей силы в стране, которая быстрым темпом развивала промышленность. Речь идет следовательно не о «тенденциях», способных коренным образом изменить основное направление кривой заработной платы, а о временном сочетании условий, которые могли вызвать лишь некоторый ее изгиб. Только забвение анализа конкретных условий и подвержен-

<sup>19</sup> Арн. Тойнби, Промышленный переворот в Англии, с. 180.

ность влияниям буржуазных социал-политиков могли позволить Каутскому с такой легкостью констатировать «регресс нищеты в самых передовых капиталистических странах».

Здесь мы подходим и ко второй особенности метода Каутского. При оценке повышения или понижения жизненного уровня рабочего класса Каутский принимает во внимание только страны «самые передовые». В цитированной выше выдержке из «Анти-Бернштейна» Каутский писал, что если понимать обнищание как абсолютное, «утверждение Маркса действительно окажется несостоятельным», потому что «как раз в самых передовых капиталистических странах нельзя констатировать увеличения физической нищеты». Но именно такой способ анализа «как раз» не имеет ничего общего с Марксом. При определении движения жизненного уровня рабочего класса, так же как и при оценке положения рабочего класса в каждый данный момент, Маркс никогда не ограничивался только масштабом одной страны, тем более — страны «самого передового» колониального грабежа. Напротив, Маркс не раз указывал на необходимость при выяснении жизненного уровня рабочего класса всегда принимать в соображение уровень жизни не в одной стране, а в различных странах, во всех странах, т. е. и в «самых передовых», и не в передовых, и самых отсталых.

Значение этих указаний Маркса нетрудно понять, если учесть, что наряду с уровнем заработной платы передовой капиталистической страны существует также уровень заработной платы быстро растущих кадров рабочих Индии и Китая, Африки и Бразилии, если учесть с.-х. рабочих, занятых на плантациях сахара и каучука, чая и риса. Уровень их заработной платы достигает самых минимальных границ. Но разве можно сбрасывать их со счетов при оценке тенденций жизненного уровня пролетариата? «Когда говорят о понижении или повышении заработной платы, — подчеркивал Маркс, — никогда не следует упускать из виду всего мирового рынка и положения рабочих в различных странах». И еще раз: «Если говорят о повышении заработной платы, то следует заметить, что всегда следует иметь в виду мировой рынок и что повышение заработной платы покупается ценой того, что рабочие в других странах остаются без хлеба». В вопросе о «повышении заработной платы» Каутский нарушал эти указания, он следовал не методу Маркса, а своему собственному, особому методу. Иначе, ему не было бы так легко разделяться с абсолютным обнищанием и признавать «несостоятельными» положения Маркса. ✎

Следующей особенностью метода Каутского и Плеханова является полное игнорирование влияния безработицы на жизненный уровень рабочего класса. Как показывает вся история капитализма, даже в самые лучшие периоды «процветания», безработица в среде одних только промышленных рабочих сохранялась на уровне не ниже 3—4 процентов. Во время кризисов и следующих за ними периодов депрессий армия безработных увеличивается в несколько раз, достигая по отношению к занятой части рабочих 15, 20, 30, а то и более процентов. Безработица подрывает уровень благосостояния всего рабочего класса. Она создает такие условия купли-продажи рабочей силы, при которых, особенно в периоды острой безработицы, заработная плата падает ниже стоимости рабочей силы, абсолютно понижается. Вряд ли даже «в самых передовых капиталистических странах» можно найти такого рабочего, который бы в течение всего



своего рабочего возраста ни разу не был безработным. Как правило же, на долю каждого рабочего периоды безработицы, более или менее продолжительные, приходится по нескольку раз. А сколько еще есть рабочих, которые добрую долю своей жизни вынуждаются на хроническую бездеятельность и голодовку. Сколько рабочих, которые через безработицу теряют свою работоспособность, доходят до последней грани нищеты? Можно ли после этого судить об уровне жизни рабочих только по высоте ставок зарплаты, отвлекаясь от безработицы? Конечно нельзя. А раз это так, то мы должны будем признать, что фактически уровень жизни большинства рабочих стоит гораздо ниже того уровня, который складывается из заработной платы. И так как с развитием капитализма безработица увеличивается, усиливается ее влияние на снижение жизненного уровня рабочего класса. При оценке положения рабочего класса Каутский не принимал безработицу в расчет и таким путем значительно облегчил свою задачу отрицания абсолютного обнищания.

Той же цели служило и игнорирование значительной и постоянно существующей неравномерности в положении различных групп рабочего класса. Уровень заработной платы организованных и неорганизованных, высококвалифицированных и чернорабочих, мужчин и женщин далеко неодинаков. Обычно практикуемый в рядах противников теории обнищания прием: выдавать уровень заработной платы организованных рабочих или рабочей аристократии за уровень заработной платы всего рабочего класса, не выдерживает никакой критики. Достаточно хотя бы сказать, что в 1892 году организованные рабочие в Англии например составляли не более 11% всех рабочих. Улучшение положения организованной части рабочих не исключает, а иногда и предполагает еще большую эксплуатацию массы неорганизованных, а они составляют большинство рабочего класса. В одной из своих статей в «Neue Zeit», известной также и Каутскому, Энгельс отмечал, что «прочное улучшение (считая с 1848 года) замечается только среди... привилегированных групп рабочих. ...Они образуют аристократию рабочего класса; они добились довольно комфортабельного положения и считают его окончательным. Это — образцовые рабочие гг. Леона, Леви, Джифена и правдолюбца Луйо Brentano. И действительно, это — славные, легко доступные люди для разумного капиталиста в особенности и всего класса капиталистов — вообще. Что же касается всей массы рабочих, то среди них уровень нищеты и необеспеченности существования все тот же и, быть может, даже более высокий, чем когда-либо. Лондонский Ист-Энд представляет собой все расширяющееся болото нищеты, отчаяния, голода во время безработицы, физического и нравственного унижения, когда есть работа»<sup>20</sup>. Так писал Энгельс в 1885 году по поводу положения английских рабочих, положение которых по сравнению с рабочими всех других стран (за исключением разве Америки, где на протяжении нескольких десятилетий существовал недостаток в рабочей силе) было тогда наиболее благоприятным. Продолжать толковать и это высказывание Энгельса, как это делал впоследствии Каутский, в смысле только «тенденции», а не безусловной истины, не приходится. Энгельс прямо говорит о существующем более высоком уровне нищеты, о расширяющемся болоте отчаяния и голода. И это, повторяем, растущее об-

<sup>20</sup> Цитировано по Каутскому, Анти-Бернштейн, с. 188—189.

знищание и углубление различия в уровне жизни разных слоев рабочего класса имело место в «самой передовой капиталистической стране», в самые лучшие ее годы. Насколько же процесс обнищания большинства рабочего класса и усиления различия между положением рабочей аристократии и остальной частью рабочей массы должен был обостриться в последовавший затем период, период обострения конкуренции на внутреннем и международном рынке, прилива рабочей силы из отсталых стран и подкупа рабочей аристократии? Обо всем этом Каутскому пришлось умолчать. Иначе он должен был бы чрезвычайно затруднить свою задачу: доказать «несостоятельность» абсолютного обнищания.

Каутский игнорирует наконец марксов закон стоимости.

Накопление капитала и конкуренция ведут к концентрации производства, к организации его во все более крупных масштабах. Крупное же производство создает наиболее благоприятные условия для беспрепятственного развития разделения труда и применения машин. Какое влияние оказывает это на положение рабочего? Непосредственное влияние увеличившегося разделения труда и применения машин сказывается прежде всего в том, что оно упрощает труд рабочего. Сложные операции, выполнявшиеся ранее искусным, квалифицированным рабочим, дробятся на ряд более простых, частных приемов, которые в одной своей части передаются машинам, в другой — распределяются между рядом рабочих. В силу этого рабочая сила становится все более односторонней, на ее долю приходится всякий раз выполнение все менее сложной частичной операции с орудием или предметом труда. Обучение выполнению такой работы делается все более доступным для рабочего любого уровня подготовки, культуры, квалификации. Все больше превращение искусного труда в труд простой делает тем самым излишней длительную работу рабочего над своей квалификацией. Для того, чтобы «натаскаться» к выполнению определенных дробных приемов, в большинстве случаев требуется теперь всего только несколько дней или недель для обучения полуобученного или чернорабочего. Тем самым сводятся к минимуму или совершенно отпадают издержки на обучение, на подготовку рабочей силы, независимо от того, на какой возраст рабочего такие издержки должны быть отнесены. Тем самым осуществляется понижение стоимости рабочей силы. Такое движение стоимости рабочей силы под влиянием растущего разделения труда не только делает излишними определенные издержки на подготовку рабочей силы в будущем, но и обесценивает издержки уже затраченные. Если рабочий на протяжении ряда лет отрывал из своего скудного заработка некоторую его долю на собственную подготовку или обучение ремеслу своих детей, то эти затраты не получают затем своего эквивалента и оказываются для рабочего в большем или меньшем проценте утерянными. Наиболее реальное проявление этот процесс находит в понижении заработной платы, в облегчающейся для капиталиста возможности заменять более обученного рабочего менее обученным, в приравнивании первого ко второму на рынке труда.

Наряду с возможностью замены более искусных рабочих менее искусными, развитие техники и рост разделения труда, чем дальше, тем больше, делают также излишней физическую силу взрослого рабочего. В одних отраслях производства они сводят потребность в мускульной силе мужского труда к минимальным границам, в других высвобождают большее или меньшее количество операций, для

выполнения которых взрослый рабочий делается «чрезмерно дорогим». Таким образом создаются все условия, которые необходимы для того, чтобы сделать эксплуатацию не только самого взрослого рабочего, но и его семьи, его жены и детей возможной и доступной. Понижение заработной платы до границ нищенского существования делает возможность эксплуатации женского и детского труда для капиталистического производства необходимостью для рабочего. Вот почему с ростом капитализма наблюдается такой интенсивный рост применения женского и детского труда.

В свою очередь распространение женского и детского труда в капиталистическом производстве не может проходить бесследно для стоимости рабочей силы. В стоимость рабочей силы, в качестве одной из составных ее частей, входят затраты на существование семьи рабочего. После того как в производство вовлекается не только сам взрослый рабочий как глава семьи, но и его дети, его жена, из стоимости рабочей силы взрослого рабочего таким путем затраты на содержание семьи как бы снимаются. Стоимость рабочей силы взрослого рабочего становится после этого только частью той стоимости, которую она должна была бы составлять согласно своим определениям. Если бы даже совокупная заработная плата всех работающих членов семьи оказалась выше стоимости рабочей силы ее главы (стоимости, в которую входили бы также и затраты на содержание семьи), то и в этом случае существо происшедших изменений остается тем же: прежняя стоимость рабочей силы дробится теперь между самим рабочим и другими членами семьи, прибавочный труд доставлялся раньше одним рабочим, теперь несколькими. Стоимость рабочей силы в силу того понижается, норма эксплуатации растет.

Как установлено Марксом, стоимость рабочей силы определяется рабочим временем, общественно необходимым для ее производства и воспроизводства. То обстоятельство, что в определение стоимости рабочей силы в отличие от других товаров входит также «исторический и нравственный элемент», обуславливает собою различие величины стоимости рабсилы для различных стран. Для определенной страны, в определенное время стоимость рабочей силы представляет величину определенную. Иначе и быть не может. Из различия естественных, исторических и культурных условий вытекает также и различный средний уровень потребностей рабочего.

Но капитализм тем и характерен, что он все более втягивает хозяйство всех стран в круг мировых связей. И что особенно важно для рассматриваемого нами вопроса, процесс укрепления мировых связей отнюдь не ограничивается странами передовыми, но вовлекает в мировой рынок все более и более отсталые страны. Проникая в самые отдаленные, стоящие на наиболее низком уровне развития, страны, мировой капитализм насильственно вовлекает их в свой круговорот, разлагает устоявшиеся отсталые формы хозяйства, экономическими и внеэкономическими методами разоряет, превращает в нищих огромные массы населения. В поисках работы обнищавшие массы населения — крестьянство и ремесленники — отсталых стран, покидая родину, десятками и сотнями тысяч ежегодно вливаются в передовые промышленные страны, пополняя рынок труда. Полная необеспеченность существования и низкий уровень потребностей таких переселенцев и иммигрантов создают для капитализма наиболее выгодные условия их эксплуатации. Что же касается стоимости рабочей силы, то под влиянием этого растущего всасывания рабочей силы из отсталых

стран, под действием мирового рынка труда, она не может более сохранять свой прежний уровень. Она с неизбежностью, в зависимости от интенсивности процесса, выравнивается в соответствии с новыми условиями, соответственно понизившемуся среднему уровню потребностей. Она силой экономической необходимости должна претерпевать понижение. Останавливаясь в свое время на влиянии ирландцев на заработную плату английских рабочих, Энгельс писал, что «ирландцы открыли, что такое минимум жизненных потребностей, и учат этому английских рабочих». «Переезд в Англию стоит им не более четырех пенсов на палубе корабля, куда их набивают плотно, как скот. Самые худшие квартиры для них еще достаточно хороши; об одежде они мало заботятся, покуда она хоть кое-как держится на теле; обуви они не знают; пищу их составляет картофель и только картофель; что они сверх того зарабатывают, они тотчас же пропивают; зачем таким людям высокая плата?» «Во всех отраслях труда, в которых английскому рабочему приходится выдерживать конкуренцию с ирландским, заработная плата падает все ниже и ниже. И таких отраслей много: все те, где требуется мало сноровки или вовсе ее не требуется, открыты для ирландца»<sup>21</sup>. «Более культурный англичанин имеет больше потребностей, чем ирландец, который ходит в отрепьях, ест картофель и спит в свином хлеву. Но это не мешает ирландцу конкурировать с англичанами и постепенно понижать заработную плату, а с ней и степень культуры английского рабочего до уровня ирландского»<sup>22</sup>.

Останавливаясь на этом вопросе в своей рукописи о заработной плате, Маркс говорит следующее: «Хотя минимум заработной платы в среднем определяется ценой необходимейших средств существования, однако следует заметить: в о-п е р в ы х, что минимум в различных странах различен, напр. картофель в Ирландии; в о-в т о ф ы х, не только это. Сам минимум имеет свое историческое движение и все более и более понижается до абсолютного наименьшего уровня»<sup>23</sup>.

Это же положение Маркс воспроизводит и в «Капитале»: «Часто цитированный мною писатель XVIII века, автор «*Essay Trade and Commerce*», — говорит Маркс, — выдал лишь заветную мечту английского капитала, заявив, что историческая жизненная задача Англии состоит в том, чтобы понизить заработную плату английских рабочих до уровня французских или голландских... Ныне благодаря иностранной конкуренции, которой вследствие развития капиталистического производства подпали рабочие всего земного шара, мы значительно подвинулись в этом вопросе. В настоящее время дело идет уже не о том, чтобы английскую заработную плату понизить до уровня заработной платы на европейском континенте, а о том, чтобы европейский уровень в более или менее близком будущем спустить до китайского уровня»<sup>24</sup>.

Мы видим таким образом, что хотя стоимость рабочей силы для определенного периода и для определенных стран различна, но сама она имеет свое историческое движение, и последнее есть понимание стоимости по наименьшему уровню. Под влиянием тех или других конкретных условий заработная плата, как и стоимость рабочей силы, может в отдельных странах и на протяжении более или менее значительного промежутка времени повышаться. Однако вслед за тем это преходя-

<sup>21</sup> Ф. Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, гл. IV.

<sup>22</sup> Там же, гл. III.

<sup>23</sup> Названная работа, Соч., т. V, с. 544.

<sup>24</sup> „Капитал“, т. I, 1930, с. 473—474.

щее повышение сменяется неизбежно выравниванием стоимости и цены рабочей силы на более низком уровне. «Выравнивание заработной платы, — отмечает Маркс, — есть главная отличительная черта современной промышленности»<sup>25</sup>. Но «раз заработная плата понизилась, она уже никогда не поднимается до своей первоначальной высоты»<sup>26</sup>.

По Бернштейну и Струве, к которым примкнул в своей «защите» Каутский, главными средствами преодоления «тенденции к обнищанию», как и постепенного введения социализма, служат социальные реформы и профессиональные союзы. Бернштейн и Струве решительно уверены в том, что профессиональные союзы в рамках капитализма могут регулировать предложение и спрос на труд в интересах рабочего класса, совершенно устранить влияние резервной армии и распространить затем свое влияние на само регулирование капиталистического производства.

«Профессиональные союзы, — утверждал Бернштейн, — способны при капиталистическом способе производства приспособлять предложение труда к спросу, согласно принципам современного хозяйственного строя, способны парализовать роковое влияние резервной армии».

И все дело заключается лишь в необходимости «устроиться на почве современного порядка и ставить свою практическую задачу достижения истинного рабочего законодательства»<sup>27</sup>.

По Бернштейну и К<sup>о</sup> ошибки Маркса и состоят в том, что, настаивая на своих положениях об обнищании, он «недооценивал» роль и значение профессионального движения. «Утопическая черта, — поучает Струве, — должна была быть необходимо присуща марксизму, как теоретическому обоснованию социализма, пока он исходил и должен был исходить из фактических предпосылок 40-х годов, т. е. из теории обнищания. С тех пор выяснились, однако, реальные основы развития к социализму... действительно экономическое и политическое развитие власти рабочего класса в пределах капиталистического общественного порядка»<sup>28</sup>.

Того же взгляда держится и Давид. В цитированном уже выше его выступлении на Любекском партийном собрании Давид говорил, что в «Коммунистическом манифесте», «где при буржуазном обществе говорится, что оно не в состоянии даже кормить своих рабов — рабочих, превращающихся в нищих», не делается ни малейшего упоминания о противоположном действии профессиональных организаций». «Если кто-либо меняет свое мнение, — настаивал Давид, — то он должен иметь смелость и твердо сказать: «Мы ошибались».

Бернштейн и Каутский полагают, таким образом, что профессиональные союзы перекрывают тенденцию к обнищанию, что они в пределах капиталистического способа производства способны ликвидировать влияние резервной промышленной армии, что они могут осуществлять регулирование спроса и предложения труда, что наконец марксова теория неверна, потому что она недооценивает роли профессиональных союзов.

Начнем с первого вопроса. Верно ли, что профессиональные союзы могут постепенно устранить капиталистическую эксплуатацию и «от-

<sup>25</sup> Рукопись Маркса о заработной плате, Соч., т. V, с. 539.

<sup>26</sup> Там же, с. 541.

<sup>27</sup> Э. Бернштейн, К вопросу о железном законе заработной платы, изд. Зюнарева, 1902 г., с. 5.

<sup>28</sup> «Марксова теория социального развития», «Критическое исследование Петра Струве», с. 44.

менит»» обнищание? Абсолютно неверно. Ревизионистская теория приспособления капитализма насквозь противоречива и ложна. Никто конечно не может оспаривать того положения, что для уровня жизни рабочего класса отнюдь не безразлично противостоят ли рабочие капиталисту на рынке труда в качестве организованной или неорганизованной массы. Организованность рабочих при продаже рабочей силы усиливает позиции труда, неорганизованность эти позиции ослабляет и открывает дополнительные возможности для снижения зарплаты. Это однако не значит, что возможности улучшения положения рабочего класса путем организованного движения, поскольку остается существовать капиталистический способ производства, безмерны. В капиталистической действительности, раз она сохраняется, эти возможности не безмерны и целиком подчинены другим, более могущественным законам. Интересы класса капиталистов и класса рабочих противоположны. Экономическое существование капиталистов выражается в прибыли. Экономическое существование рабочих выражается в заработной плате.

Отношение между прибылью и зарплатой обратное, увеличение одной обуславливает сокращение другой. Владелец рабочей силы, сам рабочий, может существовать лишь тогда и постольку, когда и постольку он находит себе работу у владельца средств производства, у капиталистов. Работу же он находит себе только до той поры, пока своим трудом он обогащает капиталиста, пока капиталист извлекает определенную норму прибыли. Границы роста заработной платы ограничены таким образом границами нормы прибыли на капитал.

Вкладывая свой капитал в производство и нанимая рабочую силу, капиталист заранее исходит из необходимости получить на свой капитал такую прибыль, которая во всяком случае не была бы ниже определенной средней для всего общественного капитала нормы. Эта норма и представляет собою ту низшую для капитала и самую высокую для зарплаты границу, через которую капиталист не переступает. Это представляет истину, хорошо известную и буржуазным экономистам<sup>29</sup>.

Следовательно, мы должны будем прийти к выводу, что обещания постепенного ослабления эксплуатации и постепенного роста заработной платы на основе сохранения самих капиталистических отношений противоречат этим последним и по своему практическому значению равны обману.

Имея низшей границей среднюю норму, прибыль однако может повышаться выше этой нормы. Имея высшей своей границей сохранение средней нормы прибыли для капитала, заработная плата может однако понижаться до голодного минимума и даже снижает его. Такие возможности создает и для капитала, и для заработной платы существование резервной промышленной армии, более или менее значительное превышение предложения рабочей силы по отношению к спросу на нее, привлечение рабочей силы отсталых районов и стран.

Сторонники приспособления капитала полагают возможным уже

<sup>29</sup> „ В течение периода развитого капитализма, т. е. в известную историческую эпоху, заработная плата никогда не складывалась к невыгоде капитализма., она никогда не поднималась до такого уровня, чтобы извлечение прибыли из капитала стало невозможным. Если однако она (заработная плата—П. О.) все же возрастала в невыгодной для капитализма пропорции, то ему удавалось путем усовершенствования организации производства понизить стоимость рабочей силы и тем обезвредить роковое влияние повышения заработной платы“. (В е р н е р З о м б а р т, Современный капитализм, т. III, ч. 1, с. 461).

в пределах капиталистического способа производства ликвидировать и это зло. Путем «приспособления предложения труда и спроса, согласно принципам современного хозяйственного строя» они обещают «парализовать роковое влияние резервной армии» (Бернштейн). Достаточно хотя бы несколько вникнуть и в это положение, чтобы обнаружить полную его несостоятельность. В самом деле, что означает «приспособление предложения труда к спросу, согласно принципам современного хозяйственного строя»? Оно означает, по видимому, использование рабочими своей профессиональной организованности для продажи рабочей силы согласно капиталистическому закону заработной платы. Оно означает таким образом, что профессиональные союзы должны более выгодно для рабочего использовать складывающееся на рынке соотношение между спросом и предложением рабочей силы. Никакого другого «приспособления труда к спросу» без нарушения принципов современного хозяйственного строя и представить себе нельзя. Нельзя потому, что на самые основные процессы, слагающие соотношение между спросом и предложением труда, если только капиталистические принципы сохраняются, никакая организованность рабочих повлиять не может. Спрос на рабочую силу обусловлен уровнем производительности труда, абсолютными размерами производительного капитала и тем соотношением, которое существует между постоянной и переменной частью капитала. Профессиональные союзы не могут изменить движения ни одного, ни другого, ни третьего. Между тем движение это все более ведет к тому, что спрос на рабочую силу относительно уменьшается. И это влечет к относительному возрастанию резервной армии. Что же тогда остается от ревизионистского обещания парализовать в л и я н и е резервной армии, если сама резервная армия продолжает накапливаться? В условиях сохранения «принципов современного хозяйственного строя», другими словами, — в условиях господства закона продажи рабочей силы по ее рыночной цене, рост резервной армии означает не уменьшение ее «рокового влияния», а увеличение, не смягчение эксплуатации труда, а ее рост, не ликвидацию обнищания, не повышение жизненного уровня рабочего класса, а понижение этого уровня, рост нищеты.

От всей многообещающей теории приспособления капитализма остается в действительности для реформистских профсоюзов только приспособление к борьбе за частичные требования, за мелкие уступки, выработка таких средств самозащиты, которые бы оберегали замкнутый круг высококвалифицированных рабочих от «роковых влияний» всей остальной массы рабочего класса. Наиболее законченное выражение этих принципов мы имеем в практике английского и американского профессионального движения. Английские профессиональные союзы, которые Бернштейном и другими ревизионистами неоднократно выставлялись в качестве образца профессионального движения и подтверждения правильности их, ревизионистов, теории, как раз и характеризуются ярко выраженным буржуазным влиянием в рабочем движении.

Лучшей иллюстрацией к этому могут служить хотя бы отзывы, идущие со стороны буржуазии. Вот в каких чертах например обрисовывает роль английских трэдюнионов буржуазный историк Тойнби: «Английские трэдюнионы, — говорит он, — прибегают к конституционной агитации, не представляющей ни малейшей опасности для государства; мало того, их деятельность предотвращает насильственные расстройств в промышленности. ... Часто указывают на вред и разоритель-

ность стачек, но при этом забывают, что самые обширные союзы санкционировали наименьшее количество стачек. Союз механиков, насчитывающий 46 тыс. членов и имеющий отделения в Канаде и Индии, истратил с 1867 г. до 1877 г. на стачки только 6% всего дохода. Во главе такого большого союза стоят опытные, хорошо осведомленные люди, знающие, что в их интересах избегать стачек. ...Начиная с 1860 г., трэдюнионы заметно улучшили отношение между обоими классами. Предприниматели начинают сознавать их необходимость и выгоды, проистекающие из возможности вести переговоры с целой корпорацией рабочих через наиболее интеллигентных ее представителей. Примирительные бюро, где рядом заседают рабочие и предприниматели, были бы невозможны без трэдюнионов, заставляющих повиноваться их решениям»<sup>30</sup>.

Что касается способов, какими пользовались английские трэдюнионы в области «приспособления труда к спросу» и «парализации влияния резервной армии», то в основном они сводились к улучшению положения организованных рабочих путем у м е н ь ш е н и я предложения труда системою различных оградительных мер, как ограничение эмиграции, сокращение ученичества, отказ от сверхурочного времени и т. д.

Но и в том случае, когда профессиональное движение носит абсолютно массовый характер, оно преодолеть основного движения капитализма, ухудшения положения рабочего класса не может, как не может постепенно устранить капиталистическую эксплуатацию. Роль профсоюзов в их э к о н о м и ч е с к о й борьбе с капиталом дальней организации предложения рабочей силы, сопротивления давлению капитала, ограничения капиталистической эксплуатации до пределов «доходности» капитала итти не может. И здесь опять-таки надо сказать, что чем дальше идет развитие капитализма, тем эта экономическая борьба становится более трудной и тем с большей силой прокладывает себе путь процесс понижения жизненного уровня рабочего класса. Одновременно с тем, в силу растущей безработицы и ускоряющегося процесса обнищания широких трудовых масс, все более благоприятно складывается для рабочего класса и положение на рынке труда. Но такое развитие процесса в то же время неизбежно вызывает и обострение классовых противоречий, подъем политической борьбы рабочего класса против капитализма как такового. В организации этой борьбы, в массовом объединении рабочих для насильственного уничтожения самой системы эксплуатации и состоит основной смысл профессионального движения.

Когда Бернштейн, Струве и Каутский пытались приписать Марксу якобы полное игнорирование роли профессиональных союзов и их влияния на жизненный уровень рабочих, они допускали при этом явную передержку. Никто другой, как Маркс, в конце VIII главы I тома «Капитала» писал, что для того, чтобы защищать себя от «змеи мучений» (Генрих Гейне), рабочие должны объединиться и, как класс, вынудить государственный закон, мощное общественное препятствие, которое бы мешало им самим по добровольному контракту с капиталом продавать на смерть и рабство себя и свое потомство». Никто другой, как Маркс, отмечал и первые успехи этого движения. В примечаниях на той же самой странице Маркс отмечал, что «десятичасовой биль в подчиненных ему отраслях промышленности спас рабо-

<sup>30</sup> Арн. Тойнби, Промышленный переворот в Англии, 1898 с. 255, 256, 264



чих от полного вырождения и взял под свою охрану их физическое здоровье».

Значение профессиональной борьбы рабочих за улучшение своего положения было отмечено и Энгельсом. В своей критике проекта «Эрфуртской программы» германской социал-демократии Энгельс писал, что «организация рабочих и их постоянно растущее сопротивление может в известной мере предохранить их от дальнейшего роста нищеты» (разрядка наша — П. О.). Но ни Маркс, ни Энгельс никогда не связывали со всем этим иллюзий относительно возможности в рамках капитализма преодолеть рост нищеты и постепенно изжить эксплуатацию. «Рабочий, — читаем мы в «Коммунистическом манифесте», — живет лишь для того, чтобы увеличивать капитал, и живет только до тех пор, пока того требуют интересы господствующего класса. В буржуазном обществе живой труд есть только средство увеличения накопления капитала». «Лучшая одежда, — читаем мы в I томе «Капитала», — пища, обращение и большой запас денег столь же мало уничтожают состояние зависимости и эксплуатации рабочего, как и рабов».

Мы имеем наконец рукопись Маркса о заработной плате, в которой с исключительной ясностью определены роль и основной смысл профессионального движения:

«Если бы в рабочих союзах, — писал Маркс, — действительно дело шло только... об определении заработной платы; если бы отношение между трудом и капиталом оказывалось вечным, то эти коалиции потерпели бы крушение в борьбе с необходимым ходом вещей. Но они являются средством объединения рабочего класса, подготовки к разрушению всего старого общества с его классовыми противоречиями»<sup>31</sup>.

Таким образом тезис Бернштейна и Каутского о способности профессиональных союзов при капиталистическом способе производства приспособить предложение труда к спросу, парализовать влияние резервной армии и преодолеть обнищание рабочего класса не выдерживает никакой критики. Он рушится под первым же прикосновением экономического кризиса. Путем организованного движения рабочий класс неоднократно добивался улучшения условий труда. Он может и должен эту борьбу продолжить. В известной мере рабочий класс может при капитализме предохранить себя от дальнейшего роста обнищания. Но решающее значение рабочих организаций, как подчеркнул Маркс, заключается в сплочении масс для насильственного разрушения капиталистической системы.

Если Каутский и закрывал глаза на все, что противоречило его «пониманию», действительный ход вещей от этого не изменился. Он продолжал свое движение согласно закону развития капиталистического способа производства. И надо сказать, что это развитие шло не в соответствии с тем, как «понимал» его Каутский, а вопреки его «пониманию», в опровержение его и в доказательство полной состоятельности теории Маркса. Развитие капитализма продолжало осуществлять и относительное, и абсолютное обнищание рабочего класса<sup>32</sup>.

<sup>31</sup> Рукопись Маркса о заработной плате, Соч., т. V, с. 555—556 (разрядка наша).

<sup>32</sup> Совершенно иного отношения к этому вопросу держатся С. А. Гурвич, В. П. Позняков и А. Леонтьев. Так например в своей „Заработной плате“ (1929) Гурвич и Позняков находят, что тенденция „заработной платы при капитализме

Несколько слов о фактической стороне вопроса.

В 1912 г. Ленин выступил в «Правде» со статьей «Обнищание в капиталистическом обществе». Касаясь положения германских рабочих в промежутке 1880—1912 гг.<sup>33</sup>, Ленин пришел к выводу, что в Германии в продолжение этого периода происходило не только относительное, но и абсолютное обнищание. Вот что писал Ленин в своей статье: «Буржуазные реформисты, а за ними некоторые оппортунисты из рядов социал-демократии утверждают, что обнищание масс в капиталистическом обществе не происходит. «Теория-де обнищания» неверна: благосостояние масс, хотя медленно, но растет, пропасть между имущими и неимущими не углубляется, а уменьшается. ... Вот некоторые данные относительно Германии, где положение рабочих несравненно лучше, чем в России, благодаря более высокому культурному уровню, благодаря свободе стачек и союзов, благодаря политической свободе миллионов членов профессиональных союзов, миллионов читателей рабочих газет. По данным буржуазных социал-политиков, опирающихся на официальные источники, заработная плата рабочих в Германии возросла за последние 30 лет в среднем на 25%. За тот же период времени стоимость жизни повысилась по меньшей мере на 40%!! И съестные продукты, и одежда, и топливо, и квартиры — все поднялось в цене. Рабочий нищает абсолютно, т. е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить хуже, питаться скуднее, больше недоедать, ютиться по подвалам и чердакам. Еще нагляднее однако относительное обнищание рабочих, т. е. уменьшение их доли в общественном доходе. Сравнительная доля рабочих в быстро богатеем капиталистическом обществе становится все меньше, ибо все быстрее богатеют миллионеры... Богатство растет в капиталистическом обществе с невероятной быстротой наряду с обнищанием рабочих масс»<sup>34</sup>.

После статьи Ленина прошло около двух десятилетий. Мы имеем теперь работу С. Н. Прокоповича о «Народном доходе западноевропейских стран». Автор этой книжки — типичный адвокат капитализма. При помощи тенденциозно подобранных, почти исключительно официальных, статистических материалов он изо всех сил пытается доказать «выводы», что «высота трудовых доходов в капиталистических странах зависит от величины их национальных капиталов»<sup>35</sup>, что «рост национального капитала приносит выгоду не одним капитали-

различна в различные его эпохи» (с. 129). Они насчитывают в тенденции зарплаты при капитализме три фазы: «1) падение абсолютной зарплаты, 2) повышение абсолютной при понижении относительной и 3) падение абсолютной и относительной зарплаты», (с. 129). В противоречие Марксу и Ленину они характеризуют период семидесяти—девятисотых годов «общим повышением реальной заработной платы». «Касаясь специально Германии, они считают, что общая тенденция движения реальной заработной платы в Германии», «начинает обнаруживаться в 80-х годах и развивается в повышательном направлении вплоть до самой войны». (с. 121).

Еще более «решительных» позиций в этом вопросе держится А. Леонтьев. В своем учебнике для совпартшкол он утверждает, что «положение европейских рабочих за последнюю полсотню лет в известной мере улучшилось» («Начальный курс политэкономии», 1928, с. 127.

<sup>33</sup> То-есть того самого периода, который Гурвич и Позняков относят ко «второй фазе», а Леонтьев к «последней полсотне лет».

<sup>34</sup> Ленин, Обнищание в капиталистическом обществе, Собр. соч., изд. 1-е, т. XII, с. 565—566 (подчеркнуто Лениным).

<sup>35</sup> С. Н. Прокопович, Народный доход западноевропейских стран, 1930, с. 183. Книжка выпущена Гизом с предисловием С. Г. Струмилина. «Заподозрить его (Прокоповича — П. О.), — читаем мы в предисловии, — в тенденциозном отборе цифр... нет основания. И тем ценнее становятся его выводы» (П?)

стам»<sup>36</sup> и т. д. Однако факты, сколь ни прикрашиваются и ни смягчаются они в изображении буржуазного апологета, с исключительным упрямством вырываются из его схемы. И вот, что обнаруживаем мы из некоторых таблиц, приводимых Прокоповичем:

Распределение народного дохода в Саксонии<sup>37</sup>

	1880	1896
Население . . . . .	2 972 805	3 844 503
Лиц с доходом (в ‰) . . . . .	37,7	41,1
Средний годовой доход на 1 чел. различных групп (в бюджетн. единицах):		
До 0,1‰ населения . . . . .	108,2	126,6
От 0,1 до 0,2‰ населения . . . . .	33,7	38,0
„ 0,2 „ 0,3‰ „ . . . . .	24,3	25,8
.....		
От 4,0 до 10,0‰ населения . . . . .	3,0	2,7
„ 10,0 „ 20,0‰ „ . . . . .	1,8	1,8
„ 20,0 „ 30,0‰ „ . . . . .	1,27	1,18
„ 30,0 „ 40,0‰ „ . . . . .	0,92	0,85
Более 40‰ населения . . . . .	—	0,48

Та же картина воспроизводится и по Берлину. Берлинские данные являются тем более ценными, что они безусловно типичны для крупных городских центров Германии. Приводим соответствующую таблицу<sup>38</sup>:

	1875	1896	1913
Население Берлина . . . . .	826 341	1 641 285	2 026 491
Лиц с доходом (в ‰) . . . . .	53,2	53,6	58,5
Средний годовой доход на 1 человека различных групп (в бюджетных единицах):			
До 0,5‰ населения . . . . .	104,7	98,4	78,3 <sup>39</sup>
.....			
От 4,0 до 10,0‰ населения . . . . .	5,4	3,8	3,7
„ 10,0 „ 20,0‰ „ . . . . .	3,5	2,5	2,7
„ 20,0 „ 30,0‰ „ . . . . .	2,69	2,16	2,08
„ 30,0 „ 40,0‰ „ . . . . .	2,00	—	1,59
Более 40‰ „ . . . . .	1,39	—	1,29

Прокопович делает из приведенных цифр тот «вывод», что чрезмерный рост доходов на одном полюсе капиталистического общества сопровождается «недостаточным (!) их ростом» (!?) на другом полюсе, т. е. среди неквалифицированных рабочих и бедняцко-средняцких групп крестьянства. Но кому же не ясно, что ни о каком росте в отношении этих последних групп говорить нельзя. Не о росте доходов, даже не о сохранении их на прежнем уровне, а о росте нищеты, о росте абсолютного обнищания, вот о чем говорят цифры.

Впрочем и сам Каутский, с такой решимостью отрицающий абсолютное обнищание, вынужден иногда делать признания, прямо противоположные своим реформистским выводам. Еще недавно он говорил о тех колоссальных возможностях полного преодоления абсолютного обнищания при капитализме, которые несут с собою реформистские профсоюзы и государственное законодательство. Но тот же Каутский, когда речь заходит о практическом осуществлении этого «решитель-

<sup>36</sup> С. Н. Прокопович, Народный доход западноевропейских стран, с. 182.

<sup>37</sup> Там же, с. 98.

<sup>38</sup> Там же, с. 104.

<sup>39</sup> К сожалению автор не дает более подробных показателей по этой группе. Они обнаружили бы несомненно рост доходов самой верхушечной части группы.

ного преодоления», не находит ничего лучшего, как обнаруживать собственную непоследовательность. К примеру:

«В 1891 г., — констатирует Каутский, — был проведен в Германии закон, который установил одиннадцатичасовой рабочий день для женщин, до того времени не защищенных законом. И это было все! С тех пор не было сделано на этом пути ни одно о шага, о котором стоило бы упоминать. В Германии за все 17 лет (писано в 1909 г. — П. О.) мы установили только десятичасовой рабочий день для женщин. В области рабочего законодательства, как и в области других социальных реформ, господствует полный застой<sup>40</sup>.

И далее:

«За последние годы развитие профессиональных союзов все более замедляется; повсюду они принуждены переходить к обороне. ...Удобные моменты, когда профсоюзы могут вести победоносную борьбу, становятся все более редкими»<sup>41</sup>.

Еще недавно Каутский утверждал, что понимание обнищания в смысле понижения жизненного уровня рабочего класса является «несостоятельным», что заработная плата рабочего класса с развитием капитализма все более растет, и понижается только доля рабочего класса. Но тот же Каутский, соприкасаясь с реальными фактами, вынужден признавать не «регресс», а «прогресс» нищеты и вновь доказывать собственную непоследовательность. Напрямик:

«Достоин внимания, — пишет он, — что уже в последние годы расцвета, когда промышленность работала вовсю, когда раздавались постоянные жалобы на недостаток рук, рабочие уже не были в состоянии повысить свою заработную плату, т. е. плату не в деньгах, а в средствах существования; эта реальная заработная плата скорее даже уменьшалась. Это было доказано многими исследованиями для различных слоев рабочего населения Германии. Для Америки мы имеем официальное признание этого факта для всего рабочего класса»<sup>42</sup>.

Приведя затем таблицу уровня заработной платы американских рабочих, обнаружившую с 1896 до 1907 г. снижение, Каутский приходит к заключению, что

«несмотря на расцвет промышленности реальная заработная плата в течение более чем десяти лет остается ниже, чем она была прежде. И это называется, — покачивает головою Каутский, — медленным, но верным улучшением положения рабочего»<sup>43</sup>.

И это называется, прибавим мы, абсолютным обнищанием.

Но самые убийственные, самые жестокие аргументы против автора «не физической», а «социальной нищеты» были нанесены все же автором «Размножения и развития в природе и в обществе». Исследуя статистику рождаемости и смертности в крупнейших капиталистических странах в последнюю половину столетия, Каутский должен был признать, что «в современном обществе... вырождение делает быстрые и внушающие опасения успехи»<sup>44</sup>. «...Продолжительный недостаток средств существования, продолжительное недоедание вряд ли выступали в животном мире в форме такого массового явления, как это наблюдается среди современного пролетариата»<sup>45</sup>.

<sup>40</sup> Каутский, Путь к власти, с. 52 (подчеркнуто нами — П. О.).

<sup>41</sup> Там же, с. 54—55 (подчеркнуто нами — П. О.).

<sup>42</sup> Там же, с. 57 (подчеркнуто нами — П. О.).

<sup>43</sup> Там же, с. 59 (подчеркнуто нами — П. О.).

<sup>44</sup> Каутский, Размножение и развитие в природе и в обществе, с. 189.

<sup>45</sup> Там же, с. 23.

После «Коммунистического манифеста» прошло более половины столетия. Как показали цифры, развитие капитала подтвердило правильность установленных Марксом законов. Все иллюзии ревизионистов относительно «самоизживания» капитализма и возможности для рабочего класса достигнуть коренного изменения положения в рамках буржуазного общества обнаружили всю свою лживость, полное банкротство. Современная действительность и прежде всего нынешний мировой капиталистический кризис рядом со строительством социализма и отсутствием безработицы в СССР более резко и более беспощадно, чем когда-либо, уничтожают ревизионистские нападки, открытые и замаскированные, на марксову теорию. Но вместе с нарастанием капиталистических противоречий, с ростом обнищания рабочего класса растет и понимание рабочим действительных причин его нищеты, гнета и рабства, растет организованность и сплоченность рабочего класса для разрушения капитализма. «Либо отдайся на милость капиталу, прозябай по-старому и опускайся вниз, либо берись за новое орудие, — так ставит вопрос империализм перед миллионными массами пролетариата. Империализм подводит рабочий класс к революции» (Сталин).

---

### «СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ КРИЗИСОВ» ГЕРЦЕНШТЕЙНА \*

Мы переживаем теперь период величайшего мирового экономического кризиса, потрясающего основы капиталистического строя. Известно, какое значение в деле развития революционного движения придавали кризисам Маркс и Энгельс, связывая непосредственно с ними революционные перспективы своего времени.

Не даром Энгельс писал Марксу после кризиса 1857 г.: «Во время острого кризиса я был абсолютно неспособен думать о чем-либо другом, кроме «Generalcrach»<sup>1</sup>.

Но «нынешний кризис развертывается на базе общего кризиса капитализма», когда «наряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самим фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма»<sup>2</sup>.

И мы знаем, что «противоречия капитализма в связи с мировым кризисом обостряются до крайности; мы убеждены, что «стабилизации капитализма приходит конец», что «подъем революционного движения масс будет нарастать с новой силой», что «мировой экономический кризис будет перерастать в ряде стран в кризис политический»<sup>3</sup>.

И потому коммунистическая мысль так остро и напряженно следит за процессом расширения и углубления кризиса. Неслучайно, что и теоретическая работа коммунистов сосредоточивается в большей мере на проблемах кризиса и империализма: только марксова теория кризисов и ленинское учение об империализме дают нам ключ к теоретическому осознанию современного капиталистического кризиса.

Между тем литература, излагающая и популяризирующая марксову теорию кризисов, чрезвычайно засорена буржуазными влияниями всех видов и оттенков.

Одним из вреднейших искажений марксистско-ленинской теории в учении о кризисах представляют собой получившие за последние годы широкое распространение писания Герценштейна.

Герценштейн — типичный эклектик-ревизионист, под прикрытием марксовых цитат грубо фальсифицирующий марксизм.

Написанные квази-научным и сверхпрофессорским языком в напыщенном и витиеватом стиле работы Герценштейна терроризируют читателя своей исключительной недоступностью.

Но эта буржуазно-профессорская манера писаний Герценштейна целиком соответствует эклектической мешанине их содержания, той смеси механистических и идеалистических воззрений, которую Герценштейн проповедует под видом «синтетической теории кризисов».

\* Статья по техническим причинам задержалась и не попала в предыдущий номер журнала.

<sup>1</sup> Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXII, с. 284.

<sup>2</sup> Сталин, Доклад на XVI съезде партии. Стеногр. отчет съезда, с. 20.

<sup>3</sup> Там же, с. 22.

Может быть Герценштейн дает марксовой теории только соответствующее своей терминологии «ученое» название?

Нет, к сожалению тут дело не в названии, а в том, что Герценштейн считает несовершенной теорию Маркса, что и развитие марксовой теории Лениным он признал недостаточным, а потому он вынужден по-новому, по-иному построить теорию кризисов, т. е. продолжить и пересмотреть марксово учение. Так, Герценштейн сообщает своим читателям, что «марксизм не сказал пока своего последнего слова в области теории кризисов... Появился ряд ценных работ, по-иному (по-иному, чем Маркс, Ленин? Иначе понять Герценштейна нельзя — А. Б.) ставятся некоторые основные вопросы, ясно обнаруживается желание победоносно прорваться наконец вперед к завершеному синтетическому объяснению»<sup>4</sup>.

В другом месте Герценштейн указывает, что «Ленин первый наметил путь к синтезу кажущихся внешне самостоятельными моментов... Но этот синтез до сих пор не завершен»<sup>5</sup>.

Мы видим следовательно, что Ленин сделал шаг вперед по пути к... Герценштейну, но все же до развернутой «синтетической» теории дойти он не сумел.

Не даром Герценштейн полагает, что его вступительная статья к книге Митчелля представляет собой «суммирование результатов движения марксистской мысли уже на другом познавательном уровне»<sup>6</sup>.

Но рассмотрим, что же представляет собой эта «синтетическая» теория кризисов, где по-марксистски, но по-иному, чем у Маркса, и по «иному познавательном уровне» ставятся основные вопросы теории кризисов.

По этой теории «всеобщий кризис перепроизводства наступает тогда, когда развившееся противоречие между производством и потреблением объективируется в суммарную производственно-потребительскую диспропорцию, ликвидация которой бескризисным путем (?) требует сознательного (!!!) коллективного (!!!) сокращения присваиваемой и накапливаемой прибавочной стоимости (!!!) и расширения покупательной способности рабочего класса и потребления класса капиталистов»<sup>7</sup>.

Но так как из этой тарбарщины трудно уловить смысл концепции автора, то предоставим слово Герценштейну, владеющему тайным шифром своих мудрых писаний.

Синтетическое понимание кризисов, — разъясняет Герценштейн, — «означает освоение этой проблемы в плане трех последовательных ступеней: 1) возможность кризисов, 2) неизбежность кризисов, 3) периодичность кризисов»<sup>8</sup>.

Рассмотрим сначала, как понимает Герценштейн проблему возможности и необходимости кризисов при капитализме.

<sup>4</sup> Вступительная статья к книге Митчелля, Проблемы капиталистического цикла с. XIV.

<sup>5</sup> Там же, с. XL.

<sup>6</sup> Там же, с. XIV.

<sup>7</sup> Вступительная статья к книге Митчелля, Проблемы капиталистического цикла с. XLII,

<sup>8</sup> Там же, с. XXXIII — XXXIV.

Верно, что Маркс отличает возможность кризисов от их необходимости. Чем же определяется возможность кризиса по Марксу?

Известно, что наиболее общую и абстрактную возможность кризиса Маркс видел в товарности общественного производства: уже в самой форме товара, заключающей в себе единство противоположностей — потребительной стоимости и стоимости — заключена общая, абстрактная возможность кризиса.

«Имманентная товару противоположность потребительной стоимости и стоимости частного труда,—говорит Маркс,—который в то же время должен представлять собой непосредственно общественный труд, особенного и конкретного труда, который однако функционирует лишь как абстрактный и всеобщий труд олицетворения вещей и овеществления лиц, — это имманентное противоречие в полярной противоположности товарных метаморфоз получает развитые формы своего движения. Следовательно уже эти формы заключают в себе возможность, однако только возможность — кризисов<sup>9</sup>, так как купля и продажа, являясь внешне совершенно самостоятельными по отношению друг к другу, могут оказаться разорванными и распавшимися, но, представляя собой внутреннее единство, они должны быть соединены, что насильственным путем и осуществляется кризисами.

Если возможность кризисов марксистская теория видит в товарном характере производства, то необходимость их и Маркс и Энгельс, и Ленин всегда объясняли основным, наиболее глубоким противоречием капитализма, неоднократно заявляя, что этим основным противоречием они считают противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения, ибо «это противоречие, сообщившее новому способу производства его капиталистический характер, заключало в себе зародыш всех современных противоречий»<sup>10</sup>.

Но Герценштейн по-иному, чем основоположники марксизма, понимает, чем определяется возможность кризисов, он извращает Маркса и Ленина и в объяснении причин неизбежного превращения возможности кризисов в условиях капитализма в действительность.

Возможность кризиса Герценштейн видит в анархии общественного производства.

«Анархия общественного производства, — утверждает Герценштейн во всех своих работах, — сама по себе обуславливает лишь возможность кризисов»<sup>11</sup>.

Но Ленин говорил нечто совсем иное об этом основном вопросе — о роли анархии производства; он неоднократно совершенно ясно и точно указывал, что именно необходимость кризисов обусловлена беспорядочностью и анархией капиталистического способа производства.

Герценштейн не понял, что анархия производства есть специфическое свойство капиталистического общества. отождествив анархию производства с товарностью хозяйства, он представляет себе поэтому, что в простом товарном хозяйстве кризисы возможны,

<sup>9</sup> Капитал, т. I, с. 65.

<sup>10</sup> Энгельс, Анти-Дюринг, с. 255.

<sup>11</sup> См. вступительную статью к Митчелю, с. XVI; выступление на дискуссии об американском кризисе; сб. „Экономический кризис в САСШ“, с. 26, и статью „Основные элементы теории кризисов“, в № 1 журн. „МХ и МП“ за 1930, с. 58 и 73.



но не необходимы, поскольку здесь имеется лишь анархия производства, содержащая только возможность кризиса.

Маркс говорит, что превращение возможностей кризиса в действительность требует ряда условий, не существующих в пределах простого товарного обращения.

И вот Герценштейн понял дело так, что в простом товарном хозяйстве возможность кризисов дана анархией производства, существующей здесь, но она не превращается в необходимость благодаря отсутствию в условиях простого товарного хозяйства противоречия между производством и потреблением, чем, как мы увидим дальше, объясняется по Герценштейну необходимость кризисов. Но Ленин никогда не отделял беспорядочность, анархию производства от основного противоречия капитализма. Он всегда рассматривал ее как капиталистическую анархию производства, являющуюся выражением противоречия между общественным производством и капиталистическим присвоением.

И согласно ленинскому пониманию наличие лишь возможности, но не необходимости кризисов в простом товарном хозяйстве объясняется вовсе не тем, что здесь имеется только анархия производства, но наоборот тем, что сама анархия производства находится здесь еще в зародышевом состоянии.

Понимание же анархии производства как идентичной лишь товарности хозяйства, а не как представляющей собой выражение классовых капиталистических отношений, Герценштейн позаимствовал у Каутского<sup>12</sup>.

Но такое понимание анархии производства ничего общего не имеет с высказываниями Ленина по этому вопросу.

Так, например в полемике с сисмондистами, Ленин заявляет, что марксистская теория кризисов «объясняет их противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения, — беспорядочностью производства»<sup>13</sup>.

Разбирая дальше вопрос о различии между возможностью и необходимостью кризисов и давая объяснение необходимости кризисов, Ленин пишет: «Анархия производства, отсутствие планомерности производства» — о чем говорят эти выражения? О противоречии между общественным характером производства и индивидуальным характером присвоения»<sup>14</sup>.

С особой же яркостью Ленин разъяснил свое понимание анархии производства как капиталистической анархии, включающей в себе товарность производства, но не сводящейся к ней одной, в спорах с Плехановым о программе партии перед II съездом РСДРП.

Плеханов в своем проекте объясняет кризисы, во-первых, ростом общественного неравенства и, во-вторых, ростом соперничества. Ленин же в возражениях на плехановский проект замечает: «Недостаток тот, что указаны 2 причины... Не указана основная причина кризисов «Planlosigkeit», отсутствие планомерности, частное присвоение при общественном производстве»<sup>15</sup>.

<sup>12</sup> Каутский, Собр. соч., т. II, с. 65—66.

<sup>13</sup> Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36.

<sup>14</sup> Там же, с. 39 (подчеркнуто мной — А. Б.).

<sup>15</sup> „II Ленинский сборник“, с. 26—27.

Мы знаем теперь, как искажает взгляды Маркса и Ленина «синтетическая теория» Герценштейна и в понимании анархии производства и в вопросе о том, чем определяется возможность кризисов.

Но это еще не все.

Считая, что анархия производства образует лишь бессодержательную возможность кризисов<sup>16</sup>, Герценштейн — заявляет, что анархия производства равнодушна к характеру кризисов<sup>17</sup>, более того, что анархия производства... сама по себе исключает однозначное постоянство типа диспропорций.

С точки зрения анархии как таковой непонятно, почему надвигающийся кризис не может быть преодолен<sup>18</sup>.

Здесь Герценштейн не только искажает ленинское понимание анархии производства, преподнося чисто каутскианское ее определение, но механистически противопоставляет возможность и необходимость кризиса, отрывая их друг от друга.

Но в марксовом понимании возможность и необходимость кризиса не оторваны друг от друга; наоборот возможность кризиса содержит в себе его необходимость в неразвитом виде, в то время как необходимость кризиса включает в себе возможность как свой момент.

Чтобы кризис стал действительным, он должен быть возможным. Но возможность отнюдь не всегда должна развиться в действительность; лишь найдя соответствующие для своего развития условия, она превращается в необходимость.

И если товарность хозяйства определяет возможность кризиса, то условия капиталистического способа производства создают материал для диалектического превращения этой возможности в необходимость.

Поэтому капиталистическая анархия производства, являющаяся выражением основного противоречия капитализма — противоречия между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения, — определяя необходимость кризиса, включает в себе и товарность производства как момент, обуславливающий возможность кризиса.

Но как Герценштейн объясняет необходимость кризисов при капитализме?

Считая противоречие между производством и потреблением руководящим противоречием<sup>19</sup> капитализма, Герценштейн утверждает, что «движение противоречия между производством и потреблением лежит в основе всего цикла»<sup>20</sup>, что противоречие между производством и потреблением вызывает кризис<sup>21</sup>, что «движение противоречия между производством и потреблением определяет тип кризисов (кризисы всеобщего перепроизводства)<sup>22</sup>, наконец что «необходимость всеобщих кризисов капиталистического хозяйства обусловлена специфическим противоречием между производством

<sup>16</sup> Журнал „Мировое хозяйство и мировая политика“ № 1 за 1930 г., с. 73.

<sup>17</sup> Вступ. статья к Митчеллю, с. XLI, см. также „МХ и МП“ за 1930 г., с. 58.

<sup>18</sup> Журн. „МХ и МП“ за 1930 г., с. 73, см. также вступ. статью к Митчеллю, с. LXII.

<sup>19</sup> Журн. „МХ и МП“ № 1 за 1930 г., с. 73.

<sup>20</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XLIII.

<sup>21</sup> Там же, с. LXIII.

<sup>22</sup> Там же, с. LXIV (подчеркнуто автором).

и потреблением, заложенным в природе буржуазного способа производства»<sup>23</sup>.

Это центральное положение своей концепции Герценштейн повторяет во всех своих работах<sup>24</sup>.

Между тем Ленин писал, что «нет ничего бессмысленнее, как выводить... будто он (Маркс — А. Б.) объяснял кризисы недостаточным потреблением»<sup>25</sup>.

Герценштейн конечно знает, что Ленин выступил против объяснения кризисов недопотреблением. Он не может не знать, что, говоря о противоположности между сисмондистской и марксистской теориями кризисов, Ленин писал: «Две теории кризисов, о которых мы говорим, дают им совершенно различные объяснения. Первая теория объясняет их противоречием между производством и потреблением рабочего класса, и вторая — противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения»<sup>26</sup>.

Но Герценштейн не смущается этим: все дело в том, что до него не было правильного, «синтетического» понимания потребления, и лишь поэтому Ленин считал бессмысленным объяснять кризисы недостаточным потреблением.

«Трудность осознания необходимости капиталистических кризисов, — разъясняет Герценштейн, — объясняется обычным неумением удержать в логическом поле зрения все эти моменты потребления одновременно... Силой теоретического синтеза надо охватить проблему потребления как единство трех определений — целевого, пропорционального и функционального. Тогда ясно раскрывается необходимость кризисов»<sup>27</sup>.

Ленин говорит, что нельзя кризисы объяснять недопотреблением, а Герценштейн разъясняет, что весь вопрос сводится к пониманию потребления, к точке зрения на потребление.

Герценштейн так и пишет: «Ленин борется против двух ошибок Сисмонди. Во-первых, против его наивного понимания противоречия между производством и потреблением... Выше мы видели, как надо понимать характер этого противоречия, чтобы правильно осознать необходимость кризисов. Во-вторых, Ленин возражает против попытки объяснить кризисы при капитализме, исходя лишь из противоречия между производством и потреблением (вдобавок еще неправильно понятого) и игнорируя анархическую природу капитализма»<sup>28</sup>.

Итак, так как теперь Герценштейн объяснил, «как надо понимать недопотребление», то теория недопотребления может быть вновь восстановлена в качестве истины последней инстанции.

Не даром Герценштейн говорит: «Если умеючи (весь вопрос в умении — А. Б.) повернуть ось явлений, случайное станет закономерным, в частном и индивидуальном неожиданно обнаружатся элементы общего. Это и будет научным открытием»<sup>29</sup>.

<sup>23</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXVII (подчеркнуто автором).

<sup>24</sup> Журн. „МХ и МП“ за 1930 г., с. 55 и ст. в сбор. „Эконом. кризис в САСШ“, с. 26

<sup>25</sup> Ленин, Собр. соч., т. III, с. 32.

<sup>26</sup> Там же, т. II, с. 36.

<sup>27</sup> Журн. „МХ и МП“ № 1 за 1930 г., с. 58; вступит. статья к Митчеллю, с. XL.

<sup>28</sup> Журн. „МХ и МП“ № 1 за 1930 г., примечание к с. 74.

<sup>29</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XV.

\*\*

Почему же бессмысленно и неверно объяснять кризис противоречием между производством и потреблением?

Прежде всего ведь противоречие между производством и потреблением несомненно существует и в простом товарном хозяйстве, поскольку здесь имеется противоположность частного и общественного труда; более того, оно существует и за пределами даже простого товарного хозяйства, ибо «если у древних не было перепроизводства, то там было чрезмерное потребление богатых»<sup>20</sup>.

И поэтому одним из основных доводов против теории недопотребления Ленин выдвигает то, что «недостаточное потребление (объясняющее будто бы кризисы) существовало при самых различных хозяйственных режимах, а кризисы составляют отличительный признак только одного режима — капиталистического»<sup>21</sup>.

Далее утверждение о происхождении кризисов из недопотребления ничего не объясняет, но наоборот лишь само нуждается в объяснении.

И поэтому Маркс говорит, что «было бы простой тавтологией сказать, что кризисы вытекают из недостатка платежеспособного потребления или платежеспособных потребителей», так как «капиталистическая система не знает иных видов потребления кроме оплачиваемого», и «если товары остаются нераспроданными, это не означает не чего иного, как то, что на них не находится платежеспособных покупателей, т. е. потребителей»<sup>22</sup>.

В самом деле, если товары остаются нераспроданными, то это лишь другое выражение несоответствия производства и платежеспособного спроса, но после признания этого остается невыясненным тот вопрос, который и должен как раз объяснить причину кризисов: почему производство и потребление пришли в такое несоответствие, что не оказалось платежеспособных покупателей?

Между тем, как это отмечали и Маркс, и Энгельс и Ленин, «именно в эпохи, предшествующие кризисам, потребление рабочих повышается»<sup>23</sup>.

И почему, несмотря на повышение в периоды, предшествующие кризисам потребительского спроса вообще, в ходе капиталистического цикла неизбежно наступает момент, когда на произведенные товары не находится платежеспособного спроса?

Ответа на этот вопрос теория недопотребления дать не может.

Далее, объясняя кризисы недопотреблением, эта теория ставит во главу угла несоответствие производства с доходом, образующим спрос лишь на предметы потребления, игнорируя роль отраслей производства, производящих средства производства, не понимая, что накопление есть превышение производства над доходом.

И характерно, что Герценштейн в перераспределении дохода видит возможность преодоления кризисов при капитализме.

Так, он пишет: «Не перераспределением капитала между отраслями производства, а перераспределением дохода между капиталистами и рабочим классом можно «снять» эту диспропорцию, т. е. кризис»<sup>24</sup>.

<sup>20</sup> Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, с. 194.

<sup>21</sup> Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36.

<sup>22</sup> „Капитал“, т. II, с. 296.

<sup>23</sup> Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36; см. также „Капитал“, т. II, с. 296—297.

<sup>24</sup> Герценштейн, вступит. статья к Митчеллю, с. LXII

Но ведь эта типичная социал-демократическая постановка вопроса: утверждение, что высокая заработная плата означает преодоление кризисов в условиях капитализма, составляет квинт-эссенцию всех современных писаний о кризисе немецких социал-демократов, которые, исходя из этой «теоретической основы», уговаривают капиталистов, что высокая оплата труда рабочих им самим вредна.

Вот например известный Фриц Нафтали утверждает, что «социалистическая конъюнктурная политика», направленная на снижение цен и повышение зарплаты, устраняет явления кризисов и депрессий при капитализме<sup>35</sup>, но Герценштейн повторяет социал-демократию не только в этом вопросе.

Тот же Нафтали в другой своей брошюре («Wirtschaftskrise und Arbeitslosigkeit», S. 11) говорит например, что «К. Маркс, к сожалению, не оставил нам полно развитой теории кризисов»; понимание Герценштейном анархии производства весьма сходно с рассуждением Н. Мошковской, противопоставляющей анархию производства как организационный принцип капитализма по социально-классовой природе (см. «Der Kampf» № 3 за 1931 г., с. 77 и 79).

Между тем при капитализме наибольшую командную роль играют отрасли, производящие средства производства, продукция которых обменивается на капитал, а не на доход; эти отрасли, в известных пределах, сами создавая себе рынок, одновременно увеличивая спрос на предметы потребления, играют и решающую роль в развертывании цикла.

А отставание потребления непосредственную связь может иметь только с реализацией продукции отраслей, производящих средства потребления. И поэтому Ленин, возражая против теории недопотребления, отводит противоречию между производством и потреблением место, как «относящемуся лишь к одному подразделению всего капиталистического производства»<sup>36</sup>, к подразделению средств потребления.

Но в капиталистической действительности, где развит кредит и самостоятельную роль играет торговый капитал, даже спрос на средства потребления может определяться не непосредственно величиной доходов (т. е. спросом непосредственных потребителей); он может здесь мистифицироваться более или менее продолжительное время например оптовым купцом: «Весь процесс воспроизводства может находиться в самом цветущем положении, и однако большая часть товаров может переходить в сферу потребления лишь по видимости, в действительности же она остается нераспроданной в руках перекупщиков, следовательно фактически все еще пребывает на рынке».

И когда «потом разражается кризис», то «он проявляется не в непосредственном уменьшении потребительского спроса, спроса со стороны личного потребления, а в сокращении обмена капитала на капитал»<sup>37</sup>.

Наконец теория недопотребления неприемлема с точки зрения методологической, ибо она «видит корень явления и вне производства» (т. е. в реализации, в обращении — А. Б.), в то время как марксов метод требует искать причины кризисов «именно в условиях производ-

<sup>35</sup> Fritz Naphtali, Konjunktur, „Arbeiterklasse und sozialistische Wirtschaftspolitik“, S. 27—29.

<sup>36</sup> Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36—37.

<sup>37</sup> „Капитал“, т. II, с. 38.

ства»<sup>38</sup>, ведь «...обмен... непосредственно заключен в производстве, или определяется этим последним», при этом «производство превалирует... над всеми другими моментами»<sup>39</sup>, а «отношения и способы распределения являются поэтому лишь оборотной стороной агентов производства»<sup>40</sup>.

Марксистская теория исходит из того, что при капитализме производство в известных границах само создает себе рынок, ибо, развивая накопление, оно должно расширять отрасли, производящие средства производства, а рост этих отраслей создает добавочный спрос и на предметы потребления. Следовательно капиталистическое производство само определяет потребление; здесь накопление и производство неизбежно обгоняют потребление, марксистская теория и подчеркивает этот факт непосредственной зависимости потребления от производства, в то время как теория недопотребления во всех вариантах перевертывает действительные отношения и представляет ход развития капитализма так, как будто потребление определяет здесь движение производства.

Но ведь и Маркс не раз говорил, что «последней причиной всех действительных кризисов остается все же бедность и ограниченность потребления масс»<sup>41</sup>.

И это утверждение Маркса не только не противоречит другим его высказываниям о кризисах, но является одним из центральных звеньев всей его теории кризисов. Ибо марксова теория в объяснении кризисов вовсе не отрицает значения факта недопотребления и не абстрагируется от него.

Она ничего общего не имеет с той фальсификацией ее, которую проводит Гильфердинг в своей концепции кризисов, заявляющий, будто марксова теория устраняет вообще момент нищеты масс из объяснения кризисов и что кризис вообще не имеет никакого отношения к недопотреблению масс<sup>42</sup>.

Марксова теория, — говорил Ленин, — «вполне признает этот факт (противоречия между производством и потреблением — А. Б.), но отводит ему надлежащее место... Она учит, что этот факт не может объяснить кризисов, вызываемых другим, более глубоким, основным противоречием современной хозяйственной системы, именно противоречием между общественным характером производства и частным характером присвоения»<sup>43</sup>.

Или, как пишет об этом Ленин в другом месте: «Неверность теории недопотребления состоит в объяснении кризисов только недостаточным потреблением рабочего класса»<sup>44</sup>.

Если марксистская теория признает известную независимость производства средств производства от производства средств потребления и от спроса, образуемого доходами, и исходя отсюда она утверждает, что капитализм сам создает себе рынок, то лишь при нелепейшем фантастическом изображении капиталистического производства автоматическим аппаратом самодвижущихся машин, где устранен челове-

<sup>38</sup> Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36 (подчеркнуто Лениным).

<sup>39</sup> Маркс, Введение к критике, с. 35.

<sup>40</sup> Там же, с. 29—30.

<sup>41</sup> „Капитал“, т. III, ч. 2, с. 18.

<sup>42</sup> Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 269 и 285.

<sup>43</sup> Ленин, Собр. соч., т. II, с. 36—37.

<sup>44</sup> Там же, т. XXI, с. 303 (подчеркнуто Лениным).

ческий труд вообще, где нет вообще общества — как это апологетически изображает Туган — можно допускать полную и абсолютную независимость производства от потребления.

Ведь «в конечном счете изготовление средств производства необходимо связано с изготовлением предметов потребления, ибо средства производства изготавливаются не ради самих же средств производства, а лишь ради того, что все больше и больше средств производства требуется в отраслях промышленности, изготовляющих предметы потребления»<sup>45</sup>.

И поэтому Ленин пишет, что «различие (между сисмондистами и марксистами — А. Б.) состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственной, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть: потребление в конечном счете должно идти за производством, и если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно»<sup>46</sup>, и выражается оно в периодически происходящих кризисах.

Поэтому Маркс и говорит, что последним основанием кризисов является нищета масс.

Кризис выражается и в доведенном до открытого взрыва противоречии производства и потребления. Но производство и потребление возводятся в момент кризисов на степень абсолютного противоречия именно противоречием между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения.

Этот разрыв производства и потребления является одним из главных выражений основного противоречия капитализма.

Но было бы неверным отождествлять противоречие между общественным характером производства и капиталистическим способом присвоения с противоречием между производством и потреблением, сводя первое к последнему.

Ибо противоречие общественного производства и капиталистического присвоения имеет множество своих проявлений; как «основное противоречие, заключающее в себе все те противоречия, в которых движется современное производство», оно обнаруживается и в противоположности капитала и труда, пролетариата и буржуазии и в противоречии между общественной организацией производства на каждой фабрике и анархией капиталистического производства в целом, и в обнищании рабочих масс, развивающемся одновременно и соотносительно с возрастанием богатства и в столкновении способа производства и способа обмена<sup>47</sup> и в противоречивости развития различных отраслей капиталистического производства.

Маркс, указывая, что Сисмонди, чувствуя противоречивость капитализма, подходил тем самым к созданию его основного противоречия, говорит, что это противоречие выражается в «противоречии потребительской ценности и меновой ценности, товара и денег, покупки и

<sup>45</sup> Ленин, "Собр. соч.", т. II, с. 424.

<sup>46</sup> Там же (подчеркнуто Лениным).

<sup>47</sup> Энгельс, Анти-Дюринг, с. 269—270.

продажи, производства и потребления, капитала и наемного труда и т. д.»<sup>48</sup>.

Таким образом не потому кризисы становятся необходимыми в капиталистическом обществе, что здесь имеется противоречие между производством и потреблением, как думает Герценштейн; это противоречие существует и в простом товарном хозяйстве, оно существовало и до него, конечно нося здесь качественно другой характер.

Кризисы при капитализме необходимы потому, что капиталистическому способу производства присуще противоречие между общественным характером производства и капиталистическим<sup>1</sup> (способом присвоения, что обуславливает и анархичность и беспорядочность общественного производства и придает и противоречию между производством и потреблением качественно другой (по сравнению с простым товарным хозяйством) характер противоречия капитала и труда, периодически возводя его на степень абсолютного противоречия.

И хотя автор «синтетической теории» кризисов — Герценштейн — стремится «прорваться наконец вперед к завершеному объяснению кризисов», но в вопросе о необходимости кризисов он преподносит нам отвергнутую Марксом и неоднократно осмеянную Лениным старую, потрепанную теорию, объясняющую кризис противоречием между производством и потреблением.

Теория, объясняющая кризис недопотреблением, проявляет чрезвычайно большую живучесть.

Давно уже делаются попытки переделки и марксистской теории кризисов на сисмондистски-родбертусианский лад.

Несомненно, что первенство в подобном искажении марксовой теории принадлежит Каутскому: объяснение кризисов недопотреблением является лейтмотивом каутскианского понимания кризисов. И такое понимание вполне соответствует политическим установкам социал-демократии: стремясь отвлечь внимание рабочих масс от коренных противоречий капитализма и от задач свержения буржуазии, социал-демократы хотят представить все бедствия рабочего класса как результат недостатков сферы обращения; и основной задачей пролетариата они выдвигают активное воздействие на регулирование капиталистического обращения. А если изобразить кризис как результат противоречия производства и потребления и свести это противоречие к его рыночному выражению в сфере обращения — к противоречию предложения и спроса, то кризис тем самым объясняется неурегулированностью спроса и предложения, а не спецификой самого капиталистического способа производства.

\*\*

Итак, мы уже знаем, что противоречие между производством и потреблением согласно компетентному разъяснению автора «синтетической теории» обуславливает необходимость кризисов.

Но этим, оказывается, еще не дана действительность капиталистических кризисов. «Тайна кризисов» по учению Герценштейна заложена вообще столь глубоко, что вряд ли она когда-либо может быть

<sup>48</sup> Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 48.



постигнута человеческим разумом, если принимать всерьез утверждение Герценштейна, что она заключается в том, что «объективная необходимость раздвинуть границы потребления масс парализует моторное действие прибыли»<sup>49</sup>.

Но к счастью для всего человечества Герценштейн не ограничивается сей весьма звонкой, но пустой фразой, а сообщает кое-что более доступное пониманию о третьей «заключительной главе» синтетической теории цикла, где разбирается вопрос о периодичности кризисов и где рассматривается «кризис всеобщего перепроизводства не как сложившееся состояние, а как деятельное становление»<sup>50</sup>.

Правда, Маркс и Ленин писали о кризисах «на ином познавательном уровне», но мы нигде не встречали у них обособления периодичности кризисов от их необходимости.

И в самом деле, выяснив необходимость кризисов при капитализме, мы, тем самым устанавливаем и то, что они необходимо периодически наступают.

Ибо необходимость кризисов при капитализме означает неизбежность и циклического хода развития капитализма.

«Как небесные тела, раз они приведены в известное движение, — говорил Маркс, — постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, постоянно воспроизводит его. Следствия в свою очередь становятся причинами, и сменяющиеся фазы всего процесса, который постоянно воспроизводит свои собственные условия, принимают форму периодичности»<sup>51</sup>.

Несомненно, что и по Марксу и по Ленину необходимость кризисов включает в себе и их периодичность.

Но Герценштейн хочет еще раз доказать, что «синтетическая теория» по-иному, чем у Маркса и Ленина, ставит основные проблемы кризиса. И он не только обособляет оба эти момента, но механистически противопоставляет необходимость кризисов их периодичности, разрывая всякую связь между ними.

Так, рассматривая проблему периодичности, Герценштейн заявляет, что «здесь не ставится вопрос, почему кризисы неизбежно происходят»<sup>52</sup>, здесь «на третьей ступени мы... берем не самый кризис как таковой, ибо нас интересует здесь вопрос не о необходимости кризисов, а о разрывании этой необходимости в ходе цикла»<sup>53</sup>.

Дальше Герценштейн еще точнее поясняет свою мысль: «На первой ступени анализа мы брали возможность как таковую, на второй — необходимость как таковую. На третьей ступени мы изучаем многосторонний процесс перехода возможности в необходимость»<sup>54</sup>.

Теперь становится ясным, почему нужно противопоставить необходимость кризисов их периодичности и разорвать всякую связь между ними.

Оказывается, что существует «возможность как таковая» и «необходимость как таковая». Но эта «необходимость как таковая» еще не обуславливает перехода возможности в действительность. Действи-

<sup>49</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXIX.

<sup>50</sup> Там же, с., XLII.

<sup>51</sup> „Капитал“, т. I, с. 504.

<sup>52</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XLII.

<sup>53</sup> Там же, с. XLIII.

<sup>54</sup> Там же

тельность развертывается лишь в том случае, если в ее превращении из возможности примет участие новая, рожденная схоластикой Герценштейна категория необходимости «не как таковой».

После всех этих «открытий» неудивительно, что Герценштейн основным недостатком сисмондистской школы считает то, что она «упускает из виду периодичность кризисов» и что «неудовлетворительность бесчисленного множества объяснений» кризисов со стороны немарксистов по мнению Герценштейна происходит «помимо логических ошибок анализа — от непонимания методологической обязательности подобного ступенчатого построения и бессознательной для самих исследователей фиксации теоретического анализа лишь на одной из этих ступеней»<sup>56</sup>.

Ведь весь «синтез» Герценштейна и заключается в том, что он эклектически объединяет в своей концепции кусочки различных и противоположных теорий.

Герценштейн впрочем, не скрывая, сам сообщает о таком своем понимании синтеза.

«Одни, — пишет он, — сводят основу кризиса к недопотреблению, другие — к диспропорциональности, третьи — к ухудшению условий присвоения прибыли. Каждая из этих точек зрения неверна потому, что носит односторонний характер»<sup>56</sup>.

Если же теории мелкобуржуазных сисмондистов и буржуазных диспропорционалистов неверны только вследствие своей односторонности, то тогда действительно имеются все основания к соединению их в многостороннее синтетическое учение.

И Герценштейн так и поступает, под флагом синтеза преподнося насквозь эклектическую теорию кризисов.

Но здесь у него нет разрыва теории с практикой, ибо защищаемое Герценштейном вульгарное понимание причинности и требование замены причинного объяснения взаимодействием служит ему методологическим обоснованием для построения теории кризисов из кусков и элементов различных теорий.

Герценштейн приводит уйму цитат из Гегеля, Энгельса и Ленина по вопросу о причинности. Но в марксистском понимании проблемы причинности Герценштейн совершенно не разобрался.

Конечно «причина и следствие, ерго лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, «лишь звенья в цепи развития материи», — как говорит Ленин, — и когда мы говорим о причине, то предполагаем «всесторонность и всеобъемлющий характер мировой связи, лишь односторонне, отрывочно и неполно выражаемой каузальностью»<sup>57</sup>.

Но диалектический материализм не отказывается от причинного объяснения; и взаимодействие он рассматривает как причинное отношение, подчеркивая недостаточность и пустоту голого понятия «взаимодействия»<sup>58</sup>, утверждая, что только «взаимодействие» = пустоте<sup>59</sup>, как отмечает это Ленин.

И если Ленин замечает, что Гегель так мало останавливается на каузальности «потому, что для него каузальность есть лишь одно

<sup>56</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXIV.

<sup>56</sup> Журн. „МХ и МП“ № 1, за 1930 г., с. 58.

<sup>57</sup> „IX Ленинский сборник“, с. 161.

<sup>58</sup> Там же, с. 167.

<sup>59</sup> Там же, с. 169.

из определений универсальной связи, которую он гораздо глубже и всестороннее охватил уже раньше во всем своем изложении, всегда и с самого начала подчеркивает эту связь, взаимопереходы и т. д.»<sup>60</sup>, то и Маркс мало останавливается непосредственно и специально на проблеме каузальности в объяснении кризиса, поскольку при рассмотрении процесса капиталистического производства он, — начиная уже с анализа товара, — всесторонне охватил связи и переходы возможностей и условий кризиса, раскрыв тем самым их необходимость.

Но Маркс вовсе не отказывается от применения категорий причинности при объяснении кризисов, ибо причинное отношение раскрывает отношение связи: «требование посредства (связи) — вот о чем идет речь при применении отношений причинности»<sup>61</sup>, говорит Ленин.

Герценштейн же, утверждающий против Митчелля, что «нельзя ни в коем случае удовлетвориться голой идеей взаимодействия»<sup>62</sup>, в результате отрицания допустимости причинного объяснения вообще, в конце концов сам оказался на позициях того же вульгарно понимаемого взаимодействия.

Ибо категория причинности по Герценштейну не только «перекрывается»<sup>63</sup> понятием взаимодействия, но по его пониманию причинность в марксистской теории заменяется отношением взаимодействия: «отношение причины и следствия, — пишет он, — должно быть заменено универсально широким диалектическим отношением взаимодействия»<sup>64</sup>.

Но в понимании самого взаимодействия Герценштейн воспринимает точку зрения философии прагматизма.

Считая, что прагматизм «в этом отношении (т. е. в понимании причинности — А. Б.) несомненно имеет нечто общее с диалектическим материализмом»<sup>65</sup>, Герценштейн тут же сам чисто сенсуалистски определяет жизнь как «...универсальное взаимодействие фактов»<sup>66</sup>.

И дальше Герценштейн заявляет, что он признает «бесспорной»<sup>67</sup> следующую насквозь идеалистическую, чисто прагматическую формулировку Митчелля, в которой категории причины и следствия рассматриваются исключительно субъективно: «Явление, которое нам сначала представляется следствием, затем превращается в причину, и так как тот процесс, за которым мы следим, непрерывен, то мы должны рассматривать одни и те же явления сначала с одной, а потом с другой точки зрения»<sup>68</sup>.

Замена причинного объяснения объяснением из прагматически понимаемого взаимодействия и есть переход на позиции методологии вульгарной и эклектической методологии взаимодействия.

Но эта методологическая основа вполне соответствует тому эклектическому вареву, которое под видом «синтетической теории кризисов» развивает Герценштейн.

<sup>60</sup> IX „Ленинский сборник“, с. 167 (подчеркнуто Лениным).

<sup>61</sup> Там же, с. 169, 61. Вступительная статья к Митчеллю, {с. XXIX.

<sup>62</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XXIX.

<sup>63</sup> Там же, с. XXVIII.

<sup>64</sup> Там же, с. XXIX.

<sup>65</sup> Там же, с. XXVI.

<sup>66</sup> Там же, с. XXVI.

<sup>67</sup> Там же, с. XXVII.

<sup>68</sup> Там же, с. XXVII (подчеркнуто здесь всюду мною.— А. Б.).

Подменив диалектику эклектикой, Герценштейн закрыл себе путь к пониманию действительной сути буржуазных теорий.

Так, основное отличие Митчелля от Маркса наш автор видит в том, что Митчелль... не понял связи абстрактного с конкретным, что он не сумел связать индукции с дедукцией.

Послушаем Герценштейна: «Несомненно, что и Маркс в определенном смысле этого слова эмпирик... Но он с замечательным мастерством умеет связывать индукцию с дедукцией... Иное у Митчелля. Он не приемлет метода изолирующей абстракции...

«Таким образом траектория движения исследовательской мысли от конкретного к абстрактному и обратно абсолютно чужда Митчеллю. У него нет и слабого намека на понимание подобной манеры забрасывать невод познания в море фактов»<sup>69</sup>.

Отсюда Герценштейн заключает, что «дефекты методологии» Митчелля объясняются его «основным пороком—непониманием связи абстрактного и конкретного»<sup>70</sup>.

Так формулирует Герценштейн отличие капиталистического апологета—коренного классового врага марксизма—Митчелля от Маркса.

Апологетизма Митчелля Герценштейн вообще не видит. Он говорит о Митчелле, что «с безотчетной и завидной наивностью он берет факты, как они есть»<sup>71</sup>, он упрекает Митчелля лишь за «упрощенный строй научного мышления»<sup>72</sup>.

Более того, Герценштейн договаривается до совершенно чудовищных положений, доказывая... родство философии прагматизма Митчелля с диалектическим материализмом Маркса: «Требование постоянного контакта с реальной действительностью... является несомненно положительным моментом в концепции прагматизма. Оно роднит его с диалектическим материализмом»<sup>73</sup>.

Немудрено после этого, что Герценштейн некритически воспринимает эмпирические закономерности, устанавливаемые буржуазными экономистами (например признание «бесспорными» выводов другого буржуазного апологета Афталиона<sup>74</sup>, установление закона понижения производительности труда в фазе подъема и т. д.<sup>75</sup>).

Но вернемся к герценштейновской критике Митчелля. Характерно, что Герценштейн ограничивается исключительно формальной критикой Митчелля, совершенно обойдя центральную идею митчеллевской концепции, его неприкрыто апологетическую теорию трехлетних циклов. Но это понятно: ведь работы Герценштейна вообще замыкаются в кругу формально-логических конструкций.

Наряду с основным пороком Митчелля—непониманием связи абстрактного с конкретным—Герценштейн останавливается в своей критике «на двух центральных проблемах, правильное решение которых имеет огромное значение для выработки адекватной теории цикла: 1) проблеме причинности и 2) проблеме равновесия»<sup>76</sup>.

Мы уже видели, как Герценштейн «критикует» Митчелля в вопросе о причинности.

<sup>69</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XX.

<sup>70</sup> Там же, с. XXVI.

<sup>71</sup> Там же, с. XVI.\*

<sup>72</sup> Там же, с. XVIII.

<sup>73</sup> Там же, с. XIX.

<sup>74</sup> Предисловие к Афталиону, с. V.

<sup>75</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XLVI и XLIX.

<sup>76</sup> Там же, с. XXVI.

Рассмотрим теперь трактовку Герценштейном вопроса о равновесии.

Известно, что буржуазные теоретики обычно подходят к изучению явлений с точки зрения постулата равновесия. Они утверждают, что всякое движение основано на вращении вокруг некоего метафизического стержня равновесия.

Методология, основанная на «постулате равновесия», нашла себе широкое применение в буржуазной экономической науке вообще и особенно в объяснении теоретиками буржуазии цикличности капиталистического развития, т. е. в теории кризисов.

Послушаем снова Герценштейна: «Апеллирование непосредственно к форме движения, — говорит наш автор (т. е. к различным фазам цикла — А. Б.), — лишает нас понимания скрепляющего стержня всего процесса. Конъюнктурные зигзаги становятся произвольными, случайными, не имеющими каких-либо твердых границ. Не найден предварительно скрытый определяющий центр их тяготения, непонятно, почему прилив должен смениться отливом.

Функциональное значение последовательной смены цикловых фаз для процесса воспроизводства общественного капитала остается полной загадкой. Отсутствие обобщающей идеи и внутреннего единства процесса приводит к рассмотрению цикла как совокупности колебаний отдельных элементов хозяйственной жизни»<sup>77</sup>.

Мы хотели уже начать переводить Герценштейна на обыкновенный русский язык, но вспомнили, что неплохой перевод этих положений Герценштейна уже сделан был одним известным автором в 1926 г.

«Для того чтобы понять и измерить конъюнктурные колебания, — писал этот автор, — нужно прежде всего установить систему равновесия, лежащую внутри явлений, отправляясь от которой только и можно научно проанализировать конъюнктурные колебания. Следовательно нужно измерить конъюнктурные колебания не в отношении предшествующих моментов, а в отношении установленной системы равновесия».

Всякий объективный читатель согласится с правильностью изложения сим автором идей Герценштейна. Единственная неточность перевода заключается в том, что Герценштейн более выпукло подчеркивает значение самой идеи равновесия, которая (идея) обобщает во внутреннее единство отдельные элементы хозяйственной жизни.

Но кто сей автор, так хорошо предугадавший и понявший Герценштейна? Это — Опарин, хваливший в своем содокладе докладчика Кондратьева за подход к большим циклам «с точки зрения равновесия»<sup>78</sup>.

После этого уже никого не могут удивлять упреки Герценштейна по адресу Митчелля, по поводу... непризнания последним постулата равновесия в качестве исходного пункта в теории циклов: «Речь идет, — пишет Герценштейн, — о целесообразности применения постулата равновесия к теоретическому анализу капиталистических кризисов. Общая дефектность методологии Митчелля сказывается в том, что он решительно отрицает правомерность этого постулата»<sup>79</sup>.

<sup>77</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXII—XXXIII.

<sup>78</sup> Кондратьев и Опарин, Большие циклы конъюнктуры, с. 78—79.

<sup>79</sup> Вступительная статья к Митчеллю, т. XXXI.

А следствием методологии Герценштейна, основанной на «постулате равновесия», является механистическое, внеисторическое понимание его, что «сущность кризиса заключается прежде всего в катастрофическом нарушении обмена веществ в капиталистическом хозяйстве»<sup>80</sup>.

Но критический разбор Герценштейна заставляет нас подвергнуться обвинениям в спутывании фронтов», ибо мы на самом деле не решаемся определить, что более характерно для него: механистическая методология или формалистический идеализм?

Идеализм Герценштейна, кантианский отрыв формы от содержания, особенно наглядно выступает у него в вопросе о соотношении между эволюцией капитализма и проблемой циклов.

Если многие буржуазные экономисты, подчеркивая индивидуальность и самобытность каждого цикла, видят за всеми различиями в циклах лишь одно формальное сходство, то это объясняется непониманием ими тождества основания кризисов, того, что кризисы являются выражением взрыва противоречий буржуазного общества.

Такое понимание весьма ярко выражено у Митчелля. Но слепой ко всем проявлениям апологетики, Герценштейн не замечает этого порока Митчелля. Наоборот, он подчеркивает, что у Митчелля «правильны указания на индивидуальную самобытность цикла»<sup>81</sup>.

И это замечание для Герценштейна неслучайно; оно связано со всем его идеалистическим представлением о цикле как пустой, бессодержательной форме, а отсюда — и о повторяемости в циклах лишь одних формальных моментов.

Циклический ритм,— говорит он,— не составляет содержания капиталистической динамики. Он лишь своеобразно формирует это содержание соответственно самой природе последнего. Циклическое движение сочетается со структурным развитием. Эволюция капитализма — это содержание динамики, цикл — ее форма... Понятия эволюция и цикл не совпадают друг с другом. Они отражают единый капиталистический процесс с различных точек зрения.

Одно — как развитие ступеней, другое — как повторение фаз<sup>82</sup>.

Итак, мы узнали, что, во-первых, соотношения формы (цикла) с содержанием (эволюция) понимается Герценштейном как сочетание; во-вторых, что отличие формы от содержания заключается только в различиях точек зрения, т. е. оно по пониманию Герценштейна существует лишь субъективно, и наконец, в-третьих, что эволюция капитализма противопоставляется циклическому движению и отрывается от него.

В самом деле, совершенно непонятно, почему эволюция капитализма является содержанием цикла? Разве эволюция означает что-либо иное, кроме определения формы движения? Но разве капитализм знает какую-либо иную форму движения, кроме циклической? И что вообще сия мудрость об эволюции как содержании и цикле, как форме должна обозначать?

<sup>80</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. XXXV. Следует вместе с тем отметить, что Герценштейн допускает грубую ошибку, считая, что Митчелль отказался от постулата равновесия. «Представленное нами равновесие, — пишет Митчелль, — ближе к балансу бухгалтерии, чем к механическому равновесию» («Циклы», с. 193).

Но разве митчеллевское балансовое равновесие не есть механистическое равновесие?

<sup>81</sup> Там же, с. LXXV.

<sup>82</sup> Там же, с. LXXII.

Но для Герценштейна цикличность представляет собой бессодержательную, пустую форму, поэтому он и противопоставляет ее эволюции капитализма.

Так Герценштейн пишет: «Явление цикла не тождественно колебанию маятника часов. Повторяются не конкретные факты данного цикла, но лишь аналогичные состояния хозяйственного процесса, внешне сходные, но внутренне наполненные новыми историческими явлениями и своеобразными взаимоотношениями... Тождественны не факты, образующие содержание циклов, но лишь формальные комбинации фактов, их конъюнктурный ритм»<sup>88</sup>. Следовательно, в постоянной повторяемости капиталистических циклов проявляется лишь внешнее сходство, а конъюнктурный ритм представляет собой лишь формальную комбинацию, т. е. пустую, бессодержательную форму.

И эта идеалистическая премудрость выдается за последнее слово марксизма!

---

<sup>88</sup> Вступительная статья к Митчеллю, с. LXX.

---

ИЛИАС АЛКИН

И. А. АЛКИН. М., 1930 г.

## КОНДРАТЬЕВЩИНА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

(Об экономико-географических работах проф. А. А. Рыбникова)<sup>1</sup>

Экономико-географические работы проф. Рыбникова до последнего времени оказывали значительное влияние на практическую работу некоторых местных плановых органов (Казакстан, Юго-восток и др.) и на подготовку экономико-географических кадров (2 МГУ, Тимирязевская с.-х. академия и др.). Да и сейчас нельзя говорить о полном изгнании рыбниковщины из этих областей работы. Так, в некоторых кругах специалистов, напр. краевых организаций Казакстана, «еще слишком преждевременно говорить о полной ликвидации рыбниковской идеологии». В вопросе о типах районов классификация Рыбникова продолжает пропагандироваться в учебниках Н. Н. Баранского, Ситникова, Дахшлегера и др. Значительно еще влияние рыбниковской и челинцевской школ районирования в работах по сельскохозяйственному районированию, напр. в работах Хоробрых и др. Некоторые преподаватели до сего времени пичкают студентов работами Рыбникова без соответствующей критики, а пособия, напр. хрестоматия Морозова и Юньева, под ред. Н. Н. Баранского, по экономической географии, которая до сего времени являлась во многих вузах и комвузах основным пособием по экономической географии, почти полностью пропитана рыбниковщиной, чаяновщиной, челинцевщиной и кондратьевщиной (в особенности второй том). Отсюда ясно, что борьба с рыбниковщиной в экономической географии является не прошедшим этапом, а борьбой сегодняшнего дня, и надо признать, что экономгеографы-марксисты непростительно опоздали с этой борьбой, с критикой работ проф. Рыбникова. Надо немедленно взяться за беспощадное выкорчевывание контрреволюционных теорий Рыбникова из экономической географии.

Свои теоретические положения по экономической географии проф. Рыбников в систематическом виде изложил в своей работе «Основные вопросы экономической географии»<sup>2</sup>. «Основные вопросы» проф. А. А. Рыбникова являются результатом работы многих лет. Эта работа должна быть рассматриваема в системе всего учения проф. Рыбникова. В «Основных вопросах» мы имеем продолжение и развитие тех положений, которые выставлял проф. Рыбников еще до войны и революции. Отличие только в том, что в «Основных вопросах» эти положения отчасти завуалированы, и поэтому некоторые видят в Рыбникове только довольно безобидного эклектика и не видят методологических корней и классовой сущности его работы, напр. Б. М. Каминский в своем выступлении на экономико-географическом кружке 2 МГУ по докладу Бочарова о Рыбникове, в октябре 1930 г.<sup>3</sup> А такой подход неизбежно ведет к примиренчеству

<sup>1</sup> Доклад, читанный зимой 1930/31 г. в Комуниверситете трудящихся Востока им. т. Сталина и в Комакадемии на экономико-географической группе.

<sup>2</sup> „Социалистическое земледелие“, 19 декабря 1930, с. 3.

<sup>3</sup> Изд. Свердловского университета в 1930 г.

<sup>4</sup> Б. М. Каминский в своей критике хрестоматии Н. В. Морозова и И. С. Юньева также показал свое неумение выявлять основные методологические, философские, классовые корни различных учений. Он отзывается с некоторой похвалой о разделе



на идеологическом фронте, к протаскиванию отдельных положений Рыбникова, дает возможность окопаться рыбниковщине и ученикам Рыбникова на отдельных участках экономической географии. Это опасно, и с этим нужно решительно бороться.

Классовая сущность работ проф. А. А. Рыбникова ясна из следующих выдвигаемых им положений: 1) прогрессивность мелкого земледелия, причем под мелким земледелием проф. Рыбников понимает кулацкое хозяйство<sup>5</sup>, 2) мальтузианско-струвианское понимание аграрного перенаселения<sup>6</sup>, 3) понимание кооперации в духе Чаянова, Кондратьева и К<sup>о</sup><sup>7</sup> и 4) вечность капиталистического способа производства<sup>8</sup>. Отсюда ясно, что проф. А. А. Рыбников является идеологом буржуазии, защитником интересов кулачества, т. е. стоит на одних позициях с проф. Кондратьевым, Чаяновым, Челинцевым, Макаровым и К<sup>о</sup>.

Свой реакционный тезис о прогрессивности мелкого земледелия проф. Рыбников выдвигал еще до империалистической войны (см. «Промышленное льноводство»), и это положение проходит через все его работы вплоть до последних. Если до революции он это положение выдвигает в неприкрашенном виде, то после Октября он защищает его, в слегка замаскированной форме. В январе 1914 года проф. А. А. Рыбников решительно выступает в защиту кулацких хозяйств. Он писал следующее о прогрессивности крестьянского хозяйства и о происходящих внутри деревни процессах капиталистического развития: «Наконец он (А. И. Чупров — И. А.) ясно устанавливает, что перед всеми этими, идущими со стороны, культурными силами и перед проснувшейся широкой активной самодеятельностью населения должно было наконец отступить сравнительно еще недавно царившее предубеждение против возможности прогресса в крестьянском хозяйстве, должно было отступить потому, что мелкое земледелие оказалось на высоте современного хозяйственного рационального уровня и сумело воспринять те культурные блага, которые, как многие ранее думали, ему были совершенно недоступны»<sup>9</sup>. Какое же это мелкое земледелие? Не хозяйства ли это бедняков или середняков?

промышленности в хрестоматии. „Выделяется из всей хрестоматии, — пишет Б. М. Каминский, — лишь раздел промышленности, который насыщен отрывками о злободневных проблемах нашего промышленного строительства и рационального размещения промышленности на территории. Хотя не все положения в приводимых статьях приемлемы и верны, но во всяком случае они заслуживают внимания и критического обсуждения“ („Плановое хозяйство“ № 9 за 1930 г., с. 243). Действительно, они заслуживают внимания жестокой, беспощадной критики. Значительная часть этого раздела заполнена работами таких авторов, как Пальчинский, Диманштейн, Челинцев, Шульце-Геверниц, Гриневецкий и т. д. К этому же отделу надо отнести статьи по энергетике, а там основная статья — статья Рамзина. Авторы всех этих статей ставят своей задачей реставрацию капиталистических отношений в нашей промышленности, и поэтому статьи являются вредительскими в области географического размещения промышленности. См. об этом подробнее в „Экономической жизни“ от 8 апреля 1931 г. статью А. Пробста — „Вредительство в области географического размещения промышленности“.

<sup>5</sup> А. А. Рыбников, Промышленное льноводство. М. 1915, с. 2-3, 59-60 и др.

<sup>6</sup> См. статью А. А. Рыбникова, Об аграрном перенаселении в „Трудах Земплана Наркомзема РСФСР“, вып. XII, с. 70, 73.

<sup>7</sup> А. А. Рыбников, Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства, М. 1922, с. 49—50.

<sup>8</sup> См. проф. А. А. Рыбников, Эволюция сельского хозяйства юго-востока, М. 1921, с. 28—29; см. также статью А. Рыбникова, Эволюция сельского хозяйства засушливых областей СССР и пути его рационализации в сб. „Сельское хозяйство на путях восстановления“, М. 1925, с. 510, 522—523 и др.

<sup>9</sup> А. Рыбников, Промышленное льноводство, с. 1—2.

Нет, это, по мнению проф. Рыбникова, кулацкие хозяйства, более крупные хозяйства, которые выживали в процессе классовой борьбы в деревне, путем вытеснения разорения маломощных хозяйств. Вот как описывает этот процесс проф. Рыбников: «В то же самое время в крестьянском хозяйственном строе происходили перемены, приведшие к отбору более крупных хозяйств, что вместе с общим нарастанием навыков к денежному хозяйству облегчило оставшимся в деревне возможность найти пути к перестройке хозяйства»<sup>10</sup>. Таким образом проникновение капитализма в сельское хозяйство «отбирало» более крупные хозяйства и давало возможность перестроить хозяйство на капиталистических началах. На протяжении более 16 лет проф. Рыбников защищает интересы этих «перестраивающихся» крестьянских хозяйств, защищает интересы кулачества.

В 1925 г. проф. Рыбников совместно с Н. С. Кузнецовым и Е. Н. Челинцевым также выступает в защиту кулацких хозяйств и за способствование развитию их в условиях советского хозяйства<sup>11</sup>. Здесь Рыбников, Кузнецов и Челинцев также дают картину отбора кулацких хозяйств, причем самый отбор в значительной степени объясняют природными условиями, а затем на основе этого отбора устанавливают оптимум крестьянского хозяйства для южных районов СССР и намечают пути американского типа развития, т. е. капиталистические пути развития для сельского хозяйства СССР. Чтобы не быть голословными, приведем некоторые цитаты. Вот что пишут они об отборе мощных крестьянских хозяйств: «Широкие промышленные задачи, которые стояли здесь перед сельским хозяйством, и те затруднения, которые надо было преодолевать в борьбе с природой, способствуют отбору в интересующем нас районе (южные черноморские степи — И. А.) более мощных крестьянских хозяйств»<sup>12</sup>. А дальше авторы продолжают: «Тем или иным путем, но весь описанный нами стихийный отбор хозяйств оставлял на месте, во-первых, тех, кто никуда двинуться не мог и не был в состоянии рационально организовать хозяйство, и, во-вторых, тех, кто наоборот, как мы уже видели, достаточно устойчиво и выгодно организовывал свое хозяйство»<sup>13</sup>. Эти места необходимо сравнить с приведенными выше выдержками из работы проф. Рыбникова о промышленном льноводстве, написанной в 1914 г.

На основе кулацких хозяйств Рыбников, Кузнецов и Челинцев обосновывают оптимум крестьянского хозяйства для советской деревни. Они пишут: «Сравним достижения в урожайности помещичьего и крестьянского хозяйства в нашем районе.

«По Херсонской и Таврической губ. урожайность по основным хлебам в крестьянском хозяйстве была ниже, чем в частновладельческом...

«Как видно, разница и очень большая не в пользу крестьянства, которое очевидно двигалось значительно медленнее по пути повышения урожайности, но тем не менее двигалось. Кроме того следует отметить, что разница особенно велика в урожайности озимой пшеницы, меньше в ячмене и меньше вообще в Таврической губ., где крестьянские посевы были значительно крупнее, чем в Херсонской губ.

«Последний вопрос с точки зрения выбора оптимально целесообразного типа хозяйства представляет большой интерес. Вполне понятно, что обеспеченное большими средствами, в частности лучшим инвентарем и знаниями, помещичье хозяйство могло вести хозяйство более рационально. Но для нас особен-

<sup>10</sup> А. Рыбников, Промышленное льноводство, с. 59.

<sup>11</sup> Сб. «Сельское хозяйство на путях восстановления», М. 1925, ст. Рыбникова: «Эволюция сельского хозяйства засушливых областей и пути его рационализации», в частности, гл. III «Южные черноморские степи», с. 506—523.

<sup>12</sup> Сб. «Сельское хозяйство на путях восстановления», с. 513.

<sup>13</sup> Там же, с. 516-517.

ный интерес представляет, каковы могут быть оптимальные размеры крестьянского хозяйства, которые давали бы уже достаточно высокую производительность и в меньшей мере вызывали социальную борьбу<sup>14</sup> (разрядка моя — И. А.). Отсюда и готовый рецепт для наших южных губерний, — это «крупные капиталистические фермы Южной Дакоты Североамериканских соединенных штатов. Так и пишут проф. Рыбников, Н. С. Кузнецов и Е. И. Челинцев: «Мы отметим, что сдвиг в направлении, осуществляемом Южной Дакотой, уже вполне определился в наших южных губерниях. Картина движения урожая Южной Дакоты говорит нам о том, что здесь также, как и на нашем юге, найдены методы упрочения и повышения урожая»<sup>15</sup>.

«Однотипность направления местного сельского хозяйства дает возможность ориентироваться даже по данным землевладениям в социальных группировках хозяйств» (это пишется после Октября!! — И. А.).

«Мощное хозяйство Южной Дакоты базируется на высокой производительности хозяйств фермеров, располагающих значительным капиталом, использующих наемных рабочих.

«Как видим, на полусухих окраинах Соединенных штатов организуется и прогрессивно развивается, успешно справляясь с бедствиями, приносимыми природой, обеспеченные значительными средствами производства хозяйства»<sup>16</sup>.

Комментарии излишни — это открытая защита кулака в Советском союзе. В 1930 г. проф. Рыбников уже не выступает так открыто. Он даже говорит о совхозах и колхозах, но только для прикрытия защиты интересов кулачества, защиты капиталистического пути развития. В своей работе «Перспективы рационализации и реконструкции скотоводства засушливого Центрального Казакстана»<sup>17</sup> проф. Рыбников мыслит только американский тип развития скотоводческого хозяйства Центрального Казакстана. Он не видит, не хочет видеть изменившихся социально-экономических отношений в Казакстане и влияния этого фактора на развитие скотоводства Центрального Казакстана. Он отмечает те изменения, которые произошли здесь за последние десятилетия, но нет здесь Октябрьской революции. Все эти изменения он сводит к проведению некоторых железных дорог и считает, что «основными факторами, толкавшими местное хозяйство к некоторым изменениям, были помимо рынка рост плотности населения и отмечавшиеся выше колебания природных условий»<sup>18</sup>. Отсюда понятен его вывод из сравнения Центрального Казакстана и северо-западных штатов Северной Америки. Проф. Рыбников пишет: «Но при одинаковом направлении скотоводства некоторое различие экономического положения и другие общественно-экономические условия стимулировали в западных штатах сложение высших производственных форм добывания шерсти и мяса, а в Центральном Казакстане мы видим выполнение тех же задач примитивными, архаическими

<sup>14</sup> Сб. „Сельское хозяйство на путях восстановления“, с. 510.

<sup>15</sup> Там же, с. 522.

<sup>16</sup> Там же, с. 523.

<sup>17</sup> Журн. „Народное хозяйство Казакстана“ № 1-2, 1930.

<sup>18</sup> Там же, с. 9. Сравнить это с той задачей, которую ставит перед экономической географией проф. Чаянов — „найти формулу, в которой происходит установление равновесия между местной плотностью населения, положением района в отношении рынка и его естественно-историческими особенностями, — вот, по нашему мнению, пишет проф. Чаянов, одна из важнейших теоретических задач в области изучения экономической географии“. (Чаянов „Очерки по экономике сельского хозяйства“, М. 1923, с. 146). Здесь мы имеем полное совпадение понимания задач экономической географии проф. Рыбникова и проф. Чаянова.

способами. И эти «высшие производственные формы» в американском скотоводстве, т. е. капиталистические формы он рекомендует для советского Казакстана и свою работу заканчивает так: «Приведенное сравнение нас убеждает в том, что убогое и примитивное скотоводство засушливых степей и полупустынь Центрального Казакстана может быть заменено мощным культурным хозяйством с огромными перспективами дальнейшего развития»<sup>19</sup>. Под видом замены примитивного скотоводства мощным «культурным хозяйством» проф. Рыбников стремится реставрировать капиталистические отношения у нас, а мимоходные замечания о колхозах и совхозах только прикрывают эту основную его установку<sup>20</sup>.

Если в своих работах в первые годы Октября проф. Рыбников открыто выступает за невозможность построения социализма, за вечность капиталистических условий развития<sup>21</sup>, то на тринадцатом году Октября он продолжает защищать это положение, но уже прикрываясь «теорией единства сущности и законов капиталистического и социалистического хозяйства»<sup>22</sup>.

В 1921 г. проф. Рыбников определенно указывает, что как бы ни восстанавливалась жизнь в крае, но и через десять лет он густо населенным не станет, природные условия конечно не изменятся, а рыночные условия в значительной мере являются в своей наиболее устойчивой части функцией транспорта, и организации по переработке сырья тоже не станут сразу иными. Конечно аппарату по переработке придется восстанавливать, ремонтировать транспорт — восстанавливать старое. Но разве мы можем предполагать, что быстро сумеем внести в эту сумму факторов, воздействующих на сельское хозяйство, что-либо особенно новое, создающее небывалый стимул к развитию? Несмотря на то, что мы очень хотели бы, чтобы это было сделано немедленно, — этого ожидать нельзя.

«Старая жизнь не вернется вся целиком, этого не будет, но раз останутся старые факторы, то неминуемо восстановятся и прежние тенденции развития. И их-то нам необходимо было учесть, чтобы при восстановлении хозяйства строить более уверенно в успехе дела, форсировав то ценное, что наметила уже жизнь в прошлом... Мы уверены, что государственное сознание, взглядевшееся в это будущее, яснее и отчетливее поймет и задачи сельскохозяйственной и вообще экономической политики этого края (юго-восток — И. А.) в настоящем»<sup>23</sup>. Вопреки всем предсказаниям и указаниям проф. Рыбникова «государственное сознание» революционного пролетариата нашло те факторы, которые дали возможность не только восстановить разрушенное империалистической и гражданской войнами сельское хозяйство, но и социалистически его реконструировать.

В 1929 г. проф. Рыбников не может игнорировать развитие совхозов и колхозов в СССР, он принужден признать, что «расширение работы совхозов и колхозов, усиленное внедрение тракторов в зерновые районы, — все эти пути вместе с подъемом крестьянского хозяйства обеспечивают возможность полу-

<sup>19</sup> Журн. «Народное хозяйство Казакстана» № 1-2, 1930, с. 22 (разрядка Рыбникова).

<sup>20</sup> См. также «Эволюцию сельского хозяйства юго-востока». М. 1922; предисловие к Тюнену, «Изолированное государство», М. 1926; «Влияние улучшенного транспорта на организацию и доходность сельского хозяйства юго-востока», Саратов 1929; «Основные вопросы экономической географии», М. 1930.

<sup>21</sup> См. «Эволюция сельского хозяйства юго-востока», «Мелкая промышленность».

<sup>22</sup> Предисловие к Тюнену, «Основные вопросы», с. 82-83, и др., «Влияние улучшенного транспорта», с. 227, 228, 252 и др.

<sup>23</sup> «Эволюция сельского хозяйства юго-востока», М. 1931, с. 28-29 (разрядка моя — И. А.).

чения экспортных избытков»<sup>24</sup>. Не говоря уже о том, что проф. Рыбников развитие колхозов противопоставляет подъему крестьянского хозяйства, он все развитие нашего хозяйства видит на основе законов капиталистического хозяйства, на законах рынка и конкуренции. В той же работе он пишет: «Несомненно, что коренным образом переоборудованная (сверхмагистраль) путями Западная Сибирь даст такую массу этих продуктов, что это может создать сильную и длительную депрессию в наших основных производящих районах, которые принуждены будут встретиться с сибирским хлебом и мясом в ЦЧО и на других рынках. Такими районами, над которыми висит угроза грядущей конкуренции Западной Сибири, прежде всего надо признать Центрально-черноземную область, Среднее и Нижнее Поволжье и отчасти приуральские степи»<sup>25</sup>. «Как, в какой мере это осуществится, какая доля низового волжского хлеба пойдет к Ростову и какая все-таки будет двигаться к северу-западу — сказать трудно. Вероятно, этот вопрос будет решаться под влиянием конкуренции, главным образом сибирского хлеба, который при осуществлении сверхмагистрали может сильно снизить цены ЦЧО и сделать наиболее выгодным направления сбыта для Саратова и Камышина — в юго-западные порты»<sup>26</sup>. Социалистическое планирование проф. Рыбникова заменяет гromanовско-кондратьевским предвидением. Отсюда и вытекают все вредительские установки в планировании работ по отдельным районам. Так, проф. Рыбников при вычислении повышения урожайности для вычисления железнодорожных перевозок к 1940/41 г. берет довоенный темп, и то считает, что мы с некоторой только вероятностью можем рассчитывать на довоенный темп роста урожайности<sup>27</sup>.

Классовая сущность учения проф. Рыбникова целиком определяет и применяемый им метод в его экономико-географических работах. Метод проф. Рыбникова — это отрыв от социально-экономических условий, выхолащивание классовой сущности капиталистического хозяйства, подход частнохозяйственный, натуралистический, механистический. Во всей красе этот метод применен им и в его «Основных вопросах» (литографированное издание), во «Влиянии улучшенного транспорта» и др. (например при анализе понятия и законов географического разделения труда, при анализе генезиса общественного географического разделения труда, при анализе процесса производственной дифференциации, при анализе форм и видов производства, при анализе штандорта отдельных отраслей хозяйства, при анализе понятия экономического района и классификации экономических районов, в понимании хозяйства и т. д., и т. д.). Остановимся несколько подробнее на отдельных моментах экономико-географического учения проф. Рыбникова.

Проф. Рыбников экономическую географию считает наукой экономической и резко противопоставляет ее физической географии. Экономическая же концепция проф. Рыбникова — это концепция вульгарной политической экономии — учение об обороте благ и теория издержек производства<sup>28</sup>. Он считает связи внутри предприятия и между предприятиями одним и теми же<sup>29</sup>, защищает теорию гармонии и организованного капитализма<sup>30</sup>.

Проф. Рыбников считает, что с развитием улучшенного транспорта хозяй-

<sup>24</sup> «Влияние улучшенного транспорта на организацию и доходность сельского хозяйства юго-востока», Саратов 1929, с. 223.

<sup>25</sup> Там же, с. 228.

<sup>26</sup> Там же, с. 262 (разрядка моя — И. А.).

<sup>27</sup> Там же, с. 242—243.

<sup>28</sup> «Основы», с. 5—10, «Влияние улучшенного транспорта», с. 3—4.

<sup>29</sup> Там же, с. 232.

<sup>30</sup> Там же, с. 7—10, 192, 198, 200, 222, 224—225 и др.

ственные связи становятся все более устойчивыми<sup>31</sup>, они оттесняют на задний план колониальную политику, классовую борьбу, войны и заменяют их началами мирового общественного разделения труда<sup>32</sup>, которое рассматривается проф. Рыбниковым, как увидим ниже, вне социально-экономических условий. Вот как представляется ему развитие современного мирового хозяйства, мирового хозяйства периода империализма: «Надо признать, что, несмотря на кажущуюся мощь государственных и частнохозяйственных аппаратов, формирование указанных центров мировой продукции несомненно ориентируется не на субъективную государственную или частнохозяйственную волю, а на совершенно объективные выгоды эксплуатации природных условий, выгодное положение на удобных путях сообщений и наконец на определенные наследия прошлого. Конечно существующие таможенные преграды в некоторых случаях затрудняют развертывание рационального мирового общественного разделения труда. Колониальная политика, классовая борьба, войны,— все эти явления накладывают свой отпечаток на современную мировую хозяйственную жизнь. Но уже и в настоящее время нередко мы встречаем такие диспропорции частей в различных системах народного хозяйства, существование которых может быть понято только, исходя из системы мирового общественного разделения труда. Несомненно, что по тому же направлению все большей специализации и крепкой увязки с мировым хозяйством будут развиваться и другие части народного хозяйства. Географическое размещение хозяйственной деятельности в современности и дальнейшие изменения в нем все больше и больше будут окрашиваться началами мирового общественного разделения труда»<sup>33</sup>.

Таким образом в своем понимании географического разделения труда проф. Рыбников исключил всякие моменты эксплуатации, исключил своеобразие географического разделения труда в период империализма, колониальную форму географического разделения труда и т. д., ибо включение их не в интересах защитника вечности капиталистических отношений. Следствием является то, что проф. Рыбникова при характеристике капиталистической системы и при анализе территориального размещения хозяйства абстрагируется от погони капиталистов за высокой прибылью и все сводит к издержкам производства, основанном на хозрасчете, что ведет к «развертыванию рационального географического разделения труда»<sup>34</sup>. Отсюда также следует, что при объяснении специализации и направления хозяйства в колониальных странах он отвлекается от системы империализма<sup>35</sup>.

В современном мировом хозяйстве по мнению проф. Рыбникова все складывается к выгоде стран, принимающих участие в мировом общественном разделении труда, так как «последнее осуществляется на основе хозяйственного расчета, стимулирующего снабжение потребителейских рынков продуктами из местностей, отличающихся наиболее низкими производственными и транспортными издержками»<sup>36</sup>. Отсюда полная благодать в современном мировом хозяйстве. «Народное хозяйство, как видим,— пишет проф. Рыбников,— представляет собой

<sup>31</sup> „Основы“, с. 198.

<sup>32</sup> Там же, с. 200.

<sup>33</sup> Там же, с. 200 (разрядка моя — И. А.).

<sup>34</sup> См. его формулу Ц>И+Ф в литографированном издании, см. его учение об общественно-географическом разделении труда и др. в „Основных вопросах“, с. 7—10.

<sup>35</sup> См. „Основы“, с. 3—9 и др. и „Пути реконструкции скотоводства засушливого Центрального Казахстана“.

<sup>36</sup> „Основы“, с. 9 (разрядка проф. Рыбникова).

сложную систему различных специализированных районов, находящихся между собой во взаимодействии, основанном на общественном разделении труда... Как весь указанный нами оборот благ между районами народного хозяйства, так и участие народного хозяйства в международной торговле, покоятся на основе тех выгод, которые получаются от общественного разделения труда. Те страны, те районы имеют преимущества в международной и междурайонной конкуренции, которые производят свои продукты по наиминимейшей себестоимости и занимают благоприятное рыночное положение... Упомянув также специализированные районы, мы можем их себе представить в виде канадского, шведского и севернорусского лесных экспортных районов, в виде пшеничных районов Канады, Соединенных штатов, Аргентины, в виде районов шерстного овцеводства Австралии, районов хлопководства Соединенных штатов, кофейного производства Бразилии. Наконец в мировом обороте огромнейшую роль играют промышленные районы: Англия, Соединенные штаты и Бельгия доставляют железные и мануфактурные изделия, Германия—химические товары и некоторые сорта машин, Франция—вино и предметы роскоши, Швеция—тонкие стальные изделия, Италия—шелковые изделия, Швейцария—часы. Страны, импортирующие все эти продукты, рассеяны по всему миру... Устойчивыми, постоянными делаются хозяйственные связи между всеми странами, участвующими в мировом общественном разделении труда. Правда, эти связи нередко осложняются интересами торговой политики той или иной великодержавной страны, иногда нарушаются разрывом дипломатических сношений, войнами, но такие отклонения и нарушения, если и замедляют указанные основные тенденции, то не изменяют существа их»<sup>37</sup>. Специализацию отдельных стран, будь то колонии, полуколонии или империалистические державы, проф. Рыбников объясняет выгодами, получаемыми этими странами от географического разделения труда. Он совершенно устраняет колониальную систему географического разделения труда, когда специализация колоний происходит под непосредственным давлением метрополий в интересах метрополий и путем разорения основной массы крестьян и ремесленников колоний. Ничто, по мнению проф. Рыбникова, не изменяет рационального и гармонического развития географического разделения труда, которое дает выгоду всем странам, всем народам мира. Эту теорию гармонии в географическом разделении труда развивают до сего времени в распространенных учебниках по экономической географии Н. И. Баранский<sup>38</sup>, Вольф, Мебус и др. Они забывают о частном характере присвоения, благодаря которому выгоду получают только известные классы, они забывают что «страна „находящаяся в благоприятных условиях, при обмене получает больше труда за меньшее количество труда, хотя эта разница, этот излишек, как вообще при обмене между трудом и капиталом, присваивается известным классом»<sup>39</sup>.

Генезис общественного географического разделения труда проф. Рыбников дает по Бюхеру, что целиком вытекает из его исходных экономических положений—изучение оборота благ, а не производственных отношений<sup>40</sup>. В этом отношении большой интерес представляет его работа «Генезис хозяйства Центрально-промышленной области»<sup>41</sup>.

<sup>37</sup> „Основы“, с. 8-9 (разрядка моя — И. А.).

<sup>38</sup> Краткий курс экономической географии, вып. I, изд. 3-е, Гиз, 1930, с. 77—79.

<sup>39</sup> К. Маркс, т. III, ч. 1, Гиз, 1929, с. 79.

<sup>40</sup> См. „Основные вопросы“, с. 186, 187, 192.

<sup>41</sup> „Экономико-географический сборник“ под ред. Баранского, Бернштейн-Когана, Рыбникова и Синицкого, изд. Свердловского ун-та, 1929. Все авторы этого сборника исходят в развитии общественных формаций из уменьшения плодородия, обнаруживая таким образом типичнейшее мальтузианство (напр. с. 171 и др.).

Свой анализ форм и видов производства проф. Рыбников строит на процессе производственной дифференциации, основанной только на технической организации производства. Отсюда неверное понимание взаимоотношений между мелким и крупным производством и их размещения. Отсюда неверное понимание социальной обусловленности в размещении материальных производительных сил — общественного характера потребительской стоимости<sup>42</sup>.

Такой подход — намеренное исключение социальных отношений при анализе форм производства — является необходимым для проф. Рыбникова в его защите неизбежности капиталистических тенденций эволюции советской промышленности. Свое теоретическое положение по данному вопросу он обосновывает в «Основах» следующим образом: «Под эволюционными формами производства мы принимаем те обычные установившиеся в экономической литературе явления которые применительно к индустрии получили название ремесла, кустарной промышленности, мануфактуры и фабрики, а применительно к сельскому хозяйству пользуются пока терминологией мелкого и крупного хозяйства. Но наше рассмотрение всех перечисленных аппаратов будет происходить прежде всего и больше всего не с точки зрения тех социальных отношений, которые сопутствуют им, а с точки зрения сложения в этих формах определенной структуры средств производства. Учение о штандорте нас должно было убедить, что география издержек на сырье, на рабочие руки, на капиталы, вложенные в производство, — вот те моменты, которые, сочетаясь с влиянием транспортных издержек, воздействуют на размещение производства в пространстве»<sup>43</sup>. Проф. Рыбников не решается встать открыто на защиту капиталистического пути развития всей промышленности и берет мелкую промышленность под свою защиту от политики советского правительства. Он хочет устранить возможность каких-либо шаблонных и тем более категорических заключений о мерах воздействия на мелкую промышленность<sup>44</sup>. Проф. Рыбников считает, что «трудовой характер мелкой промышленности не гарантировал ей вполне свободного развития (т. е. капиталистического развития), так как проф. Рыбников сам же пишет, что «кустарная промышленность является домашней системой крупной промышленности, если ее квалифицировать как предприятие» («Основы», с. 112). Государственное вмешательство в центре и особенно на местах... все это немало стесняло, а нередко и парализовало жизнедеятельность промыслов<sup>45</sup>. Отсюда вывод проф. Рыбникова — государство, руки прочь от мелкой промышленности! «Воля государства — пишет проф. Рыбников, — это большая сила, могущая многое сделать, но не все... Необходимо, чтоб сам мелкий производитель собрал все свои силы для преодоления стоящих на пути его хозяйственной деятельности преград. Как бы благожелательно ни было государство, но оно само не в состоянии без опоры на волю организованного населения разрешить многие из только что поставленных задач»<sup>46</sup>. Освободив же мелкую промышленность от «ненужных вмешательств» советского государства, проф. Рыбников полагал, что «при известной организованности объединенные кустари иногда в состоянии ставить себе и еще большие производительные задачи в области преобладания крупного производства, могут взять в свои руки лесопильные, кожевенные и т. п. заводы местного значения, вырабатывающие простые полуфабрикаты».

<sup>42</sup> См. «Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства», 1922; «Основные тенденции эволюции форм промышленности вообще и мелкой в особенности», 1927; «Основные вопросы», 1930, с. 111—114 и др.

<sup>43</sup> «Основы», с. 111—113 (разрядка моя — И. А.).

<sup>44</sup> «Мелкая промышленность», с. 45.

<sup>45</sup> Там же, с. 38.

<sup>46</sup> Там же, с. 42.



Таким образом проф. Рыбников через капиталистическое развитие мелкой промышленности хочет постепенно реставрировать капиталистическое отношения и в крупной промышленности. Таким образом мы видим, что буржуазная теория вооружает вредительную деятельность проф. Рыбникова.

Отсюда понятно, что проф. Рыбников предлагает взять за основу размещения хозяйства в советских условиях штандортные теории А. Вебера и Тюнена.

Мы здесь не можем остановиться на критике теорий Вебера и Тюнена, это самостоятельная работа, и к ней я считаю необходимым вернуться в самостоятельной статье. Но необходимо отметить, что: 1) не может быть никакой речи о перенесении в условия советского хозяйства закономерностей размещения капиталистического хозяйства, и 2) теории Тюнена и Вебера ни в какой мере не дают правильного освещения закономерностей размещения сельского хозяйства и промышленности в капиталистических условиях.

Проф. Рыбников согласен с основными положениями Вебера, который также абстрагируется от социально-экономических моментов и свой анализ ведет в плоскости технического анализа (см. «Основные вопросы»). А чтобы Вебер был приемлем в наших советских условиях, он выставляет тезис, что размещение при капиталистической и социалистической системах одинаково, отличие только в издержках на рабочую силу<sup>47</sup>.

Размещение сельского хозяйства в советских условиях проф. Рыбников мыслит только на основе теории Тюнена, на основе влияния рынка, конкуренции<sup>48</sup>.

Проф. Рыбников считает, что у Тюнена, в его «гипотетическом «Изолированном государстве» в статике рыночная стихия находится в равновесии, а все индивидуальные хозяйства, проникнутые рыночными заданиями, уже освоили эти веления оценок в организационно-производственных формах своих сельскохозяйственных предприятий»<sup>49</sup>. Чтобы Тюнен был приемлем для марксистов, он выставляет тезис, что построения Тюнена ничего общего не имеют с законом убывающего плодородия<sup>50</sup>.

Принятие теории размещения хозяйства Вебера и Тюнена в наших условиях открывает широкий простор всяким вредительским работам, теориям и проектам в деле размещения и районирования. Достаточно прочесть работы Челинцева, Рыбникова, Кожанова, Котова и др. по районированию сельского хозяйства, работы Рыбникова, Диманштейна, Бернштейн-Когана, Гинзбурга и др. по размещению промышленности, чтобы в этом убедиться.

Проф. Рыбников рассматривает экономические районы как реальные совокупности в понимании А. А. Чупрова. А это значит, привнесение теории гармонии и равновесия в понятие экономического района, т. к. реальные совокупности в чупровском понимании — это такие сочетания, в которых «между отдельными единицами имеется такого рода взаимодействие, которое способно обеспечить длительное существование совокупностей»<sup>51</sup>. Учение же о реальных совокупностях основано на философии неокантианцев (Рижкерта) и ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет. Отсюда ясно, что проф. Рыбников классификацию экономических районов по типам дает вне их социально-экономической характеристики (достаточно сравнить его характеристику старых и новых районов с характеристикой Ленина Урала и юга в «Развитии капитализма в России»)<sup>52</sup>.

Учение о реальных совокупностях, которое предполагает устойчивые соотношения, пропорцию между отдельными отраслями хозяйства внутри района, под-

<sup>47</sup> „Основные вопросы“, с. 82-83.

<sup>48</sup> Рыбников, Влияние улучшенного транспорта, с. 228, 252, 327.

<sup>49</sup> Предисловие к Тюнену, с. IX.

<sup>50</sup> „Основные вопросы“, с. 43.

<sup>51</sup> А. Чупров, Очерки статистики, 1910, с. 14,

<sup>52</sup> Сравнить „Основы“, с. 224-225, 238—241, классификация, с. 238.

водит «теоретическую» базу для борьбы с социалистической реконструкцией хозяйства СССР, создания новых пропорций, разрушения старых соотношений. Поэтому-то ни проф. Рыбников, ни Челинцев и др. не приняли методологию госплановского районирования, а защищали и старались выводить свои методы вредительского районирования.

Все эти развиваемые и защищаемые проф. Рыбниковым положения тесно увязаны и вытекают из его классового подхода — защиты интересов кулака. Если в «Основных вопросах» проф. Рыбников замаскированно и осторожно дает теоретические положения для такой защиты, то в других своих работах он развивает целую систему мероприятий в защиту кулака: 1) он считает, что сельское хозяйство и мелкая промышленность могут развиваться только в капиталистических формах, и предлагает, кооперируя по-капиталистически кустарей и ремесленников, передать им и более крупные предприятия<sup>53</sup>; 2) проф. Рыбников рьяно настаивает на использовании всех «живых сил страны» для восстановления нашего хозяйства, понимая под ними предпринимательские круги<sup>54</sup>; 3) проф. Рыбников противопоставляет интересы трудящихся интересам пролетарского государства, считает необходимым дать полную свободу мелкой промышленности, чтобы она пошла по пути капиталистического развития и чтобы советская власть не задерживала это развитие своими неумелыми вмешательствами<sup>55</sup>; 4) Проф. Рыбников выступает против «американского темпа» развития нашего народного хозяйства<sup>56</sup>.

Проф. Рыбников считает, что наша республика — тяжелая на подъем страна и «мечтать о чистых американских путях развития довольно бесполезно»<sup>57</sup>. Он считает, что «наш путь, если нам удастся упорной и тяжелой работой победить недостаток капиталов в стране и перенаселение, — путь смешанный» (там же). Проф. Рыбников даже этот смешанный путь развития считает в наших условиях оптимистическим. Он пишет: «Однако много и очень много «если» приходится преодолеть для того, чтобы это оптимистическое будущее стало настоящим, а пока... пока мы, обязаны ценить, откинув всякие предвзятые мысли и вкусы, каждую активную производительную силу в стране в меру ее значимости»<sup>58</sup>. Так, борясь против американских темпов — а мы ставим своей задачей догнать и перегнать в технико-экономическом отношении Америку, — борясь против генеральной линии коммунистической партии, проф. Рыбников выступает против классовой политики пролетарской диктатуры, выступает за реставрацию капиталистических отношений у нас.

С изменением обстановки, с развитием социалистического строительства в СССР изменилась и тактика защиты интересов кулачества. В период военного коммунизма — скрытый саботаж и надежда на уничтожение советов извне. Неп проф. Рыбников воспринял как возврат к капиталистическим отношениям и поэтому призывает своих единомышленников бросить надежду на помощь зарубежных миллионов и, засучив рукава, приступить к работе для восстановления капитализма в России<sup>59</sup>. Когда же ставка на перерождение советской власти была бита, проф. Рыбников выступает против «американских темпов», не верит в наши внутренние силы и призывает советскую власть быстрее привлечь иностранные капиталы<sup>60</sup>. Когда же усиливается наступление на капиталистические элементы, когда

<sup>53</sup> „Мелкая промышленность“, с. 49-50 и др.

<sup>54</sup> „Мелкая промышленность“, с. 3; „Основные тенденции“, с. 93-94; „Экономическое обозрение“, 1927, октябрь, и др.

<sup>55</sup> „Мелкая промышленность“, с. 38, 42, 45 и др.

<sup>56</sup> См. „Основные тенденции“, с. 81, 92-93.

<sup>57</sup> Там же, с. 92.

<sup>58</sup> Там же, с. 94 (разрядка моя — И. А.).

<sup>59</sup> „Мелкая промышленность“, 1921, с. 52.

<sup>60</sup> „Основные тенденции“, 1927, с. 93.

в районах сплошной коллективизации идет ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, тогда проф. Рыбников выступает за немедленную интервенцию, за вооруженную борьбу против советов (участие проф. А. А. Рыбникова в Трудовой крестьянской партии).

Неумолимый закон классово-борьбы заставил сбросить с проф. Рыбникова и ему подобных всякие маски и поставил их против строительства социализма в нашей стране, в ряды врагов СССР. Этот же процесс борьбы, который шел и идет на всех фронтах — техники, экономики, идеологии и т. д., — показал, что не может быть отрыва теории от практики. У кого теория оторвана от практики революционного пролетариата, от практики социалистического строительства, тот неизбежно, хочет он этого или не хочет, становится защитником интересов мировой и внутренней буржуазии. Поэтому необходима самая решительная и беспощадная борьба с буржуазными предрассудками в теории. Особенно важна и неотложна эта борьба на экономико-географическом фронте, где до сих пор еще господствуют в значительной степени буржуазные учения и примиренческое отношение к ним.

### РЕУЭЛЬ

**Д. Б. Наумов — Николай Иванович Зибер.** Из истории марксистской экономической жизни на Украине и в России. Украинский институт марксизма-ленинизма. Кафедра теоретической экономики. Изд. «Пролетарий», 1930, с. 93.

Рецензируемая брошюра является переводом с украинского языка и переработкой статьи автора «Зибер як марксист», напечатанной в журнале «Прапор марксизму» № 5 за 1929 г. Брошюра состоит из четырех глав: первая глава — «Жизнь и деятельность Зибера», вторая глава — «Методологические основы политической экономики у Зибера», третья глава — «Зибер как экономист-марксист», четвертая глава — «Место Зибера в истории марксизма и революционного движения на Украине и в России».

В первой главе автор излагает основные вехи биографии Зибера. Автор подробно останавливается на том историческом парадоксе, что в самодержавной реакционной России с университетской кафедры в Киеве пропагандировался марксизм, представленный одним из образованнейших экономистов того времени. Это парадоксальное на первый взгляд обстоятельство автор правильно объясняет присущим той эпохе скрытым характером противоречий между буржуазией и рабочим классом в России и на Украине.

Интересны замечания автора, к сожалению весьма отрывочные, о близости Зибера к украинофильскому движению, об его участии в работах киевской «Громады».

Во второй главе автор на основании целого ряда зиберовских высказываний приходит к выводу, что Зибер 1) понял и усвоил ряд общеметодологических соображений марксовой политической экономики. Автор полагает, что Зибер четко формулирует свое понимание политической экономики как науки общественной и исторической, а также подчеркивает признание закономерности общественных явлений<sup>1</sup>, 2) хотя и недостаточно четко, несколько односторонне, но формулирует идею примата общества над индивидуумом<sup>2</sup>, 3) совершенно определенно формулирует методологическое положение политической экономики о примате производства<sup>3</sup>, 4) для Зибера характерно признание социально-экономического подхода к изучению экономических явлений как одного из основных положений

<sup>1</sup> Д. Б. Наумов, Николай Иванович Зибер., с. 21.

<sup>2</sup> Там же, с. 22.

<sup>3</sup> Там же.

методологии политической экономии<sup>4</sup>, 5) по Зиберу «всякое общественно-экономическое явление должно быть наблюдаемо в чистом виде и с соблюдением времени и места его действительного совершения» (слова Зиберера)<sup>5</sup>. «Абстрактный метод для Зиберера,— пишет Д. Б. Наумов,— есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное; вот почему основным источником познания экономической действительности является для Зиберера наблюдение. Но в отличие от вульгарных экономистов, которые ограничиваются только регистрацией и систематизацией наблюдаемых на поверхности фактов, Зиберер отстаивает необходимость мысленной научной проработки данных непосредственного наблюдения»<sup>6</sup>.

Д. Б. Наумов правильно указывает, что Зиберером был усвоен целый ряд положений марксовской методологии. Однако автором неясно очерчено понимание предмета политэкономии у Зиберера, неясны также и позиции самого автора по данному кардинальному вопросу марксовской методологии<sup>7</sup>, кроме того Д. Б. Наумов не подметил резко выраженного субъективизма, которым окрашена методология Зиберера. «Противники того или иного метода,— писал Зиберер в своей статье против Жуковского,— обыкновенно как будто забывают, что, опровергнувши его значение, им предстоит еще считаться с самими положениями и выводами, полученными при его пособии. Если же положения не тронуты, то весь их штурм на метод окажется детской игрой»<sup>8</sup>. Таким образом Зиберер, подобно Ланге, противопоставляет метод изучения выводов, добытым этим изучением, по Зибереру все методы хороши, если они приводят к правильным выводам, конец — делу венец, выводы как результат исследований являются пробным камнем правомерности примененного метода. Отметим также механистическое понимание категории «закона» у Зиберера. «Сомневаться еще в том,— писал Зиберер,— что при исследовании закона цены должно быть обращено исключительное внимание на то, от каких причин изменяется цена: нужно прежде узнать, от каких причин она придерживается известного уровня. К исследованию причин колебаний жидкостей физика приступила лишь после того, когда стали известны причины, сообщающие жидкостям уровень»<sup>9</sup>. Таким образом если Маркс говорит о законе развития явлений, то у Зиберера речь идет о законе равновесия, Зиберер превращает равновесие, являющееся моментом движения, в исходный пункт действительности и теоретического ее анализа.

В третьей главе автор рассматривает трактовку Зиберером ряда категорий политической экономии. О категории стоимости автор пишет, что Зиберер правильно рассматривает ее как вещественную форму выражения общественного труда в товарном обществе, хотя он иногда и трактовал стоимость как категорию внеисторическую. О категории абстрактного труда Д. В. Наумов указывает, что Зиберер подчеркивает общественный и исторический характер абстрактного труда, представляющего в то же время «общий человеческий труд, затрату мозга, мускулов, нервов и т. д.»<sup>10</sup>. Автор считает также, что

<sup>4</sup> Д. Б. Наумов, Николай Иванович Зиберер., с. 26.

<sup>5</sup> Там же, с. 27.

<sup>6</sup> Там же, с. 30.

<sup>7</sup> Автор настоящих строк в экономической дискуссии выступал против механистов, но по вопросу о предмете политической экономии и целому ряду других положений марксовской методологии защищал концепцию Рубина. Автор целиком и полностью разделяет положения известной итоговой статьи В. Милюткина и Б. Борилина, которой была завершена дискуссия.

<sup>8</sup> Н. Зиберер, Несколько заключений по поводу статьи Ю Жуковского, «Карл Маркс и его книга о капитале», „Отечественные записки“ № 11, 1874, с. 9.

<sup>9</sup> Его же, Теория ценности капитала Д. Рикардо в связи с новейшими дополнениями и разъяснениями, Киев, 1871, с. 133.

<sup>10</sup> Д. Б. Наумов, Николай Иванович Зиберер., с. 44.

Зибер в основном правильно понял марксову теорию денег, рассматривая деньги как форму разрешения противоречия частного и общественного труда.

Ошибочной у Зибера автор считает некоторую переоценку Рикардо, что отразилось в непонимании того нового, что внес Маркс в своем анализе теорий капитала и прибавочной стоимости, ошибочным автор считает также народнический взгляд Зибера, что в чистом капитализме невозможно накопление капитала. Общий вывод автора, что Зибера можно характеризовать как катедер-марксиста, ибо для него марксизм был теорией развития производительных сил на основе непреодолимых исторических тенденций капитализма, ибо он не понимал необходимости диктатуры пролетариата как периода революционного превращения капитализма в социализм<sup>11</sup>.

Общую точку зрения автора на трактовку экономических категорий у Зибера мы считаем правильной. У Зибера мы действительно имеем глубокий анализ категорий абстрактного труда, общественного труда и денег. Однако следует отметить, о чем автор рецензируемой брошюры ни единым словом не обмолвился, отчетливо выраженный субъективизм Зибера и в трактовке указанных категорий. Приведем несколько примеров. «Следя за постепенным усложнением денежного менового процесса,— писал Зибер,— автор (Карл Маркс— А. Р.) выясняет, каким образом отражаются в умах людей явления этого процесса, как сама историческая необходимость толкает их к спиритической материализации своего же собственного конкретного и полезного труда под видом ценностей его продуктов. Вся совокупность этих понятий, весь тот своеобразный и вполне необходимый исторический способ воззрения людей на свои собственные общественные отношения, принявшие форму ценности, Маркс характеризует названием форм ценности... Все эти формы представляют в глазах Маркса не реальные явления в их настоящем смысле, а только представления людей на данной ступени их экономического развития о своих собственных отношениях,— всеобщие и установившиеся формы мышления известной эпохи<sup>12</sup>.

Таким образом Зибер, с одной стороны, характеризует товарный фетишизм как своеобразную мистифицированную идеологию определенной общественной формации, с другой стороны, он склонен рассматривать категории политической экономии как фикции, как нереальности. Эту свою общую точку зрения на категории вообще Зибер применяет также и к стоимости и к деньгам. «...Маркс в учении о формах ценности и денег,— писал Зибер,— говорит не от собственного своего имени, а от имени всего буржуазного общества, которое смотрит на этот предмет не только с метафизической, но даже с фетишистической точки зрения, т. е. приписывая материи и силам внешнего мира человеческие качества»<sup>13</sup>. Мы могли бы привести еще целый ряд мест из Зибера, в особенности из его статьи против Ю. Жуковского, свидетельствующие о присущих ему субъективистических тенденциях в трактовке категорий политической экономии. Но и рассмотренные нами цитаты свидетельствуют, что Д. Б. Наумов упустил эту серьезную погрешность в системе экономических взглядов Зибера.

В четвертой главе автор на фоне полемики с М. Яворским, провозгласившим Зибера основоположником марксизма на Украине, правильно указывает, что «Зибер не был марксистом-революционером, что он не связывал марксизм с практической революционной борьбой, что он воспринимал марксизм крайне

<sup>11</sup> Д. Б. Наумов, Николай Иванович Зибер., с. 64.

<sup>12</sup> Н. И. Зибер, Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях, СПб 1885, с. 240.

<sup>13</sup> Там же, СПб 1885, с. 257.

односторонне, что из марксизма он выбросил его революционный материалистически-диалектический метод, его революционно-классовое содержание, оставив экономическое учение Маркса только как исправленное и усовершенствованное рикардианство»<sup>14</sup>.

Рецензируемая брошюра, при всей недостаточности критики системы экономических взглядов Зибер, является одной из немногих ценных работ, посвященных этому крупному русскому экономисту. Зибер является одной из колоритнейших фигур раннего русского марксизма. Недаром Маркс отзывался о книге Зибер «Теория ценности и капитала Д. Рикардо...», что «при чтении этой ценной книги западноевропейского читателя особенно поражает последовательное проведение раз принятой чисто-теоретической точки зрения»<sup>15</sup>.

Зибер писал не только по вопросам теоретической политической экономии, но и по истории политической экономии, по вопросам генетической социологии и др. Пора о Зибере написать исследование, посвященное его многогранному творчеству.

<sup>14</sup> Д. Б. Наумов, Николай Иванович Зибер..., с. 92.

<sup>15</sup> К. Маркс, Капитал, т. I, с. 3 и 8.

## ВСТУПЛЕНИЕ В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА И ЗАВЕРШЕНИЕ ПОСТРОЕНИЯ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Краткое изложение доклада Б. Б о р и л и н а, прочитанного в Комакадемии  
26/III 1931.

Основная черта последней стадии нэпа — это развернутое наступление социализма по всему фронту, приведшее к коренному изменению соотношения экономических укладов в нашей стране, к решительному изменению соотношения классовых сил по сравнению с первыми этапами развития нэпа.

Последняя стадия нэпа характеризуется абсолютным перевесом социалистического сектора в народном хозяйстве, что означает, что наша страна уже вступила в период социализма.

Такая характеристика нынешнего этапа была дана т. Сталиным уже в прошлом году в его заключительном слове по политическому отчету ЦК на XVI съезде. Эта же характеристика дана и в резолюции, принятой декабрьским пленумом ЦК.

Ленин уже с первых дней Октября подчеркивал, что наша страна вступила на путь развития социализма. Сейчас же после завоевания власти большевиками Ленин сказал:

«Мы знаем, как трудна дорога, ведущая от капитализма к социализму, но мы обязаны сказать, что пока наша республика советов есть социалистическая, потому, что мы на этот путь вступили»<sup>1</sup>.

Само собой понятно, что есть коренное отличие в строительстве социализма на первых ступенях революции от того победоносного наступления социализма по всему фронту, которое мы имеем сейчас.

Ленин в первые годы революции неустанно повторял, что если мы и вступили на путь развития социализма, то мы все же еще очень далеки и от построения фундамента социалистической экономики, и от построения социализма. Возражая увлекающимся товарищам и в первую годовую «левым» коммунистам, Ленин указывал, что у нас нет еще «нового экономического строя», более высокого, чем организованный капитализм, превосходно оборудованной в техническом отношении Германии.

Несмотря на это, говорил Ленин, социализм перестал быть идеалом лишь отдаленного будущего, так как он перешел «из области догмы, из области книжки, программы — в область, которую творят своей рукой рабочие и крестьяне»<sup>2</sup>. В период от Октября до военного коммунизма, когда рабочий класс, осуществляя рабочий контроль в области промышленности, являвшейся не чем иным как овладением пролетариатом командными высотами, уже тогда, фактически в 1918 г., начал создаваться фундамент социалистической экономики в промышленности.

Факт перехода от рабочего контроля к рабочему управлению Ленин оценивал как огромный шаг к подведению фундамента социализма. Вот что он говорил:

«Несмотря на (те) громадные препятствия, рабочим удалось сделать этот основной шаг, который подвел фундамент социализму». «Сделано мало с точки зрения достижения конца, но сделано много, необыкновенно много с точки зрения упорочения фундамента. Говоря о социализме, нельзя говорить о строительстве фундамента сознательном в самых широких рабочих массах в том смысле, чтобы

<sup>1</sup> Соч., т. XV, с. 82.

<sup>2</sup> Там же, с. 372

они взяли книжки, прочитали брошюру, а сознательность, это то, чтобы они взяли собственную энергию, собственными руками за необыкновенно трудное дело, наделали тысячи ошибок и от каждой ошибки сами страдали и каждая ошибка выковывала и закаляла в той работе по организации управления промышленности, которая теперь создана и стоит теперь на прочном фундаменте. Они довели работу свою до конца». «Теперь не только вожди и передовики, действительно широчайшие слои знают, что они сами собственной рукой строят социализм... и никакая сила внутри страны не помешает довести это дело до конца»<sup>3</sup>.

Значительно труднее и сложнее обстояло дело со строительством социализма в деревне. И партия прекрасно сознавала, что без широкого охвата социалистической революцией огромных масс бедняцкого и середняцкого крестьянства не может быть и речи о прочном построении фундамента социализма.

Ленин говорит: «Если по отношению к промышленности встретились такие большие трудности, если там мы должны были переносить этот, кажущийся многим долгий, а на самом деле короткий путь, приведший от рабочего контроля к рабочему управлению, то в наиболее отсталой деревне нам пришлось проделать гораздо больше подготовительной работы»<sup>4</sup>.

«Мы достигли теперь того, что социалистическая революция в деревне начата, и деревенское хозяйство, деревенская беднота, сплываясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает теперь окончательный и прочный фундамент для действительного социалистического строительства»<sup>5</sup>.

Но этот грандиозный план, намеченный Лениным с величайшей отчетливостью и начавший осуществляться в жизни, был сорван гражданской войной, навязанной нам капиталистами при поддержке международного империализма. Наступила эпоха военного коммунизма, когда центр борьбы между социализмом и капитализмом был перенесен в плоскость борьбы за самое существование диктатуры пролетариата, за существование рабочего класса, за сохранение рабочего класса как важнейшей производительной силы общества и будущего строителя социализма.

Насмехаясь над строительством социализма, которое большевики вели в тяжчайших условиях гражданской войны, международная социал-демократия говорила: «Какой это социализм!». Это потребительский социализм, и ничего общего он не имеет с тем социализмом, о котором писали Маркс и Энгельс. Ленин на эти «умные» возражения отвечал:

«В стране, которая разорена, первая задача спасти трудящегося. Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся. Если он выживает, мы все спасем и восстановим». «Если мы его спасем на эти несколько лет, мы спасем общество, страну, социализм. Если не спасем, то скатимся назад, в наемное рабство, т. к. стоит вопрос о социализме, который рождается не из фантазии мирного «дурачка», называющего себя социал-демократом, а из реальной действительности, из бешеной, отчаянной жестокой классово-борьбы»<sup>6</sup>.

Период военного коммунизма закончился нашей военной победой над капиталистами, и Ленин, подводя итоги этой победы, указывал, что «капитализм сломан, но социализма еще нет».

Основные трудности заключаются в том, что в нашей стране преобладает мелкое крестьянское хозяйство.

И Ленин говорил: «Пока мы живем в мелкой, крестьянской стране, для капитализма в России есть более прочная база, чем для коммунизма. Это необхо-

<sup>3</sup> Соч., т. XV, с. 538.

<sup>4</sup> Там же, т. XI, с. 538.

<sup>5</sup> Там же, с. 540-541.

<sup>6</sup> Там же, т. XVI, с. 214-215.



димо запомнить. Каждый, внимательно наблюдающий за жизнью деревни в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу внутривенного врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве, и чтобы подорвать его, есть еще одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу современного крупного производства». «Только тогда, когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности — только тогда мы победим окончательно»<sup>7</sup>.

При переходе к нэпу Ленин считает необходимым восстановить в памяти все то, что он говорил в 1918 г. по поводу нашего экономического строя и соотношения экономических укладов, так как все те положения, которые были сформулированы к концу военного коммунизма, сохранили полную силу в первые годы нэпа.

«Выражение — Социалистическая советская республика, — говорит Ленин, — означает решимость советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание данных экономических порядков социалистическими»<sup>8</sup>.

Говоря в 1921 г. о том, какие элементы преобладают в нашем народном хозяйстве, Ленин указывает, «что в мелкой крестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия: большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товаропроизводители.

«Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа, либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкобуржуазной почве и произрастающей. Так стоит вопрос. Только так стоит вопрос»<sup>9</sup>.

Для нашей страны в первый период нэпа было характерно наличие пяти экономических укладов в нашем хозяйстве. Были «кусочки социализма и кусочки капитализма». Но преобладающим элементом была и не могла не быть мелкобуржуазная стихия.

«Государственный капитализм, — как указывал Ленин, — экономически несравненно выше, чем наша теперешняя экономика», и на вопрос о том, насколько мы близки к осуществлению социализма, Ленин отвечал: «В материальном, экономическом, производственном смысле, мы в «преддверии» социализма еще не находимся»<sup>10</sup>. Но Ленин подчеркивал, что революция осуществила три величайших задачи. В 4 года был выметен весь феодально-крепостнический мусор, который накопился в стране за 400 лет («400 лет навоза в 4 года»). Резолюция осуществила революционный выход из империалистической войны. Было создано первое в мире советское государство, этим начата новая эпоха в истории человечества.

Но основная экономическая задача — построение фундамента социализма — еще не разрешена, «четвертая и главная недоделана: фундамент социалистической экономики», говорил Ленин, хотя мы социализм протаскили в повседневную жизнь. «Из России нэповской будет Россия социалистическая»<sup>11</sup>.

Начатое после X съезда партии отступление было приостановлено лозунгом XI съезда партии о перегруппировке сил на новых позициях и о начале наступления на частнохозяйственный капитал.

Подводя итоги десятилетнему существованию нэпа, необходимо остановиться на последней его стадии, на тех огромных победах, которые достигнуты социализмом в экономическом строительстве.

<sup>7</sup> Соч., т. XVII, с. 427-428.

<sup>8</sup> Там же, т. XVIII, ч. 1, с. 203.

<sup>9</sup> Там же, с. 205.

<sup>10</sup> Там же, с. 209.

<sup>11</sup> „XIII Ленинский сборник“, с. 16.

<sup>12</sup> Соч., т. XVIII, ч. 2, с. 108.

Мелкобуржуазная стихия больше не является преобладающей в нашей стране. Не существует больше «кусочков социализма», о которых говорил Ленин в первые годы революции. Сейчас уже социализм превратился в величайшую силу и является абсолютно преобладающим экономическим укладом в нашей стране, о чем красноречиво говорят цифры наших достижений во всех областях нашей экономики.

Эти успехи вызывают бешеную злобу всей международной буржуазии и ее прихвостней, социал-демократов. Среди последних особенно изощряется в своем подлоге Каутский, отрицающий в своей последней книге «Большевизм в тупике» достижения в области промышленности. Вот что пишет Каутский: «Наша социал-демократическая программа требует обобществления на путях демократии. Обобществление должно быть планомерно подготовлено демократическим государством, в котором существует и полная свобода политической самодеятельности для всех граждан. Но и осуществлено должно быть обобществление на основе господства демократии и внутри предприятий, т. е. на основе демократического управления предприятием при участии рабочих, с одной стороны, и потребителей, с другой».

Каутский не может не отвергать успехов в области промышленности, так как у нас на предприятиях нет буржуазной демократии, и национализацию мы осуществили, лишив капиталистов их политических и экономических прав.

Но как бы ни бесновались социал-фашисты, защищающие интересы международной буржуазии, им не затушевать гигантских побед советской страны, где восстановленная и развитая крупная промышленность находится в руках пролетариата, строящего социализм.

И Маркс, и Энгельс, и Ленин повторяли, что без крупного производства не может быть и речи о подлинном социализме.

Эту основную базу социализма в лице крупной промышленности мы имеем. Особенно велики успехи в области тяжелой индустрии, что вынуждена признать и буржуазно-экономическая печать вроде английского журнала «Economist», который пишет: «Большевики заботятся о тяжелой промышленности больше, нежели капиталистические магнаты».

Каковы же факты этого развития в области промышленности? По чугуну, мы обгоняем в 1931 г. Англию 1929 г., по стали — Францию 1928 г., по углю, если будет выполнен план 1931 г., то мы в три раза обгоним Бельгию и Францию. Уже в 1931 г. мы будем иметь продукции в области машиностроения на сумму в 2400 млн. рублей, вместо намеченных для последнего года пятилетки на сумму в 2 млрд. рублей.

СССР становится страной крупного машиностроения. Мы создаем оборудование для наших металлургических заводов и для нашей горной промышленности. Мы создаем дорожные машины, тракторы, сельскохозяйственные машины, изменяющие самый тип сельскохозяйственного инвентаря.

Имеется ряд гигантов, уже пущенных в ход, как ростовский Сельмаш, Сталинградский тракторный, Керченский металлургический, Путиловский тракторный, электрозавод в Москве, нефтеперегонные заводы в Баку и др. городах, ряд электростанций, химических заводов и др.

В 1931 г. из 817 объектов нового строительства вступят в строй 518. Среди них будет пущено в ход 27 сверхгигантов, стоимость которых равна 51,3% стоимости всего нового строительства.

Характерной чертой нынешнего этапа является не только победа социализма в области промышленности, но и строительство социализма в сельском хозяйстве.

Здесь в области сельского хозяйства окончательно разрешается задача подведения фундамента под социалистическую экономику. Верный себе социал-предатель Каутский, пророчествуя «крушение», «эксперимента» большевиков в области

коллективизации сельского хозяйства, вынужден полностью перейти на позицию Бернштейна, с которым он в свое время вел спор.

В текущем году будет завершена сплошная коллективизация в зерновых районах. Если в предыдущие годы огромная доля в колхозах принадлежала бедняцким хозяйствам, то в настоящее время на первом плане находятся середняцкие хозяйства, что свидетельствует о том, что середняк решительно и бесповоротно повернул к социализму.

Уже на первых ступенях своего развития колхозы показывают свое преимущество над индивидуальными хозяйствами.

Соревнование между обобщественными и необобщественными хозяйствами дает решительный перевес первым, о чем свидетельствуют высшие показатели урожайности и товарности сельского хозяйства.

Если в 1929 г. товарность сельского хозяйства была равна 19%, то в 1930 г. она была равна 30%.

Дальнейшее повышение товарности обеспечено промышленностью, которая дает сельскому хозяйству такое количество средств производства и финансовых средств, которое в относительных размерах превосходит все то, что дает промышленность сельскому хозяйству в капиталистических странах. 1931 г. должен дать решающий, абсолютный перевес социалистическому сектору хозяйства.

Переходя к оценке роли торговли, необходимо отметить, что государственному и кооперативному торговому аппарату принадлежит большое место на нынешнем последнем этапе нэпа. Если взять основную торговую организацию, Центросоюз, то его годовой оборот равняется сейчас 16 млрд. руб., а вместе с общественным питанием — 19 млрд. Вопросы распределения и торговли, вопросы организации торговли занимают центральное место в нашем хозяйственном строительстве, и главная задача государственных и кооперативных торговых организаций должна заключаться в плановой организации торговли и товарооборота.

Когда же полностью будет разрешена проблема снабжения и подготовлена организация распределения, тогда можно будет перейти непосредственно к организации социалистического продуктообмена.

Важнейшим фактором нынешнего этапа революции является ликвидация в СССР безработицы, это величайшее доказательство победы социализма в нашей стране со всей наглядностью подчеркивает, что промышленная и резервная армия является неразрывным спутником развития капитализма.

Еще Маркс предвидел, что если бы в такой стране, как Англия, «завтра труд был повсюду ограничен до рациональных размеров и распределен между различными слоями рабочего класса соответственно возрасту и полу, то наличного рабочего населения было бы абсолютно недостаточно для продолжения национального производства в настоящих его размерах»<sup>13</sup>.

Это предвидение полностью оправдалось в нашей стране. Безработица исчезла в СССР по двум причинам: во-первых, условия труда рабочего установлены соответственно с социалистическим принципом сокращения рабочего дня до 7 часов, установления пятидневки и т. д., а во-вторых, промышленность и большая часть сельского хозяйства, организованные на социалистических началах, развиваются такими темпами, которые являются абсолютно недопустимыми, немислимыми для капиталистического производства.

Происходит гигантский процесс вовлечения новых рабочих масс в социалистическое производство. Ряды рабочего класса пополняются крестьянством, которое соответствующим образом качественно и культурно перерабатывается. Факт ликвидации безработицы показывает, что новому социалистическому способу производства свойственен свой особый общественный механизм, ничего общего не имеющий с тем механизмом получения рабочего с биржи труда, который су-

<sup>13</sup> Маркс, Капитал, т. I.

ществует в капиталистическом обществе, рабочая сила в социалистическом производстве может следовательно получиться либо за счет нормального прироста населения либо за счет интенсивного процесса механизации самого производства.

Вот почему так необходимо неустанно рационализировать наше производство и процессы труда и так необходимо развитие техники и механизации производства.

Факт ликвидации в СССР безработицы, факт ликвидации капиталистической «свободы» труда вызывает бешеное наступление на нас со стороны всех капиталистических стран, твердящих о «принудительном и рабском труде», якобы существующем в нашем хозяйстве.

То, что капиталистическая и социалистическая печать называет «принудительным трудом» — это есть новый исторически складывающийся тип организации производства и труда, знаменующий начало полной победы социалистического способа производства.

Переходя к единому финансовому плану всего народного хозяйства СССР на 1931 г., нужно прежде всего отметить тот факт, что этот план охватывает 65,9% всего народного дохода страны, тогда как в 1928/29 г. он охватывал 40,8%, а в 1929/30 г. — 52%.

Насколько велико при этом влияние социалистического сектора хозяйства показывает то, что из общей суммы дохода по единому финансовому плану в 31 млрд. руб. 24 млрд., или 77,3%, представляют собою средства обобщественного сектора.

Если Ленин мечтал о накоплениях и сбережениях в небольших размерах из года в год, чтобы создать базу для строительства социализма, то в настоящее время проблема социалистического накопления уже разрешена.

Огромную роль в этом смысле играет перевес плановых элементов в нашем хозяйстве, углубленность и конкретность планового воздействия, встречный промфинплан и т. д.

Перечисленные основные факты хозяйственного развития и хозяйственных достижений СССР неопровержимо доказывают, что нынешний последний этап не-ла знаменует собой огромную победу социалистического начала в масштабе всего народного хозяйства.

Он решительно и коренным образом изменяет соотношение классовых сил и экономических укладов в стране, этот этап означает достижение абсолютного перевеса социалистического способа производства и вступление в период социализма.

Это лишь первоначальная стадия эпохи социализма, и нет никакого сомнения, что в самом социализме еще будет ряд переходных форм до окончательного упразднения классов в стране, когда будет достигнута высшая фаза коммунистического общества.

И ничего общего не имеет с марксизмом-ленинизмом точка зрения правых и «левых» оппортунистов, считающих, что вступление в социализм означает ликвидацию денег, рынка, материальной нищеты, отсутствие деления на классы и т. д.

Чрезвычайно важно помнить, как подходили к вопросу о коммунистическом обществе Маркс, Энгельс и Ленин.

Маркса интересовало, как из недр капитализма рождается коммунистическое общество.

«У Маркса, — пишет Ленин в «Государстве и революции», — нет и капли утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, фантазировал «новое» общество. Нет, он изучает как естественно-исторический процесс рождение нового общества из старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактически опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться опыту великих движений угнетенного класса. никогда не подходя к ним с педантическими «нравоучениями». «Бесконечно жи-

во, — пишет Ленин, — обычное буржуазное представление, будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле только с социализма начинается быстрое, настоящее, действительно массовое при участии большинства населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»<sup>14</sup>.

Как мало похоже на этот подход Маркса и Ленина представление наших оппортунистов о социализме. Марксизм никогда не представлял социализм, как утопическое царство, которому не свойственно никакое движение и которое возникает сразу в один прекрасный день в полном своем виде. Такая точка зрения была свойственна утопическому, но не научному социализму.

Ленин и говорил, что до полного коммунизма будет много переходных форм и что «никакая форма не будет окончательной, пока не будет достигнут полный коммунизм»<sup>15</sup>.

Вот почему Ленин выдвигал на первый план вопрос о том, с чего начинается социализм, с чего рабочий класс должен начать осуществление социалистического общества.

«Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества, — говорит Ленин, — когда большинство народа начинает производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, «некуда будет деться». Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы».

«Но, — продолжает Ленин, — эта «фабричная» дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзости капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед»<sup>16</sup>.

Вслед за учетом и контролем за производством и распределением продуктов должно быть осуществлено, говорит Ленин, «второе, столь же существенное материальное условие введения социализма, именно повышение в общенациональном масштабе производительности труда»<sup>17</sup>.

Так на основе создания и развития ряда переходящих форм в самом социализме может быть достигнуто и развитое социалистическое общество, где полностью и до конца будут ликвидированы классовые различия, уничтожено различие между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, где производительные силы достигнут гигантского развития и где расцветет личность и культура человека.

Вот что по этому поводу пишет Маркс: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет поработаживающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда, когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет самой первой потребностью жизни, когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям».

<sup>14</sup> Соч., т. XIV, ч. 1, с. 335 и 378.

<sup>15</sup> Там же т. XV, с. 580.

<sup>16</sup> Там же т. XIV, ч. 1, с. 380.

<sup>17</sup> Там же т. XV, с. 198.

Вот какой вид должна иметь высшая фаза коммунистического общества, к осуществлению которого мы стремимся.

Великое значение учения Маркса заключается в том, что он в отношении коммунистического общества применяет метод материалистической диалектики, метод рассмотрения общества в развитии, вместо тех схоластически выдуманных, сочиненных определений о социализме и коммунизме, которые свойственны всем мелкобуржуазным утопистам. И поэтому о высшей фазе социализма — о коммунизме — можно говорить тогда, когда будут ликвидированы все следы прежних классовых различий, когда будет ликвидировано различие между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. При коммунизме должны быть ликвидированы и деньги. «Никому, — пишет Энгельс, критикуя Дюринга, — не может притти в голову выразить заключающееся в продуктах количество труда, которое ему (производителю — *В. В.*) непосредственно и абсолютно известно, еще сверх того посредством относительной, неопределенной и недостаточной, хотя и бывшей ранее неизбежной как крайнее средство мерой, т. е. выразить их в третьем продукте, а не в их естественной, адекватной, абсолютной мере — в рабочем времени»<sup>18</sup>.

Энгельс также резко критиковал Дюринга, не понимавшего, что «коммунизм с сохранением разделения труда не есть коммунизм».

«Старый способ производства, — писал Энгельс, — должен быть изменен до основания, а следовательно должно исчезнуть и старое разделение труда, угнетающее как все общество, так и каждого отдельного его члена»<sup>19</sup>.

На высшей фазе развития коммунизма политика полностью поглотится экономикой. Политическая власть над людьми превратится в управление вещами, в заведывание процессами производства, как говорит Энгельс.

«Государство следовательно отомрет лишь в таком обществе».

Конечно, от такого общества далеки и социализм и первая его фаза, в которую мы вступили.

Учение марксизма о развитии коммунистического общества, о различных фазах, ступенях развития коммунистического общества имеет огромное значение как для понимания нынешнего периода социализма, так и для борьбы с правыми и «левыми» оппортунистическими оценками современного этапа.

Мы вступили в социализм, но находимся еще на первой его стадии, в которой нэп себя еще не изжил. Поэтому легкомысленно и политически опасно игнорировать на нынешнем этапе такие вещи, как деньги, финансовую систему, задачи развития товарооборота, хозяйственного расчета, классы и т. д.

Нельзя говорить о ликвидации денег, когда еще существуют элементы частной торговли и частного рынка, которые не могут существовать без денег.

Помимо того, что для упразднения денег необходимы экономические изменения, которые должны привести к полной ликвидации частной торговли и частного хозяйства, для упразднения денег необходимо также наладить организацию распределения продуктов для сотни миллионов людей. А вот «дело долгих лет»<sup>20</sup>.

Таким же образом дело обстоит и с вопросом о товарообороте. Глубоко неверна точка зрения ряда товарищей, считающих, что, отнесясь далеко частную торговлю и заменив ее кооперативной и государственной торговлей, мы можем уже на данной стадии отказаться от развития советского товарооборота и перейти полностью на социалистический продуктообмен. Эта установка только тогда была бы верна, если бы мы могли полностью и прямо организовать социалистический обмен всех продуктов промышленности на продукты земледелия.

Осуществление этой задачи в полном размере еще нам не под силу, и поэтому

<sup>18</sup> Энгельс, Анти-Дюринг, с. 295.

<sup>19</sup> Там же, с. 279.

<sup>20</sup> Ленин, Соч., т. XVI, с. 218.

вредными являются разговоры относительно возможности уже на данной стадии перехода к прямому продуктообмену.

Наконец важнейшим вопросом является вопрос о хозяйственном расчете.

Многие товарищи понимали, что нынешняя, последняя стадия нэпа означает отмену хозяйственного расчета. Хозрасчет на нынешней стадии нэпа принципиально отличается от коммерческого расчета при введении нэпа, приспособлявшегося к условиям частного рынка, к развязыванию частнохозяйственного капитализма.

Ленин писал: «Хозяйничайте все, капиталисты будут рядом с вами, рядом с вами будут и иностранные капиталисты, концессионеры и арендаторы, они будут у вас вышибать сотни процентов прибыли, они будут наживаться около вас. Пусть наживаются, а вы научитесь у них хозяйничать, и тогда только вы сумеете построить коммунистическую республику»<sup>21</sup>.

Что представляет собой хозрасчет на нынешней стадии развития? Хозрасчет, как это сформулировано в постановлении СНК о кредитной реформе, является основным методом управления предприятиями, объединениями внутри социалистического сектора.

Установлением хозрасчета достигается осуществление системы контроля государства и объединения над предприятиями. Получается, своего рода сделщина: предприятие получает в зависимости от того, сколько оно дает. Те же отношения осуществляются между предприятием и цехами внутри данного предприятия, что является контролем предприятия и рабочего государства над производителями, ибо оплата должна производиться по труду.

Отношения между отдельными предприятиями оформляются в виде договорных отношений, в виде предоставления определенных заказов и их выполнения. Этим достигается контроль потребителя над производителем, хотя буржуазная апологетика отрицает, что коммунисты заботятся о потребителе.

Хозрасчет — это метод снижения себестоимости, метод проверки накопления и рационализации.

В капиталистическом обществе стимулом снижения себестоимости, стимулом накопления и рационализации выступает конкуренция. В нашей стране строящегося социализма этого стимула нет, и на смену ему выступает метод хозрасчета.

Меры воздействия, предусмотренные положением о хозрасчете, — это дисциплинарные взыскания, кредитное воздействие, государственный арбитраж и на конец продажа материальных ценностей в принудительном порядке. В этих мерах отражается двойственность, свойственная нашей эпохе: с одной стороны, последняя стадия нэпа, а с другой стороны — стадия вступления в период социализма.

Конечно в социалистически развитом обществе, никто не подумает распродавать материальные ценности какой-нибудь хозяйственной единицы в принудительном порядке.

Но это ни в какой мере не говорит за то, что при социалистическом обществе каждая хозяйственная единица и производитель будут бесконтрольны.

Касаясь первой стадии коммунистического общества — социализма, — Маркс писал: «Определенный производитель получает от общества обратно за всеми вычетами ровно столько, сколько отдает ему, а отдает он ему свое индивидуальное количество работы». «Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой».

Известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой<sup>22</sup>.

Из всего этого видно, что непонимание осуществления хозрасчета на нынешней стадии нэпа является чрезвычайно вредным.

<sup>21</sup> Соч., т. XVIII, ч. 1, с. 380.

<sup>22</sup> „Критика Готской программы“, с. 53, 54.

Период вступления в социализм полон трудностей. Этот период отличается тем, что он не только изменяет пропорции в народном хозяйстве, которые сложились в старом обществе, но и коренным революционным образом изменяет его.

Идет полная ликвидация капитализма, которая вызывает ожесточенную классовую борьбу.

Ясно, что эта борьба будет продолжаться до тех пор, пока капиталистическое общество не будет полностью преобразовано в коммунистическое. Вот тут-то с особенной отчетливостью выступает и вся правооппортунистическая бухаринская схема, изображающая развитие переходной экономики как процесс автоматического изживания классовой борьбы и трудностей, а вступление в социализм по этой схеме — это мирное вращение в социализм без трудностей, без классовой борьбы.

Настоящий период должен коренным образом изменить соотношение между промышленностью и сельским хозяйством. В своих «Заметках экономиста» Бухарин констатирует отставание промышленности «от самое себя» и удивляется тому, как это происходит. Он не понял того, что это отставание «от самое себя» естественно и обуславливается той революционной переделкой пропорций, которые существуют в нашем хозяйстве.

Если мы возьмем капитальное строительство, то был период, когда капиталы, вложенные в нашу промышленность, не могли давать немедленного и полного эффекта, даже отвлекаясь от контрреволюционного вредительства.

Неизбежным поэтому является известное расхождение, примерно в росте капиталовложений, с одной стороны, и росте товарных фондов, с другой.

Но уже в 1931 г. самый тип капитального строительства изменяется. Вкладываемая в промышленность  $5\frac{1}{2}$  млрд. руб., мы получим огромное высвобождение капиталов в размере 4 млрд. руб.

Огромное напряжение, которое мы имеем на таких участках промышленного строительства, как металл, уголь, объясняется тем, что переделка нашего хозяйства предъявляет колоссальный спрос на металл и уголь.

Потребность транспорта в металле примерно исчисляется в 8 млн. тонн на 1933 г. Украина нуждается в 50% всей южной металлургии. И если сравнить развитие металлообрабатывающей промышленности с металлодобывающей, то видно, что первая, развиваясь более быстро, вызывает огромный спрос на металл.

Такое же напряжение роста мы имеем и в области легкой индустрии, сырьевой базой для которой является крупное сельское хозяйство. Все эти факты свидетельствуют о том, что отставание промышленности «от самое себя», приведшее в недоумение т. Бухарина, проистекает от процесса переделки нашего хозяйства, от преодоления технико-экономической и культурной отсталости в нашей стране.

Каким путем могут быть преодолены все эти трудности? Только последовательным развитием социалистической реконструкции нашего хозяйства, последовательным проведением классовой борьбы и наступлением социализма. Немаловажную роль также играют и субъективные усилия рабочего класса в деле преодоления трудностей.

В социалистической реконструкции огромная роль принадлежит технике, организации производства и труда, поднятию производительности труда и нашей культуры.

Нельзя создать примерно крупного сельского хозяйства, если оно не получит достаточного количества машин, если организация труда не будет поставлена на должную высоту.

То же самое с вопросами о каменноугольной промышленности, о лесопромышленности.

Овладение техникой является лозунгом сегодняшнего дня, выдвинутым т. Сталиным в его речи на съезде работников социалистической промышленности.



Сейчас, если говорить о соотношении классовых сил в стране, то вопрос о победе социализма над капитализмом следует считать решенным.

Но этим еще не сказано, что если основные трудности преодолены, то и классовая борьба закончилась. Правда, мы ликвидируем кулачество как класс на основе сплошной коллективизации, но процесс еще не закончен и не будет закончен сразу по завершении построения фундамента социалистической экономики. Остатки капиталистических элементов еще будут отчаянно защищаться, пока не будут окончательно выкорчеваны. Завершение построения собственной социалистической основы, социалистической экономической базы для развития новой общественной формации означает ликвидацию двойственности, существовавшей в нашей экономике и выражавшейся в том, что социалистическое строительство опиралось кроме социалистической промышленности в городе на раздробленные индивидуальные мелкособственнические хозяйства в деревне.

Этим в основном будет закончен переходный период от капитализма к социализму.

Но это все же не значит, что в самом социалистическом обществе не будет еще ряда переходных форм и ступеней до полного коммунизма.

«Никакая форма не будет окончательной, — говорит Ленин, — пока не будет достигнут полный коммунизм».

Мы завершаем построение фундамента социалистической экономики, но до построения всего здания социалистической экономики — социализма — мы еще далеки.

Еще не все средства производства в сельском хозяйстве обобществлены.

В преобладающей в колхозах артельной форме часть средств производства является собственностью индивидуального крестьянина, поэтому завершение построения фундамента социализма будет означать в основном превращение нашей страны из страны нэповской в страну социалистическую. Но этим нэп не будет еще полностью исчерпан, как некоторые думают, так как еще на определенное время сохраняются элементы частной торговли и капитализма — деньги, хозяйственный расчет и т. д. Помимо того будет еще определенный процент крестьянского населения, не охваченного колхозами.

Поэтому теоретически неверно и политически вредно недооценивать элементы нэпа и при завершении построения фундамента социалистической экономики.

При завершении построения фундамента социализма основная база капитализма в стране будет вырвана у врага, центр тяжести борьбы между социализмом и капитализмом переносится на международную арену.

Эта борьба будет ожесточенная потому, что чем больше на фоне разваливающегося, находящегося в состоянии глубокого кризиса капиталистического хозяйства будет расти, крепнуть и развиваться наше социалистическое хозяйство, тем более острым будет становиться конфликт между двумя принципиальными системами — капитализмом и социализмом.

Поэтому вопрос «догнать и перегнать» является самым острым и основным вопросом нашего хозяйственного и политического развития. Поэтому т. Сталин и говорил: «Или мы в течение 10 лет догоним и перегоним капиталистические страны, или они нас сомнут».

С завершением фундамента социализма классовая структура и социальная структура всей нашей страны решительно и принципиально изменяется.

Основным отношением в стране уже не будет отношение между рабочим классом и средним и беднейшим индивидуальным крестьянством, а отношения между строящим социализм промышленным пролетариатом, который уже перестал быть рабочим классом в собственном смысле слова, и его действительно прочной опорой в деревне — колхозниками, которые уже тоже перестали быть крестьянством в собственном смысле слова и которые будут составлять основную и преобладающую массу в деревне.

Совершенно ясно, что мы будем иметь приближение к такому обществу, которое будет состоять из одних только социалистических производителей, хотя разница между рабочим и крестьянином еще продолжительное время не будет ликвидирована.

Построение фундамента социалистической экономики создает условия для небывалого развития производительных сил. Только тогда в полной мере будет доказано то гигантское преимущество, которое социализм имеет над всеми предшествующими экономическими формациями и над капитализмом.

Поэтому так огромно значение техники в настоящий период.

«Мы взяли власть, мы повернули середняка на путь социализма, самое важное с точки зрения строительства мы уже сделали», говорит т. Сталин. «Нам остается немного — изучить технику, овладеть наукой».

Здесь именно в этой области, в области техники и культуры, должен быть дан последний и решительный бой капитализму в экономической области.

Тем самым окончательно и бесповоротно в истории будет доказано преимущество коммунистического строя над капитализмом.

**Тов. Бутаев.** Необходимо остановиться на трех моментах доклада Борилина. Он включает социализм и социалистическое общество в переходный период от капитализма к коммунизму и ставит в связи с этим ряд вопросов, из которых некоторые неправильно переносит и на социалистическое общество. Эти видно из некоторых борилинских положений: 1) из связи класса и классовой борьбы, 2) из связи товарных отношений и денег, 3) из связи коммерческого расчета и хозрасчета.

Неправильно утверждение т. Борилина, что окончательную и полную ликвидацию классов дает только коммунизм. Социализм, первая фаза коммунизма, уже предполагает уничтожение классов. Но это не значит, что при социализме все будут равны, старое разделение труда не уничтожается и при социализме и будет ликвидировано только при коммунизме.

У нас сейчас существуют классы, тем не менее мы вступили в период социализма, ибо подавляющее количество всех хозяйственных рычагов находится в руках социалистического сектора.

Борилин делает также ошибку, когда, говоря о качественных сдвигах, утверждает, что культура социалистической экономики означает построение своей собственной основы для промышленности и для сельского хозяйства. Ведь и раньше в сельском хозяйстве основой было мелкотоварное хозяйство, а сейчас — социалистические основы развития.

Основное же положение, определяющее построение фундамента социалистической экономики, заключается в том, что в подавляющей части сельского хозяйства происходит уничтожение частной собственности, если и неполное, то как процесс, что в свою очередь означает отрыв крестьянской частной собственности и организацию его на коллективных началах. Вторым решающим фактором в деле завершения построения социалистического фундамента служит то обстоятельство, что воспроизводственные процессы происходят сейчас главным образом только в социалистическом секторе. Мы завершаем построение фундамента социалистической экономики в своеобразных условиях существования нэпа, в условиях существования классов и классовой борьбы. Борилин же ошибочно переносит это своеобразие и на социалистическое общество, полагая уничтожение классов только при коммунизме.

Рабочий класс у нас в переходный период — особый класс. Как же определить классовую принадлежность колхозников? Колхозники — особый класс, правда класс переходной, изживающий себя в процессе развития колхозов. Если взять весь класс колхозников в целом, взять его отношение к основным средствам производства, которые обобществлены на основе групповой собственности, их можно назвать пользуясь термином Маркса, ассоциацией производителей на ос-

нове определенной общественной, правда групповой собственности. В этом отличие класса колхозников от рабочего класса, от единоличников, от которых колхозники отличны в классовом отношении. Если бы колхозники не были особым переходным классом, нельзя было бы ставить вопрос о том, что они являются главной опорой советской власти. Классовые противоречия теперешнего периода создают те особенности, которые определяют его как начальный период вступления в социализм. Поэтому эти классовые отношения нельзя переносить на тот период, когда мы это различие классов уничтожим, т. е. будем иметь социалистическое общество.

Второй вопрос — это вопрос о деньгах и об особом характере товара. И здесь т. Борилин устанавливает крайне неопределенное положение, когда говорит о том, что в социалистическом обществе и при коммунизме должны быть уничтожены деньги.

При такой позиции неясно, когда именно будут ликвидированы деньги. Можно установить два положения, при которых деньги могут быть уничтожены, — при социалистическом распределении и при продуктообмене, причем следует отметить, что продуктообмен еще не означает социалистического распределения, а предполагает наоборот ведение хозяйства на основе известных самостоятельных, отдельных предприятий. И продуктообмен, осуществляемый при отсутствии денег, превращается в социалистический товарообмен.

Товарообмен предполагает отсутствие денег и денежного обращения, т. е. непосредственный обмен продуктами. Этого у нас еще понятия нет. Мы не будем переходить непосредственно от советской торговли к продуктообмену, а перейдем непосредственно к социалистическому распределению. Следовательно уничтожить деньги мы сможем только тогда, когда перейдем к организации социалистического распределения, а Борилин опять-таки неправильно переносит деньги в социалистическое общество.

Какова природа денег, а следовательно в связи с этим, природа советской торговли? Нельзя понять природу советской торговли и советских денег, исходя из тех установок, как напр. у т. Козлова, что наши деньги имеют все те функции, которые они вообще выполняют при товарных отношениях, или как у Сокольникова, что наши деньги не отличаются от капиталистических и т. д. Понять природу денег можно, только исходя из двух следующих противоречий, которые мы имеем сейчас в советской экономике: 1) противоречия между обобществленным трудом и необобществленным, 2) между уровнем развития производительных сил и социалистическими производственными отношениями. Поскольку обобществленный и необобществленный труд имеют место в нашей системе хозяйства, связь между ними осуществляется в форме товарных отношений. Товарная форма не есть форма, свойственная социалистическому производству. Снимаются ли деньги при ликвидации кулачества? Нет, не снимаются. Поэтому противоречие, которое мы имеем при социалистическом производстве, и уровень производительных сил еще не снимаются. Поэтому адекватной формы трудовых затрат мы еще к этому времени иметь не будем, и нам придется выражать их в деньгах, которые будут выражать количественный момент конкретного труда.

Цены, которые мы устанавливаем, есть денежное выражение трудовых затрат, количественное выражение того конкретного труда, который затрачен на производство товара. Поэтому утверждение о том, что наши деньги не разнятся от капиталистических, в корне неправильно. Но это однако не означает, что деньги превратились в расчетный знак. Они превратились бы в расчетный знак, если бы мы выразили трудовые затраты не в деньгах, а в самом труде.

Природу двойственности советских денег и советской торговли можно объяснить, исходя из правильного понимания общественного характера или характера

общественного труда в условиях переходного хозяйства, которое мы сейчас переживаем. Когда мы перейдем к новой форме трудовых затрат, тогда деньги перестанут служить формой этого измерения. После завершения построения фундамента социалистической экономики деньги и советская торговля у нас останутся. Они ликвидируются только вместе с ликвидацией классов. Сталин говорит, что нэп есть политика уничтожения классов. Завершение построения социалистического фундамента не означает ликвидации нэпа, но нэп изменит свое содержание, свою характеристику, ибо сохранится хозрасчет, сохранятся деньги, договорные отношения и т. д. Переход от них к социалистическому распределению будет означать ликвидацию нэпа целиком и полностью.

**Тов. Гольдштейн.** Обзор печати капиталистических стран: писания буржуазных критиков и экономистов (Артур Файлер, Стюарт Чейз, Арнольд Рейберг, проф. Колинросс, проф. Бон и др.), социал-демократической прессы (Отто Бауэр, Дейтч и др.), вождей левосоциал-демократической группы... Макса Адлера, Энгельбертса, Графа, наконец выступления Троцкого приводят нас к следующим выводам.

Экономический кризис до крайнего предела обострил все противоречия капитализма, а следовательно обострил и борьбу двух систем — капиталистической и мира, строящегося социализма. Однако в ту непрерывную серию нападений и нападков на СССР — от вооруженной борьбы 1920 г. до экономического похода против СССР 1931 г. — при внимательном ознакомлении с буржуазной прессой можно легко заметить новые элементы в отношении к СССР. В чем же это новое? Еще не так давно пятилетка в буржуазной прессе не именовалась иначе как «фантазией в цифрах», «бредом сумасшедших», «интересным романом» и т. д., однако в последнее время отношение к пятилетнему плану во всем капиталистическом мире резко переменялось в «положительную» сторону. Но помимо этой неожиданной перемены еще больше приходится поражаться тому единодушию, которое воцарилось и в буржуазной прессе, и в левых и правых социал-демократических газетах, и даже во взглядах Троцкого на «русский вопрос». Пятилетка признается реально выполненной, успешное окончание ее не вызывает ни в ком сомнений — ни в правых, ни в левых, ни даже в фашистских кругах.

Ни буржуазия, ни социал-демократия не смеют открыто выступить против пятилетки, против социалистического строительства, но поэтому они стараются запугать рабочего последствиями ударного выполнения пятилетки, якобы несущего углубление мирового кризиса, и кроме того окольными путями показать, что на путь выполнения пятилетки могли пойти только «варвары Востока», а сознательные рабочие капиталистических стран не последуют их примеру. Корни этого поворота в оценке СССР — в растущем и углубляющемся мировом кризисе, они кроются в революционном подъеме масс, в той популярности идей нашего социалистического строительства, в усилении внимания трудящихся всего мира к «стране без кризиса и без безработицы». Однако из этого поворота ни в какой мере не следует, что опасность войны против СССР снимается. Буржуазии и социал-фашистам все труднее становится мобилизовать народные массы и широкое общественное мнение вокруг нападения на пролетарское государство, что свидетельствует об огромной популярности нашего пятилетнего плана и социалистического строительства среди рабочих и трудящихся масс всего мира. Буржуазия с помощью правых и левых социал-фашистов будет продолжать борьбу со страной строящегося социализма, но принуждена на данном этапе развития подкреплять свое наступление новыми аргументациями.

**Тов. Островитянов.** Отмечая неясность выступления т. Бутаева в вопросах о природе колхозника, о товарных формах денег и т. д., необходимо указать на то, что для правильного разрешения этих вопросов, надо вернуться к проблеме о взаимоотношении плана и стихии в советском хозяйстве. Одной из наиболее характерных черт нового этапа (по определению т. Сталина) является именно

качественно новая роль планового начала в советском хозяйстве. Социалистический сектор держит в своих руках решающие рычаги нашего хозяйства. Это позволяет говорить нам, что мы вступили в период социализма.

В свое время у нас велась ожесточенная дискуссия по вопросу «регулятора» советского хозяйства. Сам термин «регулятор» и те установки, которые по этому вопросу многими давались, уже в значительной степени не соответствуют тому положению, в котором мы сейчас находимся, но проблема, которая за этим термином скрывается, эта проблема остается без правильного ответа. Для того чтобы понять природу денег, товарную форму и другие явления, которые имеют место на новом этапе, мы должны твердо ответить на этот вопрос. Наиболее общий закон, который определяет распределение труда и средств производства в нашем хозяйстве, который обеспечивает расширенное воспроизводство социалистических отношений и построение социализма в стране, резко отличается от закона, обеспечивающего воспроизводство капиталистических отношений в капиталистической системе.

Закон, который определяет такое распределение труда и средств производства в нашем хозяйстве, которое обеспечивает расширенное воспроизводство социалистических отношений, приближается в очень большой степени к тем законам, которые будут определять расширенное воспроизводство социальных отношений в социалистическом хозяйстве. Этот закон определяется планом в сочетании с известными еще сохраняющимися у нас элементами стоимости регулирования.

Мы должны подходить к советскому хозяйству как к некоторому единству антагонистических элементов, поскольку речь идет о взаимоотношениях между социалистическим и индивидуальным сектором крестьянского хозяйства, поскольку мы имеем, с одной стороны, общность интересов между теми и другими, а с другой стороны — противоречие интересов, поскольку индивидуальный сектор крестьянского хозяйства способен рожать и рождает капитализм.

Отсюда вытекает ведущая роль рабочего класса в союзе с крестьянством, переделка крестьянского хозяйства в коллективы, и, поскольку речь идет о капиталистическом секторе, мы имеем отношения непримиримого антагонизма.

Тов. Бутаев неправильно определял природу колхозников, утверждая, что превращение единоличников в колхозников ведет к образованию нового класса, т. е. в сущности нового антагонизма, тогда как наоборот коллективизация есть форма уничтожения тех противоположностей, которые существуют между рабочим классом и крестьянством.

Таким образом мы подходим к советскому хозяйству, как к некоторому единству противоположностей. Поэтому, когда мы ставим перед собой вопрос, что определяет такое распределение труда в советском хозяйстве, которое дает в нем воспроизводство социалистических отношений, то можно ответить, что это определяется плановым началом в сочетании с элементами стоимостного регулирования, причем на нашем последнем этапе роль планового начала является абсолютно преобладающей.

На первом этапе нэпа мы не могли говорить, что у нас существует плановое руководство, в этот период мы допускали оживление капитализма при обеспечении регулирующей роли государства. В восстановительный период есть предпосылки (напр. установление твердых денежных единиц), необходимые для перехода к новому руководству советским хозяйством, на этом этапе мы имеем план в полном смысле этого слова, здесь планирование играет ведущую роль.

Новый этап — абсолютное преобладание роли плана в советском хозяйстве, сочетание планового начала с элементами стоимостного регулирования при абсолютно преобладающей роли планового начала во всем советском хозяйстве — характерен для последней стадии нэпа.

Поскольку плановость есть одна из существенных черт нашего вступления в период социализма, поскольку вместе с этим план еще сочетается с элементами

стоимостного регулирования, постольку возникает необходимость сохранения денег, хозрасчета и целого ряда других категорий. Сама природа стихии меняется вследствие того, что план овладевает стихией, во все возрастающей степени используя ее для дальнейшего развития социалистических элементов.

Элементы стихии порождаются у нас недостаточной организованностью самого социалистического сектора и наличием этих элементов в самом социалистическом секторе. Напр. в колхозах элементы стихии порождаются частичным сохранением собственности на средства производства, порождаются сохранением мелкотоварного сектора, недостаточно еще обобществленным бытом и т. д. Следовательно прежде отомрут классы, и гораздо дольше будут сохраняться товарные формы, так как за ними будут сохраняться известные моменты стихии, совершенно отличные от стихии капиталистического хозяйства. С уничтожением классов стихия уже порождать капитализма не будет, она станет орудием в руках рабочего класса.

За товарной формой у нас скрывается в основном плановое руководство, сочетающееся в известной степени с элементами стоимостного регулирования и с элементами стихии, и постольку товарные формы нам нужны. Наша товарная форма в корне отличается от товарной формы капиталистического хозяйства (там за товарной формой скрывается закон стоимости и стихии, а у нас в основе плановое руководство). Так как за товарной формой до известной степени скрываются элементы стихии, сохранение товарной формы необходимо по отношению ко всему советскому хозяйству и по отношению к социалистическому сектору.

За деньгами у нас скрывается также плановое руководство, тоже сочетающееся с элементами стоимостного регулирования. Советские деньги — не только количественное выражение, они кроме того являются и денежной формой хозяйства.

Сейчас мы, заканчивая свое выступление т. Островитянов, развертываем последнюю стадию нэпа, и это означает, что мы товароформу, деньги, хозрасчет делаем орудием нашего планового руководства со стороны нашего социалистического сектора.

Тов. Малышев. Экономика переходного периода представляет собой единство противоположностей с точки зрения ленинского понимания диалектики. С этой точки зрения мы прежде всего должны будем отвергнуть всякие попытки представить себе, что рост социалистического общества в переходный период может происходить стихийно.

Непонимание того, что в единстве противоположностей имеется прогрессивная ведущая противоположность — в единстве переходной экономики носителем этой противоположности является пролетариат, — это непонимание приводит к ошибкам. Так т. Островитянов в вопросе о законе стоимости стал благодаря этому непониманию на позиции Смилги. Ни о каком равноправии между стихией и народнохозяйственным планом конечно нельзя говорить. Но может быть народнохозяйственный план одинаково даст возможность осуществить социалистическое обобществление на всех этапах социалистического строительства? Нет. Именно пролетариат в наших условиях осознал, что дело социализма будет решено тогда, когда мы подведем под нашу экономику производственные силы высокого уровня.

Переходная экономика в этих условиях воспроизводится не на новой и более высокой, нежели в предыдущий этап, основе, вступление в период социализма представляет собой тот этап, когда пролетариат, подготовив достаточную материальную основу и убедив крестьянство в преимуществах социалистического хозяйства, приступает к непосредственной ликвидации классов.

По центральному тезису доклада т. Борилина «о фундаменте социалистической экономики» у докладчика замечается неясность в применении марксовской форму-

лы о «собственной базе» для развития коммунистического общества. Построение фундамента социализма еще не уничтожает окончательно классов, оно только создает прочную базу для окончательного уничтожения их. Поэтому очевидно нельзя говорить, что мы создаем сегодня «собственную базу» для развития коммунизма. Дальше т. Малышев отмечает, что Боролин недооценил лозунга, выдвинутого партией, об овладении техникой. А этот лозунг по своему значению равен лозунгу, который партия выбросила в 1921/22 г. об овладении торговлей. Этот лозунг решает победу социализма на данном этапе, потому что только высшая производительность труда может обеспечить победу социализма в нашей стране. Поэтому нам нужно формировать нарастание социалистических элементов в нашей стране, необходимо подвести под эти социалистические отношения материальную базу.

Мы создали условия внедрения техники в сельское хозяйство.

Теперь перед нами стоят задачи создания новой техники, новой организации труда, нового типа работника. Только в этих условиях мы завершим построение социалистического фундамента.

Второй момент, на котором следует остановиться,—это вопрос об сближении разницы между умственным и физическим трудом, ибо без разрешения этой проблемы построение коммунизма делается невозможным. Для того чтобы эту разницу уничтожить, нужно создать такие условия производства, которые дали бы возможность рабочему применять свой труд на различных производствах.

Не прав т. Бутаев в вопросе о классовой природе колхозников. Колхозники должны рассматриваться в условиях классовой структуры как класс, потому что они активно выступают против кулачества, но они не будут классом после построения завершения социалистической экономики.

Вопрос о том, перескочим ли мы продуктообмен или нет, решается в зависимости от того, как пойдет развитие колхозов в деревне — путем ли сращивания и непосредственного вклинивания колхозов в сеть последовательно социалистических предприятий с МТС или перерастанием колхозов в тип коммун. Надо полагать, что развитие пойдет по первому пути, и тогда мы пройдем после советской торговли еще этап развернутого продуктообмена, после чего вступим в этап социалистического распределения.

Заключительное слово т. Боролина. В связи с некоторыми упреками, которые были сделаны по поводу самого круга вопросов, охваченных докладом, нужно заметить, что целью его было выделить лишь основные вопросы современного этапа нашего развития.

Один из этих основных вопросов — вопрос о двойственном характере современного этапа. Тов. Молотов в своем докладе подчеркнул мысль об этой двойственности, весьма для нас важной.

Нынешний этап есть этап, когда мы уже вступили в период социализма, с другой стороны, это этап, когда мы еще не изжили нэпа и находимся на последней его стадии в периоде, переходном от капитализма к коммунизму. Эта двойственность определяется прежде всего теми особенностями, которые присущи самому переходному периоду от капитализма к коммунизму. В отличие от других переходных периодов — от феодализма к капитализму напр.— наш переходной период есть эпоха величайших трудностей, необычайной сложности, ибо речь идет о полном преобразовании старого антагонистического общества. В то время как переход от феодализма к капитализму был переходом от одной антагонистической формации к другой, у нас речь идет о создании единой крупной государственной машины с тем, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом.

В то время как капитализм мог развиваться при одновременном существовании докапиталистических форм организации, социализм и коммунизм предполагают полную ликвидацию всех остатков старой хозяйственной формы. Говоря о пе-

переходе к коммунизму, мы должны иметь в виду, что в коммунистическом обществе будет ряд ступеней. Социализм — первая, коммунизм — высшая ступень этого нового общества. Маркс в «Критике Готской программы» указывал, что на этой первой ступени будут уничтожены классы, но еще сохранятся буржуазные права. Ленин, говоря о переходной эпохе, иногда прямо формулирует так, что речь идет о переходной эпохе от капитализма к полному коммунизму. Мы должны подчеркнуть, что конец переходной эпохи от капитализма к коммунизму означает полное окончание переделки старого общества.

Говоря о переходе от капитализма к коммунизму, мы не вправе сказать, что переходной период заканчивается сейчас, когда мы вступаем в социализм. Это особенность нашего переходного периода. Уже сейчас конкретно стоит вопрос о второй пятилетке, мы ставим перед собой задачу — двигать те проблемы, окончательное разрешение которых возможно только при полном коммунизме, как например проблема ликвидации различия между физическим и умственным трудом. Речь идет не только о переходе к социализму первой ступени коммунистического общества, но о переходной эпохе к полному коммунизму. Не поняв этого, нельзя правильно оценить двойственный характер современного этапа и всю его сложность. Эту двойственность, о которой говорит т. Молотов, — черты старого в новом и нового в старом — весьма важно подчеркнуть на настоящем этапе развития, когда мы находимся в последней стадии нэпа и вместе с тем вступаем в период социализма. Отсюда вытекают те основные большие вопросы современного этапа, которые занимают нас: о советской торговле, о товарообороте, о ценах, о хозрасчете и кредитных отношениях в связи с кредитной реформой и т. д., не говоря уже о связанности вопросов переходного периода с вопросами мировой революции, поскольку конкретно, исторически переходная эпоха не может закончиться, пока во всем мире не будут переделаны сверху до низу эти капиталистические отношения. Как связать конкретные вопросы современности с двойственным характером современного этапа? Возьмем коллективизацию. Мы уже имеем огромные успехи в этой области, но еще не достигли той ступени развития производительных сил, которая необходима для полной ликвидации нэпа. Развернутое наступление социализма по всему фронту будет закончено, когда нами осуществится сплошная коллективизация сельского хозяйства, когда будет достигнута определенная ступень обобществления и определенная ступень развития производительных сил. Это немисливо без реорганизации самих основ производства. Для того чтобы отказаться от этого товарооборота, для того чтобы ликвидировать деньги, нужно прежде всего распрощаться с частным хозяйством для того, чтобы ликвидировать товарооборот и деньги, полностью овладеть этим товарооборотом, нужно преодолеть целый ряд организационных, экономических и технических трудностей. Говоря о характере и понимании организационных, экономических и технических трудностей, нужно остановиться на вопросе о продуктообмене и указать, что к прямому продуктообмену мы перейдем после того, как будут пройдены на деле определенные стадии обобществления производства и распределения, как будут преодолены определенные организационные, экономические и технические трудности.

Наше развитие пошло таким образом, что мы не смогли притти сразу к прямому продуктообмену между городом и деревней, а должны были пойти окольными путями, через торговлю, через деньги, через государственное регулирование купли и продажи. Но этими путями мы придем к нашей цели, к прямому продуктообмену. Когда мы построим социализм, закончим нэп, когда мы развернем в достаточной мере советскую торговлю, ликвидируя частную торговлю, только тогда мы перейдем к прямому продуктообмену.

Мы уже возвели базу социалистической экономики, эту базу, которая переделывается, но будет основой развития социализма. Завершив в 1931 г. построение экономической базы, мы будем ее переделывать, развивать. То же можно ска-



зать и по конкретным вопросам: развив советскую торговлю, мы сможем от нее отказаться, перейдем к прямому продуктообмену. Аналогично, хотя и своеобразно, стоит вопрос о товарных формах и хозрасчете. Использование товарной формы со стороны социалистического сектора должно привести к отмиранию самой товарной формы. Разворачивание стихийного товарооборота, углубление противоречий товарной формы на нынешней стадии не могут иметь места, потому что план господствует над ней, не только ограничивая эту товарную форму. Вместе с отмиранием товарной формы перестает существовать и стихия, хотя т. Островитянов и говорил, что после ликвидации классов элементы стихии сохранятся. Не прав и т. Новаковский, говоря, что советская торговля сохраняется при социализме до полного коммунизма. Это значило бы, что сохраняются и деньги, потому что советская торговля предполагает использование товарно-денежной формы. Хозрасчет же в социалистическом обществе сохраняется в том смысле, что там будет суровый расчет по количеству и качеству труда. В этом смысле тот хозрасчет, который мы проводим, этот контроль рублем, это есть форма социалистического учета в наших условиях, подготавливающая тот прямой социалистический учет, к которому мы придем в социалистическом обществе.

По вопросу о классах и тех обвинениях, которые выдвигаются т. Бутаевым, нужно сказать следующее: в той эпохе социализма, в которую мы уже вступили, будет ряд переходных форм до тех пор, пока не будут упразднены классы и пока наконец мы не придем к полному коммунизму. Бутаев «изобрел» деньги, которые будут выражать конкретный труд — какие-то новые деньги не капиталистические, не советские, а социалистические. Деньги выражают именно абстрактный человеческий труд, денег же, выражающих конкретный человеческий труд, в природе нет. Неверно у т. Бутаева и его изображение колхозного крестьянства как нового, особого класса, порожденного переходным строем. Переходный строй не порождает новых классов. Верно, что колхозное крестьянство еще класс постольку, поскольку оно еще не стало полностью группой социалистических производителей, но это есть уже форма уничтожения класса.

В заключение нужно со всей серьезностью подчеркнуть важность и необходимость того, чтобы внимание наших экономистов было сосредоточено на проблемах построения социализма в нашей стране, на разработке вопросов современного этапа. Сейчас это становится наиболее актуальной задачей.

**И. М. БУРДЯНСКИЙ.**

## **ПУТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СТАНДАРТИЗАЦИИ**

(Из доклада от 5/VI 1931 г. в Институте техники и технической политики Комакадемии)

Бурно развертывающееся социалистическое переустройство народного хозяйства СССР теснейшим образом связано с техническим его перевооружением, с подведением под него мощной технической базы, с освоением техники передовых стран капитализма, ибо «в период реконструкции техника решает все» (Сталин).

Освоение достижений техники передовых стран капитализма должно производиться как критическое, творческое освоение этой техники, в полном соответствии с производственными отношениями страны, строящей социализм.

Одновременно необходимо развить борьбу за темпы научной разработки основ социалистической техники и внедрение этих разработок в практику нашего хозяйства: без революционной теории в области техники и технической политики не может быть победной революционной практики в этой важнейшей отрасли нашего действия.

Мощный рост производительных сил СССР на путях строительства социализма создает огромные возможности для стандартизации; в свою очередь, сама стандартизация является могучим средством, стимулирующим воспроизводство определенных производственных процессов и тем самым ускоряющим темпы развития производительных сил нашей страны.

Стандартизация, проводимая в условиях развернутого социалистического наступления, направленная на укрепление социалистических отношений и скорейшую ликвидацию остатков капитализма в нашей стране, — социалистическая стандартизация — должна разумеется как комплекс плановых мероприятий, направляемых на установление определенных, на базе научных методов творчески отобранных или сконструированных и сведенных в своем разнообразии до рамок необходимости и достаточности типов и видов продукции и необходимых для ее производства сырья, материалов, оборудования, технологических и трудовых процессов, а также методов и процессов организации производства.

Пределы необходимости и достаточности устанавливаемых разновидностей продукции и средств производства определяются диалектически в соответствии с требованиями передовой техники, перспектив социалистической техники, общих задач социалистической экономики — расшифрованными при активном участии широких рабочих масс, применительно к конкретным условиям, особенностям и взаимосвязям того производства, стандарт которого устанавливается.

Так как на путях планового установления необходимых и достаточных разновидностей продукции и средств производства мы ликвидируем множество разновидностей, доставшихся нам в наследство в результате анархии капиталистического производства и самотека до сих пор нестандартизированного производства; так как всякий критический научный анализ, творческий отбор и конструирование разновидностей продукции и средств производства приводят к уменьшению не оправданных требованиями социалистической экономики этих разновидностей, — то в итоге социалистической стандартизации достигается резкое уменьшение разновидностей продукции, средств и методов производства. Сокращение количества разновидностей продукции и средств производства в

результате социалистической стандартизации несет огромные качественные сдвиги социалистическому производству.

Пути социалистической стандартизации мыслятся обязательно увязанными с общими установками нашей политики и путями нашей технической политики.

Техника всегда во всех ее сторонах неразрывно связана с экономикой, с конкретными производственными отношениями: это положение полностью относится и к стандартизации как одному из методов рационализации и технической реконструкции. Стандартизация в современную эпоху может быть поэтому либо капиталистической (как сейчас на Западе), либо социалистической (как у нас в СССР).

Необходимо поэтому вести ожесточенную борьбу со всяким нескритическим перенесением на нашу почву установок и методов капиталистической стандартизации; необходимо полностью выкорчевать остатки той капиталистической, вредительской методологии стандартизации, которая до самого недавнего времени пропагандировалась у нас в стране (Папернов).

Необходимо решительно бороться и с примиренчеством к враждебной нам «внеклассовой» методологии стандартизации, игнорирующей классовые особенности нашего социального строя; необходимо драться за установки социалистической стандартизации, за достижения максимальной эффективности от внедрения этой стандартизации.

Эффективность социалистической стандартизации идет по следующим линиям:

а) стандартизация, подкрепляясь мероприятиями по специализации и кооперированию, является обязательной предпосылкой массового производства, развивающегося на путях социалистической техники в автоматизированное, непрерывно-поточное производство, в фабрику-машину, которую предсказывал Маркс;

б) стандартизация, основанная на творческом отборе и конструировании определенных разновидностей продукции, средств производства, обеспечивает реальную борьбу за качество (в объем понятия «наиболее целесообразная разновидность» включается и соответствие требованиям эстетики пролетариата и установкам социалистической культуры);

в) стандартизация в результате критического, на базе научных методов, создания конструкций приводит к плановому использованию материалов, к их экономии, к замене дорогих материалов более дешевыми, импортных — отечественными; стандартизация при массовом производстве экономит материалы и путем уменьшения отходов производства;

г) стандартизация при массовом производстве обеспечивает взаимозаменяемость частей и тем самым упрощает и ускоряет процессы монтажа и процессы производства ремонта;

д) стандартизация продукции, особенно при массовом производстве, упрощает и облегчает трудовые процессы и тем самым приводит к уменьшению потребностей в рабочей силе и понижению требований к ее квалификации, что приобретает особенное значение в настоящий момент при недостатке квалифицированной рабочей силы в нашей стране.

е) стандартизация продукции, процессов и методов производства приводит к уменьшению накладных расходов (по конструированию, чертежному делу, планированию производства, уменьшению необходимых для производства площадей, уменьшению излишних производственных и складских запасов, упрощению методов испытаний и т. д.);

ж) стандартизация, в результате регламентации качества продукции, методов тары и упаковки, методов перевозки, методов испытаний, сильно снижает потери, а тем самым и расходы по сети товарооборота;

з) в результате ряда компонентов стандартизация, особенно при массовом

производстве, приводит в итоге к снижению себестоимости продукции и укреплению хозрасчета;

и) стандартизация, создавая взаимозаменяемость частей, упрощая ассортимент, отбирая типы, устанавливая режимы техники безопасности, несет большие удобства и потребительские выгоды каждому предприятию и каждому отдельному потребителю;

к) в результате упорядочения и регламентации процессов производства, стандартизация приводит к повышению производительности труда в социалистическом хозяйстве;

л) в результате стандартизации, особенно при массовом производстве, достигается ускорение темпов производства, строительства в частности; этот момент сам по себе представляется чрезвычайно важным на путях решения задачи «догнать и перегнать» в боях социализма с капитализмом;

м) регламентируя процессы производства, стандартизация упрощает и облегчает задачи управления производством и тем самым содействует вовлечению в дело управления широких рабочих и колхозных масс и облегчает борьбу с секретничеством и бюрократизмом.

Хотя по некоторым из вышеназванных пунктов стандартизация приводит к определенной эффективности и в условиях капиталистического хозяйства, однако там она сводится на-нет анархией производства, кризисами, несущими огромные народнохозяйственные потери; только в условиях социалистического строительства все потенциальные возможности стандартизации раскрываются полностью, и все ее преимущества приобретают особое значение и новые качества, развертываясь на базе планового хозяйства.

В итоге социалистическая стандартизация как экономически необходимый фактор социалистического строительства, максимально содействуя социалистическому обмену опытом, созданию «планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов» (Ленин), увеличивая производительность общественного труда, ускоряя темпы производства, является одним из важнейших факторов успешного социалистического наступления.

Современное состояние дела стандартизации в СССР, давшей за 5 лет на 1 июня 1931 г. 2625 общесоюзных стандартов, свидетельствует об определенных успехах, достигнутых нами на этом участке социалистического строительства. Эти успехи однако ни в коей мере не соответствуют требованиям и возможностям планового социалистического хозяйства. По количеству утвержденных стандартов мы идем позади Германии, где к январю 1931 г. налицо 3400 утвержденных общегосударственных стандартов.

По качеству своему утвержденные до сих пор в СССР стандарты в огромном своем числе не являются стандартами ведущими, технически перевооружающими наше народное хозяйство, охватывающими объекты, имеющие большое народнохозяйственное значение.

Наконец (и это самое главное) по степени реального внедрения стандартов в производство мы чрезвычайно сильно отстали от передовых стран капитализма, особенно если учесть, что ряду наших общесоюзных стандартов на Западе корреспондируют заводские стандарты и нормы (правда конкурирующие друг с другом в борьбе монополий). Причины такого состояния нашей стандартизации надо искать в слабости технического руководства нашим хозяйством, господствовавшей до сих пор практике «невмешательства в технику», облегчавшей вредительство в технике. Это вредительство, замалчивание стандартизации, направление ее по путем капиталистических методов в условиях ожесточенной классово-борьбы сыграли несомненно огромную роль в отставании нашей стандартизации от потребностей и возможностей планового хозяйства.

Планирование нашей стандартизации, как и все планирование развития техники в нашей стране, находится еще в первоначальной своей стадии.

Лишь на 1931 г. были даны первые контрольные цифры по стандартизации, на основе которых смонтирован детальный план работ по стандартизации на 1931 г., который ввиду прорывов на ряде важных участков фронта стандартизации не является однако целостным планом стандартизации.

Хотя план стандартизации на 1931 г. является значительным шагом вперед в деле планирования стандартизации, хотя в плане 1931 г. предусмотрены новые направления стандартизации — важнейшая работа по типизации обрудования и стандартизации технологических процессов — однако эти работы, как и внедрение стандартов, развиваются недопустимо недостаточными темпами.

Необходимо уже в настоящем году выработать и приступить с 1931 г. к осуществлению целостного народнохозяйственного плана стандартизации.

Общие установки этого плана социалистической стандартизации, рассматриваемого в качестве составной и неотъемлемой части общего народнохозяйственного плана, должны определяться необходимостью:

а) ускорения темпов социалистического переустройства всего народного хозяйства, социалистической переделки сельского хозяйства на базе коллективизации, строительства крупных совхозов и агрокомбинатов, социалистической переделки быта (коммунальное дело, соцкультурнормы, общественное питание);

б) ускорения темпов технического перевооружения нашего народного хозяйства;

в) предварения стандартами нового строительства и создания новых производств, особенно по линии командных высот, энергохозяйства в частности (мощности, другие параметры, схемы установок и строительства и т. д.).

г) плановой государственной регламентации борьбы с потерями в народном хозяйстве;

д) решительной борьбы за улучшение качества продукции;

е) соответствия плана стандартизации требованиям обороны с тем, чтобы при первой необходимости все народное хозяйство могло быть наиболее полно и в скорейший срок поставлено на службу дела обороны (единый стандарт и специальные военные стандарты);

ж) улучшения условий труда и быта (в том числе через внедрение стандартов по технике безопасности);

з) развития экспорта и занятия прочного положения на международном рынке.

Реализация этих установок плана мыслится на базе включения в дело планирования стандартизации научно-исследовательской мысли и инициативы широких масс рабочих и колхозников — встречные планы стандартизации, как и встречные стандарты, должны явиться важнейшими материалами при построении и выполнении плана стандартизации.

Эти общие установки составления плана стандартизации должны быть конкретизированы применительно к специфическим условиям каждой отрасли народного хозяйства в соответствии с ее путями развития и планами технической реконструкции. Упор должен быть взят на обеспечение стандартизацией командных узлов нашего хозяйства, на перевооружение их в соответствии с перспективами социалистической техники. Создание стандартов должно происходить при полном учете важнейших взаимосвязей соответствующих объектов стандартизации с другими объектами. По отдельным отраслям народного хозяйства выявятся отдельные цепочки последовательности стандартизации определенных объектов.

Планы стандартизации отдельных отраслей народного хозяйства должны быть диалектически комплексно увязаны в единый народнохозяйственный план стандартизации.

Пытаться создать единую цепь всех объектов народнохозяйственной стандарти-

зации, проводя стандартизацию в порядке этой цепи, явилось бы организационным схематизмом, который привел бы к задержке темпов стандартизации, к тормозу внедрения стандартов, к задержке технического прогресса.

Как вехи составления плана стандартизации должны быть приняты следующие положения:

а) необходимо по каждой отрасли народного хозяйства пересмотреть всю номенклатуру производимой и потребляемой продукции в целях решительного сокращения этой номенклатуры и ее научной классификации. Это сокращение должно ускорить и процессы специализации и кооперирования предприятий;

б) необходимо каждой отрасли народного хозяйства по всем видам массового производства установить определенные с большей или меньшей полнотой охватывающие продукцию качественные характеристики (в виде ОСТов, временных республиканских стандартных правил, ВЕСТов, стандартов хозобъединений или заводских нормалей) с указанием методов тары и упаковки в целях борьбы за определенное наперед заданное качество продукции;

в) необходимо закончить в 1932 г. типизацию форм и размеров всех деталей общего машиностроения в целях содействия конструированию машин из стандартных деталей во всех отраслях народного хозяйства;

г) аналогично необходимо обеспечить разработку и производство стандартных строительных деталей, в целях перехода в строительстве на скорейший монтаж, с учетом требований перспективного развития социалистического быта;

д) в отношении всех видов машиностроения (машины-двигатели, машины-орудия, химаппаратура и т. д.) необходимо взять жесткий и решительный курс на конструирование типов этих машин с учетом возможностей скорейшего монтажа машин в соответствии с требованиями социалистической реконструкции и путей социалистической техники.

Одновременно как подчиненная, но тем не менее важнейшая задача, должна выполняться стандартизация деталей этих машин — деталей, общих разным типам машин;

е) на базе требований стандартной продукции должны выявиться определенные стандартные требования к сырью, материалам и полуфабрикатам для производства этой продукции, а также технологическим процессам;

ж) всем этим этапам стандартизации должна сопутствовать работа по стандартизации методов испытания качества продукции;

з) на базе вышеуказанных видов стандартов можно и должно стандартизировать методы организации производства, составной частью которых должны явиться правила по технике безопасности;

и) стандартные методы технологии и организации производства должны будут иметь своим следствием стандартизацию трудовых процессов, которой должны заняться наши органы рационализации и нормирования;

к) цикл работ по стандартизации должен быть закончен стандартами документации производственного учета и управленческой деятельности.

Все эти общие положения должны быть диалектически разработаны по каждой отрасли народного хозяйства, в соответствии с ее специфическими условиями и особенностями, с учетом требований районного разреза и перспектив нового строительства, а также создания новых производств, с тем, чтобы соответствующие этапы стандартизации предвзяли и пуск новых производств и большие реконструктивные мероприятия. Необходимо в результате разработки плана стандартизации наметить начало второй пятилетки как контрольную точку во времени, когда у нас в стране не будет ни одного вида массовой, более или менее важной продукции, ни одного важного метода производства, не охваченного стандартом, в том или ином виде.

Все стандарты в СССР должны составляться, утверждаться и внедряться с

учетом того, что они должны являться стандартами динамическими, периодически перестраиваемыми в соответствии с требованиями экономики страны и технической реконструкции.

В 1931 и 1932 гг. в частности должны быть пересмотрены все стандарты, утвержденные до настоящего времени.

Стандарт, естественно, только тогда приобретает реальное народнохозяйственное значение, когда он планомерно внедрен в производство.

Между тем положение с внедрением общесоюзных стандартов, несмотря на их обязательность, обстоит благодаря косности и остаткам вредительства (например «средняя» норма) чрезвычайно неблагоприятно. Отсутствие до сих пор в системе народного хозяйства учета внедрения стандартизации, отсутствие должной постановки фактического систематического контроля за внедрением стандартов затрудняет возможность быстрого и соответствующего реагирования на игнорирование общесоюзных стандартов. Необходим решительный перелом на этом участке, необходимо создание системы контроля за внедрением стандартов в соответствии со специфическими особенностями отдельных отраслей народного хозяйства. Необходимо построить эту систему с включением в нее в качестве составной части контроля широких рабочих масс и колхозников.

По линии промышленности важнейшими предпосылками развернутого внедрения стандартизации на базе специализации (предметной и технологической) предприятий и их кооперирования являются:

а) завершение метрреформы, которое нужно провести в кратчайший срок по линии промышленности, как и по другим отраслям народного хозяйства;

б) решительный сдвиг в контрольно-измерительном деле (допуски, калибры, контрольная аппаратура) и обеспечение систематического технического контроля;

в) надлежащая постановка инструментального дела.

По линии сельского хозяйства стандартизация, приобретая колоссальные возможности развития на базе все растущих по своему количеству и размерам совхозов и завершающейся коллективизации, требует как важнейших предпосылок для своего внедрения:

а) районирования сельскохозяйственных селекционных сортов и пород и специализации районов;

б) развития надлежащего плана сортосмены;

в) форсирования опытного дела, в частности в области установления режима межрядий;

г) планового использования семенных фондов;

д) форсирования специальных мероприятий по производству удобрений;

По линии строительства развернутое внедрение стандартизации требует:

а) плановой организации проектно-конструкторского дела;

б) концентрации внимания на участках массового производства строительных деталей и частей зданий (строительные дворы);

в) организации монтажа и строительства (через стандарты деталей и конструкций);

г) механизации строительства.

Развитие стандартизации в области транспорта (всех видов транспорта и связи) сейчас имеет большие перспективы в связи с намечающейся реконструкцией транспорта, возможностями унификации элементов разных видов транспорта и широким развитием связи, а в первую очередь радиосвязи.

Большое значение в этих отраслях народного хозяйства приобретают стандарты эксплуатации средств транспорта и связи; внедрение этих стандартов — одна из важнейших задач рационализации хозяйства транспорта и связи.

Постановка и успех стандартизации в области распределения зависит непосредственно от:

- а) стандартизации таро-упаковочного дела и фасовки;
- б) концентрации внимания на развитии общественного питания, сети закрытых распределителей и стандартных магазинов общего пользования;
- в) согласования внутренних стандартов экспортной продукции по отдельным видам продукции; необходимо поставить своей задачей выступать на капиталистических рынках на базе советских стандартов (взамен равнения на иностранные стандарты).

Массовое развитие социально-культурных мероприятий нашей страны, невозможное в капиталистическом мире, гарантирует огромные перспективы социалистической стандартизации в этой области народнохозяйственной деятельности.

Социалистическая стандартизация теснейшим образом должна быть связана с научно-исследовательской работой по линии всех отраслей народного хозяйства. Научно-исследовательская мысль, питая стандартизацию, вместе с тем через нее находит более широкую дорогу для внедрения в производство всех достижений науки.

Пути изобретательства и стандартизации в условиях социалистического строительства должны быть теснейшим образом связаны между собой. Если в условиях капитализма производственные отношения последнего препятствуют использованию всех достижений техники и изобретательской мысли, если на Западе в борьбе между стандартизацией и изобретательством передовая техническая мысль останавливается перед барьером стандартизации, то у нас в СССР в том единстве и борьбе противоположностей, какими являются изобретательство и стандартизация, мы имеем все возможности к внедрению через динамические стандарты передовых достижений изобретательской мысли.

Изобретательство, переключенное на темпы творческого, планового конструирования, единая тематика планов стандартизации и изобретательства, использование в работе по стандартизации социалистического обмена опытом — вот пути, которые должны быть использованы при создании социалистической техники.

Организационное состояние дела стандартизации в нашей стране, где система органов стандартизации включена в систему органов Госплана, мыслится на базе:

- а) централизации планирования, стандартизации как неотъемлемой составной части общего народнохозяйственного планирования, которое должно пойти по линии насыщения планов социалистической реконструкции техническими технико-экономическими показателями;
- б) планового развития заводской стандартизации;
- в) внедрения стандартизации через промфинпланы;
- г) обеспечения широчайшего участия масс в планировании стандартизации и контроле за внедрением стандартов.

Порядок прохождения стандартов до их утверждения должен быть коренным образом пересмотрен — вместо ставки на «согласование» стандартов, обязательное в условиях капиталистической стандартизации, необходимо плановое внедрение стандартизации как орудия большевистской технической политики.

Обязательство «согласования» стандартов остается только применительно к широким рабочим массам, творческое участие которых в разработке как планов стандартизации, так и конкретных стандартов безусловно обязательно в условиях социалистической стандартизации.

Встречный стандарт — один из важнейших рычагов развития социалистической стандартизации.

Пропаганда социалистической стандартизации является важнейшим мероприятием, обеспечивающим успехи стандартизации. В области производственной пропа-



ганды пропаганда социалистической стандартизации должна занять одно из важнейших мест. Эта пропаганда должна вестись через всю сеть и всю систему нашего общего и специального образования, через всю общую и специальную печать, через кино, радио, плакаты, этикетки и маркировки на упаковке товара. Широкая пропаганда стандартизации может в большой степени помочь вовлечению в дело социалистической стандартизации широких кадров инженерно-технических сил, рабочих-ударников, изобретателей.

Пропаганда социалистической стандартизации, конечно, должна быть поднята на должную теоретическую высоту на базе классово-марксистско-ленинской методологии, на базе партийности в вопросах техники и технической политики.

Борьба за темпы социалистической стандартизации должна являться борьбой с косностью и оппортунистическим невмешательством в технику отдельных хозяйственников и инженерно-технических работников, не понимающих или недооценивающих значения стандартизации как могучего рычага ускорения темпов технической реконструкции нашего народного хозяйства.

Борьба с этим правым оппортунизмом является важнейшей задачей. Одновременно необходимо вести борьбу с «левыми» загибщиками, пытающимися в административном восторге превратить стандарт в путы для социалистического строительства.

Необходимо дать отпор и бюрократам от стандартизации, пытающимся «порядка ради» и количества ради оформить в общесоюзный стандарт всякий объект, в стандартизации не нуждающийся.

Успешное развитие социалистической стандартизации в большой степени зависит от развития научно-исследовательских работ, не только общих, но и по специальной тематике стандартизации. К области этой специальной тематики сверх общей и специальной тематики техники и технической политики относятся примерно следующие вопросы:

- а) нахождение объективных показателей качества продукции,
- б) научные методы определения этих качеств,
- в) методы производственного контроля,
- г) ряд математических проблем из области вариационного исчисления, которое должно быть использовано на путях нахождения наиболее целесообразных вариантов стандартов,
- д) методология учета эффективности стандартизации,
- е) методика создания стандартов,
- ж) методология планирования социалистической стандартизации.

На разработку этих тем должны быть брошены необходимые кадры марксистских сил.

Социалистическая стандартизация, огромное значение которой зафиксировано резолюцией XVI партсъезда, динамически развиваясь в рамках единого народно-хозяйственного плана, опираясь на марксистско-ленинские методологические разработки, является могучим фактором ускорения темпов технической революции, могучим средством овладения техникой передовых стран капитализма и построения основ социалистической техники в интересах скорейшего продвижения к коммунизму.